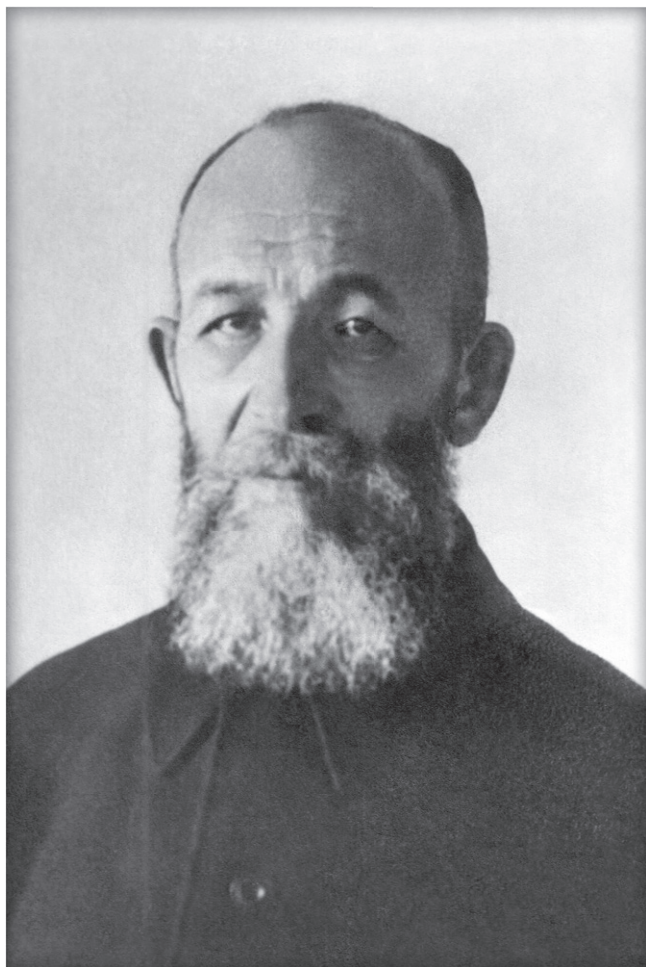

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ

«ПОДВИГОМ
ДОБРЫМ
ПОДВИЗАЛСЯ...»

МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ
АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА
САМАРИНА

*А. Д. Самарин.
Кострома. 1932 г.*

«ПОДВИГОМ ДОБРЫМ ПОДВИЗАЛСЯ...»

ВОСПОМИНАНИЯ
ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ

Материалы к жизнеописанию
Александра Дмитриевича
САМАРИНА
(1868–1932)

К 100-летию Поместного собора
Русской Православной Церкви
1917–1918 годов

К 150-летию
со дня рождения А. Д. Самарина

УДК 271.2
ББК 86.372
П 44

По благословию
митрополита Костромского и Нерехтского
Ферапонта

Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р18-717-0647

П44 «Подвигом добрым подвизался...» Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина (1868–1932) / Авторы-составители С. Н. Чернышев и прот. Дмитрий Сазонов. – Кострома: Издательство Костромской митрополии, 2017. – 312 с.: илл.

ISBN 978-5-903956-13-5

Сборник *«Подвигом добрым подвизался...»** посвящен выдающейся личности российской истории начала XX века – обер-прокурору Святейшего синода А. Д. Самарину. Публикуемые письма, статьи, воспоминания показывают А. Д. Самарина борцом за сохранение монархии и Церкви, проливают дополнительный свет на личность императора Николая II, с православной точки зрения глубоко характеризуют трагическую переломную эпоху в истории России.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей: исследователей российской истории XX века, общественных деятелей, студентов.

УДК 271.2
ББК 86.372

© С. Н. Чернышев, прот. Дмитрий Сазонов, 2017
© Костромская епархия
Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата), 2017

* В названии книги использованы слова из Второго послания апостола Павла к Тимофею: *«Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его»* (2 Тим. 4.7-8).

СОДЕРЖАНИЕ

-
- 007 **Приветственное слово митрополита
Костромского и Нерехтского Ферапонта**
-
- 009 **Предисловие от издателя**
-
- ВОСПОМИНАНИЯ**
- 011 **Чернышев С. Н.**
Род Самариных
-
- 034 **Самарина-Чернышева Е. А.**
Александр Дмитриевич Самарин.
Воспоминания об отце
-
- 128 **Жиркова-Астапова А. И.**
Воспоминания Антонины Иосифовны Жирковой, дочери протоиерея Иосифа, последнего пастыря Спасского собора города Олёкминска, служившего ранее в градомякутской Николаевской церкви. 20 – 30-е годы XX века
-
- СТАТЬИ**
- 153 **Чернышев С. Н.**
Взгляды А. Д. Самарина на взаимоотношения Церкви и государства
-
- 162 **Мазырин А., священник**
«Сергиевская» («Самаринская») церковная группа и Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в 1925 г.
-
- 177 **Сазонов Д., протоиерей**
Александр Дмитриевич Самарин. История возникновения и деятельности Союза объединенных приходов г. Москвы. К оценке личности

-
- 201 **Таирова Ю. Г.**
Храмоздатель
-
- ОБРАЩЕНИЯ, ПИСЬМА, ЗАПИСИ**
- 207 Обращение московских дворян к императору
Николаю II. 1905 год
-
- 219 **Самарин П. Д.**
Рассказ Саши о поездке его к Государю
в Барановичи 19–21 июня 1915 года
-
- 236 Письма и записи А. Д. Самарина периода обер-
прокурорства
-
- 249 **Самарин А. Д.**
Запись о докладе государю императору
Николаю II резолюции съезда Объединенных
дворянских обществ
-
- 255 Письма священника Павла Флоренского
к Александре Саввишне Мамонтовой
-
- 261 Письма к Е. А. Самариной по поводу кончины
А. Д. Самарина
-
- 264 **Самарин А. Д.**
По Олёмке
-
- 265 Послесловие
-
- 270 **Чернышев С. Н.**
Биографические сведения об А. Д. Самарине
-
- 275 Об авторах

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО МИТРОПОЛИТА КОСТРОМСКОГО И НЕРЕХТСКОГО ФЕРАПОНТА

ПРЕДЛАГАЕМАЯ читателям книга посвящена одному из выдающихся общественных и церковных деятелей России первой четверти XX века Александру Дмитриевичу Самарину (1868–1932 гг.).

Племянник известного славянофила Ю.Ф. Самарина, А.Д. Самарин прошел путь государственного и общественного деятеля от земского участкового начальника Бронницкого уезда Московской губернии до обер-прокурора Святейшего синода Российской империи, почетного члена Московской духовной академии. В годы великой войны он потрудился на должности главноуполномоченного Российского общества Красного Креста. Во время послереволюционных церковных преобразований Александр Дмитриевич принимал активное участие в судьбе Церкви. На Поместном соборе Русской Церкви 1917 года он был выдвинут кандидатом на место Патриарха Московского и всея России, в феврале 1918 г. возглавил правление Совета объединенных приходов г. Москвы, созданного для защиты православных храмов от поруганий новой безбожной властью. Но какой бы пост ни занимал Александр Дмитриевич, в каких бы условиях ни находился, он всегда оставался верным сыном Русской Православной Церкви и большим патриотом России.

Неоднократно он писал в учреждения и к деятелям Русской Зарубежной Церкви, сообщая эмигрантам о положении Церкви и мирян на Родине. Принадлежавший к «Даниловской группе», Александр Дмитриевич тяжело переживал компромиссы с советской властью. В 1925 году его впрямую обвинили в давлении на Патриарха Тихона и Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) с целью сохранения церковной независимости.

После неоднократных арестов и ссылок А.Д. Самарин, получивший запрет проживать в крупных городах Советского Союза, переехал в провинциальную Кострому, где очень скоро стал активно участвовать в церковно-приходской жизни в качестве чтеца, певца и регента – сначала в храме Всех Святых, а потом в Борисоглебской церкви, что на Муравьевке (обе церкви разрушены). В нашем городе он и скончался. Сейчас на месте его захоронения на бывшем Александро-Невском кладбище Костромы устанавливается памятное надгробие.

Настоящий сборник статей и документов, посвященных Александру Дмитриевичу, раскрывает перед нами малоизвестные страницы жизни этого незаурядного человека.

Отрадно знать, что имя и труды А.Д. Самарина не затерялись в архивах, не пропали в бурном водовороте событий XX века, а по достоинству оцениваются нами сейчас, в веке XXI.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Федоров" (Feodorov), written in a cursive style.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В СБОРНИКЕ «Подвигом добрым подвизался...» (Посл. 2 к Тимофею 4.7), посвященном А.Д. Самарину, скончавшемуся в ссылке в 1932 году и погребенному в Костроме, представлены воспоминания, статьи, письма, характеризующие его как церковного и общественного деятеля первой четверти XX века. Масштаб его личности и значение ее для России XX века можно оценить, если перечислить только некоторые государственные и общественные посты, которые он занимал: предводитель дворянства Московской губернии, председатель Постоянного совета объединенных дворянских обществ, главноуполномоченный Красного Креста во время Первой мировой войны 1914–1917 гг., в 1915 году обер-прокурор Святейшего синода, товарищ (заместитель) председателя Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., председатель Совета объединенных приходов Москвы после октября 1917 года. Перед нами предстает фигура человека-гражданина, человека, верующего в Бога и соблюдающего Его заповеди, слуги царя и Отечества не за страх, а за совесть. Рисуя личность А.Д. Самарина, представленные читателю документы, письма, воспоминания, фотографии одновременно живо доносят черты предреволюционной и послереволюционной России.

В близких к стенограммам записях двух бесед Николая II с А.Д. Самариним и в письмах из Петро-

града перед нами ярко представлены личности императора-страстотерпца Николая II, великого князя Николая Николаевича Романова, их окружения. В исторической перспективе читателю предлагается увидеть образ А. Д. Самарина – благородного, глубоко верующего, прямого, искреннего и честного человека – преемника древней семейной традиции служения России. В сборнике воссоздана картина общественной жизни начала XX века, несовершенство которой привело к падению монархии и разорению Русской Православной Церкви, без которой невозможно представить основы русской государственности.

Книга предназначена для читателей, интересующихся русской историей в переломную эпоху первой трети XX века, а также выдающимися личностями той трагической эпохи. Сборник представляет впервые публикуемые документы, хранящиеся в семейном архиве потомков А. Д. Самарина.

*Редакция
2017 г.*

ВОСПОМИНАНИЯ

С. Н. ЧЕРНЫШЕВ

РОД САМАРИНЫХ

НА нынешнем историческом повороте перед нами стоит задача — осознать свою причастность к отречению от царя, совершенному лично или через предков и покаяться в этом грехе, неожиданно ввергнувшем отечество в смуту. Книга, в этом отношении, обращена в первую очередь к потомкам высших классов предреволюционного общества, предки которых пострадали вслед за царской семьей, а так же и ко всем гражданам современной России. Очень мало кто из ныне живущих неповинен в осуждении государя Николая II и государыни Александры Федоровны, кто «как все» не возлагал на них вины за беды России. К покаянию призывал нас Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и Священный синод Русской Православной Церкви: «Грех царубийства, происшедший при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого законов, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании. И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех ее чад — усопших и ныне живущих — приносим перед Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь народ...»¹ Эти слова, сказанные более двадцати лет назад, остаются актуальными и сегодня.

Многие люди XX века, жившие в советское время, были научены государственной пропагандой восхищаться

¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Послание к 75-летию убийства императора Николая II и его семьи. 1993 г. — *Рег.*

революционными событиями и радоваться крушению монархии. Наша задача — научиться сострадать тем, кто страдал с царем в 1917 г. и кто сердцем присоединился к этим страдальцам за последующие годы и десятилетия. Эта книга живо вводит нас в нужную нам эпоху через семью Самариных. Нам не менее нужны такие же публикации о семьях крестьян, военных, рабочих, священнослужителей... Такие книги, к счастью, есть — например, книга С. С. и Н. С. Самуиловых о семье священника «Отцовский крест».²

Семья Самариных, нравственными авторитетами которой являлись, прежде всего, евангельские заповеди, более шести веков верно служила государям российским, то приближаясь к трону, то удаляясь от него. Предок Самариных Нестор Рябец был воеводой у святого благоверного князя Даниила Московского, его внук Иван Родионович Квашня командовал полком на Куликовом поле и вместе с преподобным Сергием Радонежским принял у смертного одра святого благоверного великого князя Дмитрия Донского духовное завещание и свидетельствовал его. В 1613 г. Самарины находились в первых рядах Земского собора, избравшего на царство Михаила Романова. В XVIII веке Михаил Михайлович Самарин много лет был членом первого петровского Сената, а его сын Николай Михайлович — вице-президентом Коммерц-коллегии. В XIX веке Ю. Ф. Самарин — известный славянофил — был одним из авторов реформы 1861 года.

О последних (в границах Отечества) членах семьи Самариных пишет Елизавета Александровна Самарина-Чернышева, скончавшаяся в 1985 году. В настоящее время род Самариных продолжается только в зарубежье. Отец Елизаветы Александровны — Александр Дмитриевич Самарин, его братья: Федор, Сергей, Петр, Юрий, сестры: Софья и Анна дружно трудились на общественном поприще в конце XIX – первой четверти XX века. Они сохраняли в чистоте православный образ жизни и в деятельности своей выражали мысли и чаяния восемнадцати поколений семьи Самариных. Их энергия и самостоятельность, стремление к новому при сохранении православных основ были

² Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. [Кн.1.:] Острая Лука (1908–1926). СПб: Сатись, 1996. Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. [Кн.2.:] В городе (1926–1931). СПб: Сатись, 1996.

такими же, как у предков – бояр древней Москвы. Самарины никогда не входили ни в какие партии. В этом была их сила и, может быть, слабость, но такова традиция семьи.

Ю. Ф. Самарин писал: «Как русский, желающий по-сильно служить моей родине и в мое время, я не принадлежал ни к какой политической партии, даже не признаю разумной причины к образованию в современной России каких-либо партий свойства политического, в серьезном значении этого слова. Я не революционер и не консерватор, не демократ и не конституционалист»³. Юрий Федорович был работником у царя, а императора российского видел работником у Бога. Когда был царь, не было места партиям. Народ призвал Романовых, выборы состоялись в 1613 году, результат их освящен Церковью. Царь управлял по Божьему велению. Остальным оставалось только работать на своём месте.

Самарины всегда стремились к обновлению общества в рамках монархического устройства. Михаил Михайлович был одним из тринадцати сенаторов Петра I, работал над воплощением в жизнь петровских реформ, руководил строительством Кронштадта. Его сын активно участвовал в государственном строительстве первой половины XVIII века, а внук был любимым учеником Петра III, внука Петра I. Близость к государю после убийства Петра III и екатерининского переворота исключила государственную карьеру для Василия Николаевича Самарина. Только через два поколения Самарины, Юрий Федорович, а затем и Александр Дмитриевич, вновь вошли в ближний царский круг. Служа государю и Отечеству, семья Самариных придерживалась взглядов, которые можно выразить словами: «Честь, благо Отечества и вера – прежде всего». Представители семейства на государственной службе без боязни выражали свое мнение, руководствуясь принципами пользы Отечеству. Такая творческая государственная работа несомненно приносила лучшие плоды. Но она же часто и служила причиной опалы, недовольства со стороны вышестоящих открытым выражением самостоятельной позиции по тому или иному вопросу. Судим, претерпел пытки и оправдан был Михаил Михайлович Самарин;

³ Здесь и ниже цитирование по кн.: Самарин Ю. Ф. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 1996. Предисловие Н. Цимбаева, с. 3-14. – *Рег.*

арестован и вынужден печататься за границей Юрий Федорович Самарин; отстранен от должности по настоянию государыни Александры Федоровны, а в советское время трижды арестован был Александр Дмитриевич Самарин. В этой самостоятельности Самариных видится нам дух боярской вольности, донесенный семьей до XX века. Члены семьи Самариных выражали государям не только личное мнение, но и единую точку зрения семьи. «Партией» — группой единомышленников — для них была семья. И от этого также веет духом древности.

«Корабль, на котором мы стоим, тонет — в этом я уверен, — писал Ю.Ф. Самарин К.С. Аксакову после революций в Европе 1848 года. — Нельзя сидеть сложа руки. Лучше признать чистосердечно необходимость коренного преобразования и совершить его правомерным порядком. Это, по-моему, лучшее и единственное средство победить коммунизм»⁴.

Реформами 1861 и 1905 годов не удалось победить террор и революцию. Реформы лишь отсрочили разрушение старого порядка. С точки зрения нашего времени (на основании открытых документов), видно, что нужна была не столько демократизация в рамках монархических устоев, сколько законодательное закрепление многонациональной, веротерпимой, православной в своей основе монархии, опирающейся на самобытное русское, а также молдавское, грузинское, осетинское православное крестьянство.

Наиболее известен современному читателю Ю.Ф. Самарин. Изданы тома его сочинений, о нем написаны книги и статьи. Однако следует согласиться с Н.И. Цимбаевым (1996) в том, что в контексте современных нам событий наследие Ю.Ф. Самарина полностью не раскрыто. По сравнению с ним, менее известны труды А.Д. Самарина, бывшего обер-прокурором Святейшего синода и членом Священного собора нашей Церкви 1917–1918 гг. О надеждах, возлагаемых на него современниками, свидетельствует факт выдвижения его кандидатом в патриархи на Соборе в 1917 г.⁵

Посмотрим предшествующий высокому назначению обер-прокурором послужной список А.Д. Самари-

⁴ Милов Л. В., Цимбаев Н. И. История России XVIII-XIX веков. М.: «Исток», 2006. С.111.

⁵ См.: История Русской Церкви. Кн. IX. М. 1997.

на. В 1915 г. А. Д. Самарин – придворный егермейстер; губернский предводитель московского дворянства; член Государственного совета; председатель Совета дома призрения московских дворян имени гвардии полковника Казакова; почетный член Совета Московского отделения попечительства императрицы Марии Феодоровны о глухонемых; председатель правления попечительства над учащимися в Москве славянами; председатель губернского училищного совета Московского присутственного опекунского совета. Самарин ведет работу в Московском губернском по делам об обществах и по городским и земским делам присутствии, в Институте московских дворян им. императора Александра III, в Попечительском комитете Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Феодоровны в Сергиево-Елизаветинских трудовых убежищах для увечных Русско-японской войны, в Комитете по устройству в Москве музея 1812 года⁶.

По сей день имя Александра Дмитриевича Самарина — известного церковного и общественного деятеля времен последнего царствования – привлекало и привлекает внимание и упоминается во многих литературно-художественных (И. А. Бунин, А. И. Солженицын и др.), исторических и мемуарных⁷ произведениях.

Но, пожалуй, только в публикуемых воспоминаниях его дочери Е. А. Самариной-Чернышевой личность и деятельность А. Д. Самарина раскрыты широко, с великой любовью и уважением, с глубоким пониманием сущности его православно-церковного делания. Он был одним из немногих деятелей уже далекой предреволюционной эпохи, кто стремился к действенным реформам в рамках сохранения монархии, отделения Церкви от государства (для блага государства и Церкви) с восстановлением патриаршества и установлением новых церковно-государственных отношений. Об этом он неоднократно и прямо говорил государю, излагая свою программу, которая чем-то немного расходилась с правительственной линией. Беседы А. Д. Самарина с государем публикуются ниже в за-

⁶ Вся Москва. Адресная и справочная книга. М.: Изд-во А. С. Суворина «Новое время». 1915.

⁷ Шавельский Г., прот. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996; Самарины-Мансуровы. Воспоминания родных. М.: Изд-во ПСТГУ. 2001.

писи Петра Дмитриевича Самарина — брата Александра Дмитриевича — и самого Александра Дмитриевича.

Вопрос об отношении Церкви и государства всегда был основным для России вопросом государственного строительства. С немалыми бедами столкнулось наше Отечество, государи которого пытались по-своему решать проблемы церковно-государственных отношений. Пресеклась династия Рюриковичей, когда Иван IV отверг право митрополита на печалование и на духовное руководство семейной жизнью царя⁸. Рухнуло под ударами Петра недостроенное здание российской государственно-церковной симфонии, заложенное Патриархом Филаретом Никитичем (Романовым) и продолженное Патриархом Никоном. Расколом окончилось противостояние царя и патриарха после того, как царь Алексей Михайлович отказался от духовного руководства и решил по примеру западных королей без благословения вести государственные дела⁹.

Много сил и энергии отдал А. Д. Самарин строительству церковно-государственных отношений в последние предреволюционные и первые послереволюционные годы. На допросе 8 октября 1918 г. в брянском ЧК он сказал: «Взгляд Церкви, который я разделяю, таков, что государство не должно быть безрелигиозным, и что оно, признавая и оберегая внутреннюю свободу Церкви, должно установить законом благожелательное отношение к Церкви, имея даже возможность и право оказывать ей материальную поддержку. Декрет Советской власти 23-го января 1918 года (об отделении Церкви от государства. — С. Ч.), исходя из точки зрения иной, а именно из признания религии делом частным, и из признания полного отделения Церкви от государства, поставил Церковь в очень трудное положение. Но еще в более трудное положение Церковь стала от того, что декрет, по мнению Церковного собора и по моему, пошел дальше отделения Церкви от государства и уже вторгся в свободу совести и в свободу и право внутренней жизни самой Церкви. К этому прибавлю и то, что представители Советской власти на местах [...] в осуществлении декрета шли еще дальше. Естественно, что такое положение не могло не вызвать возбуждения в Церкви. И есте-

⁸ Скрынников Р. Г. Святители и власти. Лениздат. 1990. С. 220, 221.

⁹ Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Лондон. Канада. Изд-во «Заря». 1990. С. 231.

ственно, что в ней возникло желание внутренне сплотиться для защиты своих прав и для создания возможности жить в новых условиях, созданных властью. В частности, в Москве образовалось объединение приходов, и я был избран председателем Временного совета. И в публичных выступлениях, и в частных беседах я всегда предостерегал от активных выступлений против Советской власти, от каких-либо действий силой оружия, убеждал, что это противно духу Церкви, но я считал, что Церковь имеет право заявлять власти о своем разномыслии, принципиальном по вопросу об отношении Церкви к государству. [...] В числе нескольких членов Собора я был командирован в Совнарком в марте сего года для того, чтобы именем Собора отстаивать именно этот взгляд. [...] По поручению Председателя Ленина с нами вели переговоры комиссары Курский, Елизаров и управляющий делами Бонч-Бруевич. Они заявили, что декрет 28 января был составлен спешно и даже односторонне (без всякого участия Церкви) и потому Советской властью уже решено подвергнуть его пересмотру с приглашением представителей разных религий, для внесения необходимых дополнений и разъяснений. О всех случаях нарушения декрета и отступления от него представители Советской власти просили немедленно им сообщать для восстановления законности. По делам Церкви я вместе с другими членами Собора отдельно имел переговоры с Бонч-Бруевичем, и мы постоянно просили о скорейшем приступе к обещанному пересмотру. О пересмотре (декрета. — С. Ч.) мы с согласия Советской власти заявили на Соборе и призвали всех ждать с надеждой внесения дополнительных разъяснений. К сожалению, многократные обещания созвать комиссию и пригласить туда представителей Церкви не были осуществлены. [...] Наоборот, власть еще более стала осуществлять без всяких изменений декрет, отнимая все материальное достояние Церкви, созданное как государством, так и в особенности самим народом, свободной волей целого ряда лиц, жертвовавших свои движимые и недвижимые имущества. Конечно, такое положение все более затрудняет жизнь Церкви в целом и в частности приходскую. Естественно, отсюда необходимость собраний по приходам, а также объединение приходов для организации внутренней жизни при новых

тяжелых условиях»¹⁰. В этой пространной записи, сделанной в час, когда Александр Дмитриевич ожидал расстрела и писал родным, что дни его, а, может быть, и часы, сочтены, он является перед нами человеком ясных и твердых убеждений, практическим работником Церкви, которая тогда под главенством только что избранного Святейшего Патриарха Тихона входила в новые формы. Скрепляемое кровью мучеников, здание Церкви чудом вращалось в архитектуру враждебного православия и отторгавшего Церковь Советского государства.

Сравнение фактов, приведенных в воспоминаниях по памяти и личному архиву Е.А. Самариной-Чернышевой, с данными документов государственных архивов не выявило каких-либо неточностей в текстах, по крайней мере в той части, которая получила дополнительное освещение через следственные дела святого Патриарха Тихона и священномученика митрополита Петра, с которыми, в числе других, находился под следствием и был осужден А.Д. Самарин, а также через следственное дело А.Д. Самарина, Н.Д. Кузнецова и других¹¹.

Личность и деятельность А.Д. Самарина при всей их значительности не были чем-то исключительным в свое время. Напротив, людей с твердыми убеждениями, наделенных ясным от Бога умом и непреклонной волей было много. Именно поэтому неисчислимы сонм священномучеников, мучеников за веру, страстотерпцев и исповедников веры, явившихся перед лицом безбожной власти, возникшей на канонической территории Русской Православной Церкви после отхода от власти благоверного Царя и страстотерпца Николая II¹². Отречение, если оно состоялось, было вынужденным. Не государь отказался от России, а его подданные отказались от него. Больно, но нужно сейчас и здесь писать об этом, поскольку все Самарины были монархистами. А.Д. Самарин был близок к Царю, но, как мы видим, выражая взгляды семьи и представляя

¹⁰ ЦГАМО. Ф. 5062, Оп. 3. Д. 6. Л. 46.

¹¹ ЦА ФСБ РФ д. Н.-17-80. Т.10. Л. 274-277; ЦА ФСБ РФ Ф. 1. Оп.6. Д.11. Л. 61-62; ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Частично документы из этого дела опубликованы в сборнике: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010; Личный архив Самариной-Чернышевой Е. А.; Следственное дело Патриарха Тихона. М.: ПСТБИ. 2000.

¹² См.: История Русской Церкви. Кн. IX. М., 1997. С. 6.

практически все титулованное и нетитулованное дворянство, не мог, не был готов служить ему в безоговорочном послушании.

Оставленный всеми, государь с полным основанием записал в дневнике 2 марта 1917 года: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Действительно, не профессиональные революционеры и не распропагандированные ими солдаты и рабочие только, но крупнейшие военачальники, избранники народа — Государственная дума, включая монархистов и даже члены семьи (главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и великий князь Кирилл Владимирович) настаивали на отречении государя императора Николая II от престола. Ему оставалось либо согласиться с волей окружения, либо организовать сопротивление при полном отсутствии деятельной поддержки, т.к. верные присяге люди были рассеяны, недосигаемы, оклеветаны. Во избежание кровопролития, для защиты «своих» (в действительности государственных, т.е. всенародных) интересов, государь вынужден был уйти от управления страной. При этом Церковь не сняла с него церковной присяги, а он сам не освободился от ответственности за народ. Не следует думать, что народ не имел средств выразить верноподданных чувств своему императору. Так, в начале войны, в августе 1914 года, и после, в стихийных патриотических и монархических выступлениях, без всякой предварительной организации, проявлялась общая воля народа — быть верными своему Отечеству и государю даже под угрозой жестокого кровопролития.

Февраль 1917 г. был временем всеобщего помрачения, как назвал его один современный священник, о. Александр Егоров¹³. Временем всеобщего помешательства назвал февраль 1917-го о. Сергей Дурылин¹⁴. Такова оценка духовного состояния народных масс, сбитых с истинного пути пропагандой. Состояние, увы, характерное для XX века. К сожалению, российский вариант «построения нового общества всеобщего благоденствия и равенства» потом появился и в Германии, Италии, Китае, Камбодже.

¹³ Протоиерей Александр Николаевич Егоров // Московский журнал. — 2000. — № 7. — С. 15–20.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 215.

Причина духовной болезни подавшегося обману народа — средства массовой информации, оказавшиеся в руках темных сил и нечистоплотных дельцов, решивших заработать на всеобщем горе капитал. Деятельному большинству хотелось уйти от старой власти и формы к новым горизонтам всеобщего счастья. С этим связывали чаяния избавиться от скорбей войны, мнимой бедности, мнимой непросвещенности народа. Почти все в этот момент объединились вокруг мысли, что государь император должен уйти для блага народа. Вскоре выяснилось, что это «уйти» равно «умереть», и значит объединились с древней мыслью, что «лучше одному человеку умереть за народ» (Ин. 18:15). Николай II записал в дневнике 2 марта: «Я согласился», а перед тем: «Нужно мое отречение. [...] Пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг»¹⁵. Царь чувствовал ужасающее одиночество. Как пророк Илия в дни бедствий Израиля, он мог сказать: «Остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее» (3 Цар. 19:14). Однако малое стадо — семь тысяч верных сохранял Бог в Израиле.

В России в марте 1917 г. находились люди, которые переживали уход помазанника Божия от власти как личную трагедию, но они были мало информированы и пассивны, растворены в инакомыслящей массе. Против отречения открыто высказался генерал граф Федор Артурович Келлер¹⁶, командир третьего кавалерийского корпуса, который получил поддержку подчиненных, но тут же был отстранен и впоследствии убит за верность присяге. Умер, сохранив верность своему государю, губернатор Твери Н.Г. фон Бюнтинг¹⁷. Он подготовился к смерти: укрыл се-

¹⁵ Красный архив. 1927. № 1–3; 1928. № 2. С. 32.

¹⁶ Граф Келлер Федор Артурович (1857–1918) — военачальник Русской императорской армии, генерал от кавалерии, «первая шашка России». В полдень 6 марта граф Келлер отправил телеграмму на имя Николая II, в которой выражал негодование от лица корпуса и себя лично по отношению к тем войскам, что присоединились к мятежникам, а также просил царя не покидать престола. Единственный из руководителей Белого движения в 1918 году провозгласил целью борьбы восстановление монархии. В том же году убит петлюровцами в Киеве. — *Рег.*

¹⁷ Фон Бюнтинг Николай Георгиевич (1861–1917) — глава ряда губерний Российской империи. С 15 апреля 1906 года, в разгар революционных беспорядков, — тверской губернатор (на место убитого эсеровской бомбой П. А. Слепцова). Гофмейстер. Во время Февральской революции отказался признавать созданный в городе комитет общественной безопасности

мью и исповедовался у епископа (викарного тверского). Были еще сановники и генералы, оставшиеся с государем. Крестьяне не поддержали переворота, но они не были информированы о его истинных целях и задачах, многие видели в создавшейся обстановке лишь смену власти, которую можно пересидеть.

Итак, во время переворота и после, в феврале–марте 1917 г., многие в России по-прежнему считали Николая II своим государем. Крестьяне писали в Св. Синод 24 июля 1917 г.: «Царь не помер, а живой, в заточении находится»¹⁸. Признавали его государем и враги, как внутренние, так и внешние. Об этом говорят их действия по отношению к царской семье. Наконец, он сам не считал себя свободным от ответственности за народ¹⁹.

Со временем не принявших отречение становилось все больше. Наступало прозрение. Оно продолжается по сию пору, и дай нам Бог дожить до всеобщего прозрения и покаяния за царсубийство. В 1918 г. сообщение о смерти царя было отмечено панихидами по всей стране. Несмотря на красный террор, люди заказывали панихиды, так как по собственному почину клир их не совершал. В большинстве приходо́в находился кто-нибудь один, кто брал на себя такую ответственность. Заказал панихиду и А.Д. Самарин в своем приходе святителя Спиридона Тримифунтского на Спиридоновке в Москве (об этом нам известно из протоколов допроса его на Лубянке)²⁰. На панихиде в церкви Спаса Преображения в с. Богородском, тогда рабочем предместье Москвы, при словах «Со святыми упокой...» все встали на колени, многие плакали, по свидетельству о. Александра Егорова. С 4(17) июля 1918 г. Россия осталась без царя.

Александр Дмитриевич Самарин был одним из тех, кто вместе с государем-страстотерпцем Николаем II действительно пытался вывести Россию на новую ступень государственности без потрясений. Личность А.Д. Самарина может быть понята только в контексте времени. Деятель-

с участием либерально настроенных деятелей. Направил телеграмму Николаю II с заявлением о том, что исполнил свой долг до конца. Убит революционной толпой. – *Рег.*

¹⁸ Особая папка Святейшего Синода. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп. 204. Ед. хр. 256.

¹⁹ Православный Царь-Мученик. Изд. «Паломник». 1997. С.720, 71.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 5062, Оп. 3. Д. 6. Л.54

ность его замечательна тем, что, принадлежа времени, она была неразрывно связана с многовековой традицией православной семьи, православной России. Этому нам сейчас нужно учиться. Ответственные жизненные решения Александр Дмитриевич принимал по благословию Церкви, родителей, советуясь с братьями и сестрами.

В семье Самариных существовало разделение обязанностей. Сергей Дмитриевич²¹, бывший одно время предводителем дворянства Богородского уезда Московской губернии, в основном посвятил жизнь управлению большим наследственным доходным имением Васильевское на Волге, между Самарой и Сызранью²². Еще в 80-х годах XX века старожилы с благодарностью вспоминали его как рачительного хозяина, устроителя хозяйственной и церковной жизни сел, помощника в обучении и воспитании детей. Крестьяне любили его. Он помогал им советом и деньгами. Во время сильного пожара, когда в селе Спасском-Васильевском сгорели десятки домов, он возглавил борьбу с огнем, а потом закупил на севере и раздал всем погорельцам лес для восстановления дворов — формально займы, но фактически, предвидя революцию, без расчета на возврат средств, по заповеди Христовой: «... займы давайте, не ожидая ничего» (Лк. 6:35).

В самарском имении работали военнопленные, о которых проявлялась забота. В Серпухове Сергеем Дмитриевичем был организован госпиталь. В революционный

²¹ Самарин Сергей Дмитриевич (01.03.1865–1929) – предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии. (1891–1896). Избран кандидатом в предводители дворянства в 1911 г. (Джунковский, том 1, с. 545). Член-жертвователь Елизаветинского Благотворительного Общества, 1900 г. (Отчет Богородского комитета Елизаветинского Благотворительного Общества за 1900 г. Б. 1901). Пожизненный почетный (по избранию) член Сергиевского общества хоругвеносцев. (Отчет о деятельности Сергиевского общества хоругвеносцев в г. Богородске Московской губернии за 1899–1900 гг. Б. 1901).

²² Усадьба Самариных Васильевское на Волге (ныне село Приволжье Самарской области) была одной из крупнейших и вместе с тем немногих усадеб в отдаленном от Центральной России регионе. Известно, что главный дом спроектировал начинающий тогда московский архитектор М.А. Дурнов (впоследствии автор театра Ш. Омона на Триумфальной площади в Москве и вокзала в Муроме). В конце 1960-х гг. усадьба Самариных попала в расчётную зону переработки берега волнением Саратовского водохранилища. Все ее основные постройки были по проекту подготовки водохранилища снесены заблаговременно до окончательного подъема воды. К настоящему времени от обширной усадьбы с двухэтажным каменным домом, пристанью, конюшней, винокуренным заводом и суконой фабрикой сохранилась лишь небольшая часть – контора управляющего и въездные ворота с изгородью из красного кирпича. В 2005 году была проведена работа по благоустройству территории усадьбы Самариных, сделан проект реконструкции. – *Peg*.

год Сергей Дмитриевич передал ценную библиотеку Самариных в собственность г. Сызрани. Предвидя катастрофу, не стал переводить капитал в зарубежные банки. Некоторые из крестьян еще многие годы слали ему в Москву хлеб насущный. Другие уничтожали усадьбу — знаменитый культурный центр Поволжья. К сожалению, за годы советской власти были разобраны все три церкви, выстроенные Самариными на своей земле. В 1990-х годах, во время встречи потомков Самариных с жителями с. Приволжья и администрацией Приволжского района, был поднят вопрос о возрождении храма. Администрация поддержала инициативу организационно и финансово. Вскоре под церковь был приспособлен бывший сельский клуб. Так на самаринской земле проявилось единство Церкви и власти, за что боролся А. Д. Самарин. Настоятель и прихожане молятся здесь за устроителя жизни на некогда диком волжском берегу Василия Николаевича Самарина, последнего хозяина земли Сергея Дмитриевича и за всех Самариных, молятся уже не в бывшем клубе, а в специально построенном новом храме в центре с. Приволжья.

Вдова Сергея Дмитриевича, Ульяна Михайловна (в девичестве Осоргина), сразу после его смерти уехала с малолетними детьми к братьям во Францию. Их дочь Ульяна Сергеевна до недавнего времени пела и читала в церкви святых равноапостольных Константина и Елены в Кламаре под Парижем. Сын Николай принял священнический сан и служил в церкви при доме для инвалидов войны, работал в Богословском институте при Сергиевском подворье, скончался 26 февраля 1987 г. Сыновья Михаил и Сергей стали переводчиками высшей квалификации. Сергей знал 12 языков и руководил бюро переводов МАГАТЭ (IAEA) в Вене. Михаил приезжал в Россию поклониться мощам своей праматери святой праведной Иулиании Лазаревской (Муромской)²³. Он хорошо знает службу,

²³ Святая праведная Иулиания Лазаревская (Муромская) – Осорьина (1530–1604), из семьи дворян Недюревых. В 16 лет вышла замуж за Юрия Осорьина, впоследствии царского воеводу, владевшего селом Лазаревским, прославилась благочестивой жизнью, поддержкой нищих и заключенных. Память совершается 2 (15) января. С XVIII века фамилия святой Иулиании – Осорьина писалась как Осоргина. В роде Осоргиных старшего сына всегда называли Георгием в память предка. Род святой Иулиании не угас – ее потомки оставили свой след в истории России. Один из них, Георгий Михайлович Осоргин, был расстрелян на Соловках – это описано у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ». В Париже живет Николай

обладает музыкальным слухом. Бывая в Париже, он стремится в Сергиевское подворье и там, в храме, становится на клирос, поет и читает. Внуки Сергея Дмитриевича придерживаются традиционной православной жизни.

В Васильевском, переименованном в Приволжье, инициативная группа во главе с архитектором, краеведом и потомком старосты села В. А. Анненковым ведёт работу по сохранению памяти рода Самариных. В рамках этой инициативы администрация района финансировала выпуск монографий Р. П. Поддубной, посвященных Самариным²⁴, в усадьбе установлен памятный обелиск из природного камня с надписью, увековечивающей имя основателя сел Приволжского района – Василия Николаевича Самарина – прадеда Александра Дмитриевича.

Федор Дмитриевич Самарин²⁵, старший брат Александра Дмитриевича, был членом Государственного совета. Своих детей он воспитывал в православной вере весьма строго. Его взгляды были унаследованы от славянофилов. Вместе с братьями он подготовил издание трудов Ю. Ф. Самарина (12 томов, из которых вышло 11)²⁶. Он был одним из основателей богословского кружка М. А. Новоселова. Как преемник славянофилов XIX в. он чувствовал себя

Михайлович Осоргин – профессор Сергиевского православного богословского института, автор ряда книг, он же регент Сергиевского подворья, основанного его дедом в Париже. На подворье есть икона святой праведной Иулиании Лазаревской. В 1922 году в усадьбной, с. Измалково, церкви св. Дмитрия Ростовского (разобранной в 30-х годах) венчалась Ульяна Михайловна Осоргина с Сергеем Дмитриевичем Самариным. – *Рег.*

²⁴ Поддубная Р. П. Васильевское. Имение Самариных на Волге/Р. П. Поддубная. – Самара: ООО «Офорт». 2008. – 286 с.: ил. Поддубная Р. П. Пушкиниана Южного Заволжья Самарского края/Р. П. Поддубная. – Самара: ООО «Офорт». 2012. – 498 с.: ил.

²⁵ Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916 (1920) Москва) – общественный, государственный и церковный деятель славянофильского направления. Окончил историко-филологический факультет МУ (1880), предводитель дворянства Богородского уезда (1884–1891), надворный советник, гласный Московской губернской земской управы (до 1903), выборный член Государственного совета (1907–1908), публицист, член «Московского кружка ищущих духовного просвещения». Земский деятель. Видный член весьма правого московского славянофильского кружка (Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М. 2000. С. 421). Вместе с М. А. Новоселовым был основателем и первым председателем Братства Святителей Московских. Сын Д. Ф. Самарина, племянник Ю. Ф. Самарина. Его жена, Антонина Николаевна, урожденная княжна Трубецкая, была родной сестрой известных философов С. Н. и Е. Н. Трубецких. (Философия бессмертия и воскрешения. Вып. 2. – М.: Наследие. 1996. С. 279).

²⁶ Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – философ, историк, общественный деятель, публицист, один из главных идеологов славянофильства, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Собрание его сочинений издал брат Дмитрий Федорович. (Самарин Ю. Ф. Сочинения в 10 томах. 1877–1898. Типография А. И. Мамонтова).

очень одиноко, т.к. не шел навстречу времени, когда все окружающие его искали компромисс с левыми силами. На приеме у государя он отказался от должности обер-прокурора. Будучи противником каких-либо соглашений с левыми силами, их умиловления, он принимал активное участие в подготовке и защите в Дворянском собрании обращения дворян к государю против принятия Конституции в 1905 г. (публикуется в данном сборнике).

Петр Дмитриевич Самарин²⁷, несмотря на свою болезнь, был крупным литератором и редактором. Его чувство ответственного патриотизма проявилось, например, в том, что он взял под опеку семью солдата, вернувшегося инвалидом с фронта. Он участвовал в строительстве церкви в Васильевском.

Сестры Софья Дмитриевна и Анна Дмитриевна не выходили замуж, жили интересами большой семьи, помогали братьям. Летом, в дни полевых работ, они собирали в Васильевском в свой дом крестьянских детей, устраивали своеобразный детский сад. Сестры трудились не покладая рук. По семейному преданию, Анна Дмитриевна²⁸ на вопрос следователя: «Вы, наверное, озлоблены на Советскую власть за то, что у вас отняли имения?» – отвечала с самаринской прямоотой, что, напротив, она благодарна за освобождение от больших и почти непосильных забот. Ибо богатство она ощущала как иго и только как средство помогать ближним, исполняя апостольскую заповедь: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил» (1 Пет. 4.10). Когда же богатства не стало, она нимало не опечалилась и вместе со всеми родичами могла повторить за апостолом Павлом: «Научился быть довольным тем, что у меня есть: умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии» (Фил. 4.11-12). Скончалась Анна Дмитриевна в 1953 г., пролежав парализованной несколько лет в Тарусе, где племянница Е.А. Самарина-Чернышева на средства брата и жерт-

²⁷ Самарин Петр Дмитриевич (1861–1916) был одним из редких знатоков русского церковного и народного пения и членом совета при знаменитом Синодальном хоре. Пение этого хора в Московском Успенском соборе в Кремле было поставлено на такую высоту, что тот, кто имел счастье его слышать, никогда этого не забудет. После окончания гимназии Самарины учились в Московском университете на историко-филологическом факультете. – *Рег.*

²⁸ Самарина Анна Дмитриевна (1872–1953) – дочь Дмитрия Федоровича и Варвары Петровны Самариных. Сестра Федора Дмитриевича и Александра Дмитриевича Самариных. – *Рег.*

вователей снимала ей угол и навещала ее, сама находясь в стесненных обстоятельствах и получая помощь от родственников.

Софья Дмитриевна²⁹, фрейлина, после революции принимала участие в работе Совета объединенных приходов. Она была болезненна, но трудилась для крестьян. Ею было организовано кустарное производство тканей, которые продавались в Москве. Во время Первой мировой войны 1914-1918 годов сестры писали по просьбе безграмотных письма на фронт мужьям. Потом, во время Великой Отечественной войны, то же делала Елизавета Александровна³⁰, находясь в эвакуации в Сибири. Софья Дмитриевна много заботилась о школе. Поэтому понятно ее участие в делах образования и помощи детям по линии Совета объединенных приходов.

Революция 1917 г. отстранила Самариных от государственной, а затем и от общественной деятельности. Они не сотрудничали ни с белой, ни с красной стороной, в точности следуя линии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Единственным их делом, кроме добывания хлеба насущного, стала молитва. Впрочем, и для предыдущих поколений Самариных молитва была главным делом жизни. Об этом свидетельствовал Василий Николаевич Самарин. В этом отношении также характерна судьба Марии Федоровны — матушки Марии Мансуровой³¹, о которой подробно пишет ее двоюродная сестра Елизавета Александровна.

²⁹ Самарина Софья Дмитриевна (1863–1935) – дочь Дмитрия Федоровича и Варвары Петровны Самариных. Сестра Федора Дмитриевича и Александра Дмитриевича Самариных. – *Рег.*

³⁰ Елизавета Александровна Самарина-Чернышева (1905–1985) – дочь Александра Дмитриевича и Веры Саввишны Самариных. Жена Николая Сергеевича Чернышева. Автор публикуемых воспоминаний о А. Д. Самарине. – *Рег.*

³¹ Мансурова Мария Федоровна (1893–1976) – дочь Федора Дмитриевича Самарина (племянника известного славянофила Ю. Ф. Самарина и брата А. Д. Самарина). По воспоминаниям ее двоюродной сестры Е. А. Самариной-Чернышевой, Мария Федоровна была с юности исключительно одухотворенной и талантливой. В связи с болезнью мужа, о. Сергия Мансурова, семья переехала в Верею, где о. Сергий скончался 15 марта 1929 года, на руках у Марии Федоровны. После смерти мужа она жила в Верее, работала чертежницей, художником-графиком. Арестована в 1934 году. С 1934 по 1937 гг. находилась в ссылке в Средней Азии, г. Бек-Буди (ныне Узбекистан, г. Карши). Усердием Марии Федоровны в журнале «Богословские труды» был издан труд всей жизни о. Сергия Мансурова «Очерки из истории Церкви». Последние годы жизни Мария Федоровна провела в г. Боровске. Похоронена в г. Верея, городское кладбище, рядом с могилой о. Сергия Мансурова (Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. 228 с.).

Мы вряд ли можем что-то прибавить к приведенному в книге «Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных» описанию жизни семьи Мансуровых, отгородившихся от мира. Отказ этот совершался отнюдь не напоказ, а смиренно и незаметно. Жизнь Марии Федоровны чрезвычайно трудно выразить словами. И все же вот еще несколько слов. Живя в бедности, она была противницей хлопот о создании продовольственных запасов и даже посадки огорода. Она уповала на Господа, Который давал ей хлеб на каждый день. В советское время у нее не было трудовой книжки и, следовательно, государственной пенсии. Духовно живя Церковью, она не хотела принять материальной помощи от Церкви, например в форме пенсии за мужа-священника. На допросе в 1933 г. она высказалась в том смысле, что христианская жизнь одной отдельной души несравненно дороже, значительнее всех вопросов, волнующих людей, озабоченных идеями электрификации, коллективизации и прочими «великими» делами века. На допросе она непрестанно молилась. Следователи это чувствовали, недовольно требовали прекратить молитву.

Наконец, скажем о детях А. Д. Самарина. Младший сын Сергей его скончался в младенчестве, о чём в сборнике помещено письмо священника Павла Флоренского. Старший сын Георгий обеспечил себе благополучную жизнь в СССР, был филологом, профессором и проректором в провинциальном педагогическом институте. Сестра Елизавета Александровна с любовью похоронила его в ряду семейных могил.

Дочь А. Д. Самарина, Елизавета Александровна Самарина-Чернышева прожила долгую жизнь с верой в Бога без полугода 80 лет. Господь кого любит, того и наказует. Он судил ей в младенчестве пережить смерть матери, в юности услышать смертный приговор обожаемому отцу и затем пережить с ним ссылку в тогда еще очень далекой Якутии, в зрелом возрасте лишиться младенца-сына и овдоветь. Она физически надорвалась на тяжелейших работах: в конюшнях, коровниках, на полях, приняла многие скорби от детей и после всего этого не потеряла твердости духа и с верою в бесконечную милость Божию мирно отошла ко Господу 4 февраля 1985 г. в кругу своей семьи.

Тропарь «Христос воскрес...» пропел её духовный отец протоиерей Александр Егоров прежде, чем совершить первую панихиду в первый час по смерти. В последние десятилетия она была прихожанкой Обыденного храма св. Пророка Илии на Остоженке в Москве³². В этом храме постоянно пребывали многие близкие ей люди из старомосковских семей — носители веры, культуры и славы предков (в частности Софья Михайловна Мейен, урожденная кн. Голицына, кн. Ксения Петровна Трубецкая, урожденная Истомина, дочь сотрудника А.Д. Самарина П.В. Истомина, Любовь Андреевна Соловцова, Александр Сергеевич Некрасов, Игорь Борисович Померанцев, Евгения Николаевна Бирукова и многие другие). Здесь отпевали Марию Федоровну Мансурову и многих родных и близких, венчали детей Елизаветы Александровны, крестили её внуков.

Елизавету Александровну можно было видеть среди молящихся и по праздникам, и в будни. Она даже попала на фотографию Обыденного храма в альбоме «Православные храмы Москвы»³³, склоненная перед Казанской иконой Божией Матери. Последний раз она приезжала в церковь с сыном за две недели до смерти, еле передвигаясь. В тот вечер Святейший Патриарх Пимен читал акафист перед иконой Богоматери «Нечаянная Радость». Живя в Чистом переулке, патриарх часто посещал Обыденную Илии пророка церковь и запросто, в подряснике, читал и пел акафист Божией Матери.

Муж Елизаветы Александровны, Н.С. Чернышев, человек глубоко церковный, был духовным сыном Опти-

³² Храм Илии Пророка Обыденный, расположен по адресу: г. Москва, 2-й Обыденский переулок, 6, построен на Остожье деревянным в XVI веке, «обыденкой» (за один день по обету сообща большой общиной), в 1702 году заменен каменным, ныне существующим. В советское время в нем окормлялись многие потомки дворянских фамилий: Трубецкие, Голицыны, Бобринские, Комаровские и др., представители интеллигенции: Солженицын, Расстригович и др. Среди них была и Е.А. Самарина-Чернышева с детьми и внуками. 5 июня 1944 года сюда перенесена из храма Воскресения Христова в Сокольниках чудотворная икона Божией Матери «Нечаянная Радость». В храме не прерывалось православное богослужение. В нем и сейчас доступны для поклонения множество святынь, перенесенных из закрывавшихся храмов, в частности, две частицы Креста Господня, из которых сделан крест в размер наперсного иерейского креста, частица пояса Богородицы, частицы святых мощей, иконы работы священномученика Серафима (Чичагова), иконы из деревянного Обыденного храма и др. — *Рег.*

³³ Православные храмы Москвы. Издание Московской Патриархии. 1988. С.94.

ского старца Анатолия (Потапова)³⁴, воспитанником и другом о. Сергия Дурылина. Венчал их тайно о. Александр Гомановский³⁵ в доме В.М. Васнецова на втором этаже. Как последователи владыки Афанасия (Сахарова),³⁶ супруги принадлежали к «непоминающим». Поэтому все таинства совершались на дому, там же укрывали священников. В связи с этим Николай Сергеевич Чернышев в декабре 1941 г. был арестован вскоре после ареста о. Александра Гомановского и через год умер в тюрьме, будучи осужден «тройкой» в день Преображения Господня по ложному обвинению в создании антисоветской церковной группы и руководстве ею вместе с о. Александром Гомановским³⁷.

Елизавета Александровна осталась вдовой с двумя малолетними сыновьями. Во исполнение приказа НКВД № 00386 все члены семей осужденных в ходе чисток также автоматически подвергались репрессиям и заключались в лагеря как «члены семей изменников родины»

³⁴ Преподобный Анатолий Оптинский Младший (в миру Александр Алексеевич Потапов) родился в 1855 г., скончался в 1922 г. Иеросхимонах, преподобный Русской Православной Церкви, насельник Оптиной пустыни. 26-27 июля 1996 г. иеросхимонах Анатолий был причислен к лику местночтимых святых в Соборе Оптинских старцев. Архиерейским собором РПЦ 2000 г. прославлен для общецерковного почитания. 10 июля 1998 г. состоялось обретение мощей преподобного Анатолия вместе с другими преподобными оптинскими старцами. Мощи преподобного Анатолия почитают во Владимирском храме Оптиной пустыни. – *Peg*.

³⁵ Гомановский Александр Иванович (1886–после 1941) — священник. В 1937 году перешёл на нелегальное положение. Жил в Москве у духовных чад, затем в Можайске и других подмосковных городах и деревнях, часто меняя место жительства. Богослужения совершал тайно на дому. Также тайно приобщал и больных в больницах. Имел многочисленную паству. Отличался большим смирением, самоотверженностью и в то же время имел жизнерадостный характер. Арестован в декабре 1941 года. Скончался в карагандинском лагере, по другим данным — на этапе, по третьим — в Москве, тайно вернувшись из ссылки (За Христа пострадавшие. М.: ПСТГУ, 1997.). По устному сообщению, полученному С. Н. Чернышевым 05.02.1993 г. от его регента инокини Лидии (Гавриловой), о. Александр принял постриг около 1937 года в Даниловом монастыре. Он сказал ей: «Перешел от отца к сыну», то есть был Александр в честь святого князя Александра Невского и принял имя в честь святого князя Даниила Московского.

³⁶ Епископ Афанасий (в миру Сергей Григорьевич Сáхаров; 1887–1962 гг.). В 1920-х годах — епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии. Литургист, один из авторов «Службы всем святым, в земли Российской просиявшим» (Собору Русских святых). Прославлен Русской Православной Церковью в августе 2000 года в лике священноисповедников (Архимандрит Иоанн (Снычев). Церковные расколы 20-х и 30-х годов. С. 384). – *Peg*.

³⁷ Из протокола допроса о. Александра Гомановского от 29 апреля 1942 года: «Пока Россия хранила свою веру, боялась Бога, была святой Русью, Бог её хранил. Теперь, когда народ русский обезверился, он терпит многие беды, жестоко страдает» (Следственное дело № 3828/3 Управления НКВД СССР. Арх. номер Р 37311).

(ЧСИР). Во исполнение приказа, по возвращении из эвакуации Елизавету Александровну не пустили в Москву как вдову осужденного, лишив небольшой комнаты в коммунальной квартире; из скудного ее заработка ежемесячно вычитали гроши за бездетность, что очень уязвляло ее душу. Ведь она была вдова, мать троих сыновей, из которых один скончался в младенчестве. На помощь пришли близкие и дальние родственники. Елизавета Александровна была приглашена на службу в Дом-музей В. Д. Поленова, который в послевоенные годы ещё оставался отчим домом большой, родственной для нее семьи художника. Об этом времени ею написаны «Воспоминания о Поленовском музее»³⁸, с которым связана ровно половина ее жизни. Будучи хранителем православной веры, русской культуры и семейных традиций, унаследованных ею от Самариных и Мамонтовых, Елизавета Александровна работала здесь в должности, которая так официально и называлась — хранитель. Это была ниша, которую дал ей Господь в бурном житейском море. Храма поблизости не было, и вместе с Дмитрием Васильевичем Поленовым — директором музея своего отца, в прошлом церковным старостой, они после работы по праздникам вычитывали службы по старинным книгам перед семейными иконами. Изредка удавалось вырваться в Москву, причаститься и причастить детей. По мере сил она всегда зорко следила за событиями в Русской Православной Церкви. Ей ведомо было, что владыка Афанасий (Сахаров) в 1945 г. призвал своих чад идти в храмы под благодатный омофор патриарха. У неё хранилось пасхальное поздравление владыки Афанасия из Петушков. В довоенное время семья Чернышевых была близка владыке, окормлялась у него в короткие периоды его пребывания на свободе. Он провёл в тюрьмах и ссылках 33 года.

Воспоминания об отце, публикуемые в этой книге, Елизавета Александровна писала в Поленове, выйдя на пенсию, живя в деревенской тиши, осенью, когда слышен суета лета, уедут в Москву дети и внуки. Это было в конце 60-х и начале 70-х годов, во время полного отсутствия информации о новейшей истории Церкви. Именно потому такие факты в воспоминаниях приведены по памяти.

³⁸ Чернышева Е. А. Воспоминания о Поленовском музее. // Московский вестник. 1990, №1.

Они ценны для нас не столько фактологической стороной, сколько передачей духа времени в любви к Церкви и её людям. Такого рода воспоминания не могли быть опубликованы в то время в России. Елизавета Александровна на это и не рассчитывала, писала их без самоцензуры. Однако, написанные для близких, они попали в самиздат и частично, в купюрах, были опубликованы за границей без ведома автора. Елизавете Александровне эта публикация не понравилась. Впервые воспоминания об отце были опубликованы полностью, с сохранением каждой авторской запятой, в журнале «Московский вестник» благодаря участию С. А. Щербакова³⁹. Даже в то время они еще представлялись в журналах чем-то чуждым.

В заключение несколько слов о самаринских могилах. Протоиерей Сергей Мансуров и матушка Мария упокоены рядом на прекрасном тихом кладбище, которое находится на окраине небольшого городка Вереи. Над могилами, которые осеняют высокие ели, два крупных деревянных креста с крышами, как делали на севере. Такие же деревянные кресты на могилах Анны Дмитриевны и Елизаветы Александровны на древнем кладбище села Бехова, на высокой горе над Окой, вблизи г. Тарусы. Рядом с сестрой похоронен Юрий Александрович Самарин – последний из потомков Александра Дмитриевича, носивший древнюю фамилию рода.

Но большинство самаринских крестов снесено лихолетьем. По сведениям «Московского Некрополя» и по семейным преданиям, в Даниловом монастыре с начала XIX в. было погребено 16 членов семьи, начиная с Василия Николаевича и Марии Васильевны и до Петра Дмитриевича (записавшего беседу с государем; в данном издании), который скончался 12 октября 1916 г. Не упомянута в «Московском Некрополе» Варвара Петровна — мать Александра Дмитриевича, похороненная в Даниловом монастыре. В 1905 году могилы Самариных находились у южной стены храма Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, между юго-западным углом храма и выступом стены в ее средней

³⁹ Сергей Антонович Щербаков, род. 1951 г. – писатель, книги прозы: «Борисоглебская осень», «Ближние», «Путные рассказы», «Крестный ход. Борисоглеб-2004» и др.; лауреат международной литературной премии им. Андрея Платонова, премий им. Евгения Носова и журнала «Молодая гвардия».

части⁴⁰. При разорении монастыря на Новодевичье кладбище были вынесены останки Н. В. Гоголя и А. С. Хомякова. С ними предлагалось перенести и останки Ю. Ф. Самарина. В то время А. Д. Самарин и сестры, как старшие в семье, не согласились тревожить прах Юрия Федоровича, говоря, что он предан земле и соединился с землей. Видя, по слову Александра Дмитриевича, перезахоронение тщетным, потомки не стали переносить и прах самого Александра Дмитриевича из его могилы на кладбище г. Костромы (пр. Мира), когда оно было ликвидировано и могильные холмики стерты с лица земли.

В 1980 г. на месте кладбища был устроен мемориал «Вечный огонь» — памятник воинам Великой Отечественной войны, скончавшимся в госпиталях Костромы⁴¹. В 90-х годах место это согрето постройкой часовни, освященной во имя св. Феодора Стратилата, покровителя г. Костромы. Но еще нет имен на плитах братских могил, а только фамилии, инициалы, звания. Грустно, что при всем желании и любви к убиенным «за други своя, за землю Русскую» при отсутствии имен нет возможности настоящего евхаристического поминовения с выниманием частиц на проskomидии.

Могила Александра Дмитриевича отмечена небольшой плитой из природного камня с крестом и над-

⁴⁰ Церковь Святых Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре (улица Даниловский Вал, дом 22). Освящена 18 мая 1561 г. в присутствии царя Ивана IV Грозного и его сыновей. Предположительно первоначально была построена к северу от ныне существующего храма и перенесена на нынешнее место после того, как старый каменный храм обветшал и был разобран. Престол перенесли на второй этаж над уже существовавшей церковью Покрова Пресвятой Богородицы. Собор — древнейший храм обители, состоящий из нескольких церквей, построенных в разное время (перестраивался во второй половине XVII в., 1729 г. и 1752 г.). 30 августа 1652 г. были обретены и перенесены в храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов мощи основателя монастыря, благоверного князя Даниила Московского. Поначалу престольный праздник собора отмечался в день памяти Святых Отцов Шести Вселенских Соборов. В 1988 г. патриарх Московский и всея Руси Пимен благословил общецерковно отмечать память Святых Отцов Семи Вселенских Соборов в день освящения в 1561 г. первого каменного храма Свято-Данилова монастыря — 18 (31) мая. В монастырском некрополе среди прочих выдающихся личностей России похоронены А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Валуев, А. И. Кошелев. После закрытия монастыря в 1930 году был снесен летом 1931 года и некрополь. Захоронения Н. В. Гоголя, супругов Хомяковых, Н. Языкова, Н. Рубинштейна, Д. Валуева, князей Черкасских были перенесены 31 мая на Новодевичье кладбище, а прах В. Г. Перова был перезахоронен в Донском монастыре. — *Peg*.

⁴¹ Статья о ликвидации кладбища: И город станет краше // «Северная правда». 3 апреля 1980 г.

писью на ней, зарытой Елизаветой Александровной с родственниками под почву. До сих пор ее окружают четыре из пяти берез, которые, согласно сохранившимся фотографиям, стояли в 1932 году у свежей могилы. Городская дума Костромы 29 сентября 2017 года приняла решение о восстановлении креста на могиле А. Д. Самарина, учитывая его заслуги перед Отечеством.

Младший из Самариных, оставшихся в России после революции, внук Александра Дмитриевича Николай Георгиевич (1938–1958 гг.) погребен на Украине, в Кировограде, на кладбище, ныне также ликвидированном.

Так завершилась в России 700-летняя история семьи Самариных, с верой православной в сердце послуживших царю и Отечеству.

Многие из них в трудах и в жизни соприкасались и получали благословение и наставления от прославленных во святых отцов и благоверных князей: святого преподобного Сергия Радонежского, святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, священномученика митрополита Крутицкого Петра (Полянского), святого преподобного старца Алексия Зосимовского, святого благоверного князя Димитрия Донского, святого благоверного государя-страстотерпца Николая II, святой преподобномученицы великой княгини Елизаветы Романовой и многих, многих...

Упокой, Господи, со святыми сих помянутых нами тружеников во Царствии Твоем!

Е. А. САМАРИНА-ЧЕРНЫШЕВА

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ САМАРИН. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ¹

*Память их в род и род.
Из чина панихиды*

«ПАМЯТЬ сердца» понуждает меня писать о тех, чьи дорогие образы для меня не тени прошлого, ушедшие далеко в небытие и подернутые пеленой всех наслоений жизни, — это живые, яркие, дорогие, всегда близкие образы людей, которые с годами открываются по-иному, во всей своей полноте. Пройдя жизненный путь, начинаешь понимать и видеть многое, что в молодости недоступно, видишь другими глазами. Вероятно, мне был дан в жизни редкий дар. Этот дар я воспринимаю как драгоценное наследство, которое ничто и никто отнять у меня не может. Это ушедшие в иной мир люди, самые близкие и дорогие. Они окружены для меня светом Божией правды, чистоты, цельности. Их образ ничем не омрачен, их авторитет был всегда для меня мерилom в любое время моей жизни. Такими вижу их и сейчас, и хотелось бы хоть сколько-нибудь запечатлеть эти дорогие образы на бумаге, чтобы знали их мои дети и внуки.

СЕМЬЯ САМАРИНЫХ

Отец мой — Александр Дмитриевич Самарин. Вот передо мной его лицо, его фотографии с детства и до последних лет его жизненного подвига.

¹ Текст приведен С. Н. Чернышевым в соответствии с авторским оригиналом. По просьбе покойной Е. А. Самариной-Чернышевой, он остается неизменным, без редактирования. — *Ред.*

Семья моего отца была исключительной по своим твердым убеждениям и моральным устоям. Это была старая московская дворянская семья, принадлежавшая к высшему дворянскому кругу и жившая в традициях этого круга, но, помимо и выше традиций дворянских, в семье Самариных неизменно хранились устои православия. На этих основах семья Самариных строила свои убеждения, твердые и в то же время отличавшиеся большой внутренней свободой взглядов, это ставило их в несколько обособленное положение в их круге. Самарины никогда не принадлежали к каким-либо партиям и группировкам и тем более были далеки от всяких интриг. Самарины всегда имели мужество держаться своих убеждений и, если это было нужно, высказывать свои взгляды при любых обстоятельствах. Эта непреклонность и прямота внушала уважение к ним даже среди людей совершенно других убеждений. Такими были лучшие представители семьи в старшем поколении — Юрий Федорович и Дмитрий Федорович (мой дед), а позднее старший брат моего отца — Федор Дмитриевич и мой отец — Александр Дмитриевич. Дед мой Дмитрий Федорович был младшим братом славянофила Юрия Федоровича, современника Лермонтова и Гоголя, друга Аксаковых и единомышленника Хомякова. С Лермонтовым Юрия Федоровича связывала юная дружба и увлечение талантом Лермонтова, с Гоголем — глубокая внутренняя связь, прекрасно выраженная в сохранившемся письме Юрия Федоровича к Гоголю.

Глубокая интеллектуальная культура переходила из поколения в поколение. Некоторые в семье были наделены особым даром в области философии, соединяя этот дар с глубоким интересом и серьезными познаниями богословия; такие люди, как Юрий Федорович, а позднее Федор Дмитриевич, несли свои силы на пользу русской церковной мысли — православия.

Семье Самариных был также свойствен дар филологичности. Какое-то особенно тонкое понимание и восприятие «слова» во всей его многогранности. Этот дар проявлялся очень разное, но ярко: у одних — в любви к слову вообще, к языку поэзии, у других — в особой любви и понимании церковной поэтики и творений. Чуткость восприятия «слова» и дар речи чисто русской был общим в семье.

Вот как вкратце можно охарактеризовать семью Самариных в XIX веке. Дед мой Дмитрий Федорович был младшим сыном в многочисленной семье (1831–1901). Сам впоследствии был строгим и разумным отцом, вел семью, занимался большой работой по изданию трудов своего старшего брата Юрия Федоровича, был долго гласным Московского земства.

Мать моего отца Варвара Петровна (1832–1906) происходила из семьи Ермоловых. Ее дядей и опекуном после ранней смерти родителей был Алексей Петрович Ермолов, герой войны 1812 года и покоритель Кавказа. О нем Лермонтов говорит в стихотворении «Спор»: «Их ведет, грозя очами, генерал седой...»

Я не помню бабушку Самарину, но по всем рассказам о ней, по удивительному ее поступку, связанному с женьтибой моего отца, ее образ рисуется мне очень ярко.

Это была настоящая русская женщина, в молодости привлекательной наружности, религиозная и с той подлинной внутренней простотой, которая была характерна для лучших представителей аристократии. Такая настоящая простота ставила рядом и сближала простую неграмотную русскую женщину с бабушкой Варварой Петровной, стоявшей по своему положению в высшем дворянском обществе. Бабушка была воспитана, как полагалось в те времена, под влиянием западной культуры, но внутренне она сохранила свою русскую сущность, по-русски говорила очень просто, любила русскую речь с народными выражениями и поговорками. Бабушка от семьи Ермоловых внесла в семью Самариных эту простоту, которая была чужда несколько суровой атмосфере самаринской семьи.

Слуги в доме у бабушки были «своими» людьми, жили подолгу в доме, часто всю жизнь. Это были определенные личности, с которыми были определенные личные отношения, а няня Аксинья Михайловна, вырастившая с бабушкой ее семерых детей, была другом, искренне уважаемым и любимым. Она умерла в семье Самариных, окруженная заботой своих питомцев.

В старости бабушка Варвара Петровна, потеряв мужа, за которым она шла всю жизнь, не потеряла спокойной уверенности и мудро решала, казалось, неразрешимые семейные вопросы.

РОЖДЕНИЕ, ДЕТСТВО, ГИМНАЗИЯ, УНИВЕРСИТЕТ

Мой отец родился 30 января² 1868 г. в Москве, в Леонтьевском переулке (ул. Станиславского), в том доме, где теперь Музей Станиславского. Этот дом и сейчас сохранил целиком свой облик. Помню рассказы старшей сестры моего отца Софьи Дмитриевны о крестинах его в этом доме, происходивших в зале с колоннами. Немного позднее семья Самариных переехала на Поварскую, дом 38 (ул. Воровского), в дом, купленный моим дедом. Этот дом стоял до 1965 г., в нем протекала жизнь всей семьи Самариных с 1870-х годов до 1935 года, когда последней — с маленькими сумочками или узелками в руках — вышла из него, чтобы уехать в Можайск, моя тетя Анна Дмитриевна Самарина, младшая сестра моего отца.

Я помню еще этот дом во всем его великолепии (хотя, может быть, это слово не вполне соответствует), вернее — во всей его полноте. Он объединял дружную семью братьев и сестер, и мы, дети, бывали там с отцом по воскресеньям. Там, в этом большом доме, была свадьба моих родителей и там же через 5 лет скончалась моя мать.

Я помню, как устраивались там великолепные настоящие балы для моих двоюродных сестер. Нас, правда, уводили домой перед началом бала. А сколько было приготовлений, которые были так интересны, сколько доставалось красивой старой посуды, хранившейся в кладовой! В этом доме я была также на двух прекрасных свадьбах моих двоюродных сестер, Вари и Мани Самариных.

Теперь на месте этого дома строится огромное здание института Гнесиных, нет больше и церкви свв. Бориса и Глеба, так тесно связанной с нашей семьей³.

² Здесь и ниже все даты до 1917 года даны по юлианскому календарю (старому стилю), после 1917 года — по григорианскому календарю (новому стилю), который сейчас принят в гражданской жизни в России. — *Рег.*

³ Церковь Бориса и Глеба на Поварской — утраченный православный храм, находившийся в Москве, на Поварской улице, на месте нынешнего здания Российской академии музыки имени Гнесиных. Храм дал название Борисоглебскому переулку. В 1691 году деревянная церковь, сгоревшая в 1685 году, была заменена на каменную. Церковь была закрыта в начале 1930-х годов по постановлению Моссовета и разрушена в 1936 году. А в следующем году, точно на её месте, началось возведение будущего здания Российской академии музыки имени Гнесиных. 15 ноября 2007 года, по инициативе общероссийского общественного движения «Россия Православная» и по благословению Патриарха Московского и всея

У моего отца было четыре брата и две сестры, он был из средних. Жизнь в семье в детские годы моего отца шла размеренным порядком под руководством родителей и воспитателей, без особой роскоши. В ранние годы всем детям давалось твердое знание французского и немецкого языка, а дочерям — еще и английского. На лето всей дружной семьей уезжали за Волгу, в большое имение Васильевское, расположенное на левом, степном, берегу Волги, выше Сызрани. Плыли на пароходе от Нижнего Новгорода, и для детей не было большей радости, чем эти путешествия, а Волга, ее ширь и красота ее разливов всю жизнь приводили моего отца в трепет. Он и мою мать, и нас с раннего возраста знакомил с Волгой, любил возить в Васильевское и научил любоваться Волгой и любить ее.

Из семерых детей двое отличались большой музыкальностью — дядя мой Петр Дмитриевич и мой отец. Музыкальный слух у обоих был изумительный, но почему-то музыкального образования они не получили, и оба позднее играли на рояле или любимом инструменте — фисгармонии, по слуху, имитируя слышанное или импровизируя. Как любила я, маленькой девочкой, слушать эти непонятные для меня мелодичные звуки импровизации отца...

Оба мальчика с раннего детства полюбили церковное пение, а с ним вместе и церковную службу. Они дома пели вдвоем и «служили» всенощные, а позднее в приходской церкви свв. Бориса и Глеба пели ранние обедни на клиросе. Будучи студентом, отец мой руководил студенческим церковным хором Московского университета и пел с этим хором в Ново-Екатерининской больнице у Петровских ворот. Дядя Петр Дмитриевич был впоследствии одним из редких знатоков русского церковного и народного пения и членом совета при знаменитом Синодальном хоре. Пение этого хора в московском Успенском соборе в Кремле было поставлено на такую высоту, что тот, кто имел счастье его слышать, никогда этого не забудет.

Отец мой в молодости любил оперу, приходил в восторг от голоса Неждановой, Шаляпина, но хоровое пение его особенно волновало. Он с увлечением рассказы-

Руси Алексея II, около места разрушенной церкви был установлен и освящён памятный знак. — *Ред.*

вал нам о концертах соединенных хоров, происходивших в Московском манеже и исполнявших духовные песнопения, или о духовных концертах в Большом зале Консерватории, это была его стихия.

Помню, как мы с ним в Костроме, в последний год его жизни, слушали в передаче убогого радиоприемника тех лет «Царскую невесту» с участием Неждановой, и его это радовало. Любимой оперой отца был «Князь Игорь» Бородина.

Учился мой отец в классической 5-й гимназии, которая находилась на углу Поварской и Молчановки. Так же, как и все его братья, он кончил 5-ю гимназию с золотой медалью. Все их имена были записаны золотыми буквами на мраморной доске, о чем с гордостью сообщил мне мой брат, поступая тоже в эту гимназию. До пятого класса мальчики в семье Самариных учились дома, сдавая весной экзамены, а с пятого класса начинали ходить в гимназию.

Был ли мой отец особенно способен к наукам? Думаю, что да, и, конечно, больше к гуманитарным, но, вероятно, он был еще и очень трудолюбив и, как всегда, добросовестен. Чувство долга, внутренняя дисциплинированность были, по-видимому, его отличительной чертой с детства. В одном из писем моей бабушки Варвары Петровны Самариной к моей матери, в то время невесте моего отца, есть такая фраза: «Саша (мой отец. — Е. С.-Ч.) за всю свою жизнь меня ничем не огорчил». Видимо, с детства в нем была врожденная «ясность» души и ума, и эта ясность вела его по прямому, открытому пути, без отклонений и блужданий по сложным тропам сомнений и поисков. Моему отцу была также присуща простота, унаследованная им от матери,— простота ермоловская⁴.

После окончания гимназии все братья Самарины шли в Московский университет на историко-филологический факультет. Отец мой говорил, что у него в то время было определенное желание пойти на медицинский факультет, но это было не в традициях семьи, мать ему это высказала, и он не решился пойти против воли родителей. Позднее младший из братьев, Юрий Дмитриевич, оказал-

⁴ Ермолова (в замуж. Самарина) Варвара Петровна (1832–1906) – дочь Петра Николаевича Ермолова, генерал-майора, участника Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов, жена Дмитрия Федоровича Самарина. – *Рег.*

ся более решительным и поступил по своему влечению на естественный факультет.

В студенческие годы молодые люди попадали в круг больших светских знакомств и развлечений. Моего отца мало привлекала атмосфера светского высшего общества — балы, любительские спектакли, что было тогда очень принято. Дядя мой, Сергей Дмитриевич, очень живой и общительный, обладавший большим юмором, говорил: «Саша если и ехал на бал, то старался пройти в залу, не снимая галоши, чтобы поскорее незаметно выскользнуть оттуда, а если видел издали на улице каких-нибудь светских знакомых, сворачивал в подворотню, чтобы не здороваться». Мой отец, который тоже любил юмор, не злой, а мягкий и безобидный, и чаще всего обращенный на самого себя, весело смеялся этим воспоминаниям о его юности. А сколько позднее пришлось ему представлять на всяких торжествах, приемах, собраниях, балах, и как он просто держался! Трудно было подумать, что это было так чуждо его существу.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА, НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННОЙ РАБОТЫ, ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОТЦА

После окончания университета (1891 г.) отец отбывал воинскую повинность как вольноопределяющийся гренадерской артиллерийской бригады, а с 1892 г. по 1899-й был земским начальником в Бронницах Московской губернии, и затем, до 1907 г., богородским уездным⁵ предводителем дворянства. До него в Богородске это место занимали старшие его братья, сначала Федор Дмитриевич⁶,

⁵ Богородский уезд – административная единица в составе Московской губернии, существовавшая до 1929 года. Центр – город Богородск (ныне – г. Ногинск). Территория уезда включала современные Ногинский, Павлово-Посадский, Щёлковский районы, восточные части городского округа Балашиха, северную часть Орехово-Зуева, г. Королёв и Ивантеевку, значительную часть Орехово-Зуевского, части Пушкинского и Раменского районов Подмосковья. Население уезда в 1897 году – 223,3 тыс. человек. – *Рег.*

⁶ Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916) – общественный, государственный и церковный деятель славянофильского направления. Окончил историко-филологический факультет МУ (1880), предводитель дворянства Богородского уезда (1884–1891), надворный советник, гласный Московской губернской земской управы (до 1903), выборный член Государственного совета (1907–1908), публицист, член «Московского кружка ищущих духовного просвещения». – *Рег.*

а потом Сергей Дмитриевич⁷. Я мало знаю об этих годах жизни моего отца, это было задолго до моего появления на свет, но знаю, что с этих лет у отца до конца жизни сохранились крепкие дружеские связи с несколькими семьями. Связи того времени перешли по наследству и к нам, его детям, — настолько они были искренни и сердечны. Видимо, отца моего очень любили друзья. Он был прост и весел в общении, а если было нужно, мог оказать сильную моральную поддержку. Знаю этому примеры с семьей Кашперовых, где он помогал воспитывать трех мальчиков, лишившихся отца, а их мать, милая Александра Петровна Кашперова, с которой мы сохраняли большую дружбу до самой ее смерти, в 1941 г., рассказывая нам о нашем отце, называла его не иначе, как «несравненный». Были еще семьи: Писаревых, мать и дочь — Вера Александровна и Наташа, Араповы, мать и девочка Катя, очень живая и одаренная; отец помог им в самые трудные, безысходные минуты. С семьей Кологривовых, отец которых был сослуживцем нашего отца в Богородске, судьба столкнула моего брата в 1940-х годах в Средней Азии. Отношения родителей в прошлом веке оказались ключом, открывшим вновь дружбу в новом поколении. Была в Богородске чудесная патриархальная, очень многочисленная купеческая семья Куприяновых, жившая в доме напротив нашего дома. Мать семьи — Надежда Онисимовна, умная, спокойная, вырастившая многих достойных людей, дожила до глубокой старости. Дети ее, обращаясь к ней, называли ее «Ваша мудрость». Отец, в память прошлого, брал меня в гости в эту семью уже в Москве. Там было всегда просто, бодро, с милым юмором. В те далекие годы отец был еще очень молод и беззаботен и, вспоминая это время, рассказывал всегда какие-нибудь забавные эпизоды.

В этот период своей жизни, полностью отдаваясь работе, отец стал выдвигаться как общественный деятель. Он как бы созрел внутренне для того, чтобы отдавать Родине и людям все силы и энергию своего существа. Твердые убеждения и чувство долга были всегда основой его поступков.

⁷ Самарин Сергей Дмитриевич (01.03.1865–1929) – предводитель дворянства Богородского уезда (1891–1896). Избран кандидатом в предводители дворянства в 1911 г. (Джунковский, Т.1. С.545). – *Ред.*

Тут определяется и выявляется его талант общения с людьми самых разных слоев общества, разных интересов и возрастов. Этот талант развивался в нем с годами, и я всегда поражалась тому, как умел он живо общаться не только с людьми своего круга и уровня развития, но и с людьми простыми, неграмотными, и особенно с детьми, которые всегда очень скоро к нему привыкали и обращались с ним как со своим и близким. Это было так в его молодости и до самого конца жизни.

В эти же годы раскрывается его одаренность филологическая, о которой я упоминала раньше как о семейном свойстве Самариных.

У моего отца она проявлялась двояко: он имел дар слова, он умел прекрасно говорить, облечь мысль в словесную форму, ясную, отчетливую и притом изложенную подлинно русским языком. Голос у него был приятный, баритональный. Знаю, что его речи в собраниях производили всегда сильное впечатление. И я помню его значительно позднее, произносящим приветствие царю в Колонном зале Московского дворянского собрания (Дом союзов) в 1913 году. Я, маленькая девочка, на хорах слушала и гордилась и любовалась им. Но еще несравнимо трепетнее слушала я и воспринимала в 1920 году «последнее слово» отца на суде, в том же Дворянском собрании (в малом, Октябрьском зале), когда весь переполненный зал замер, преклоняясь перед силой убежденности и мужества, выраженных в этом «слове».

Это была одна сторона его словесного дара, а другая сопутствовала ему во всю его жизнь — это была исключительная любовь, тонкое понимание, я бы сказала, проникновение в глубины церковного слова, церковной поэтики, самого богослужения.

Священник Александр Ельчанинов⁸ писал о богослужении, что это высшая поэзия, совершенная, «неиз-

⁸ Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934) – священник, друг юности свящ. П. Флоренского, историк, литератор. Участвовал в деятельности Христианского братства борьбы (ХББ), основанного В. П. Свенциким (Валентин Павлович, протоиерей, публицист, драматург, прозаик и богослов, 1881–1931) и В. Ф. Эрном (Владимир Францевич, религиозный философ начала XX века). Входил в редколлегия «Религиозно-общественной библиотеки» и был редактором-издателем газет ХББ. 18 ноября 1905 года избран членом совета Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. Скончался в Париже и похоронен на кладбище в г. Мёдоне под Парижем (Франция). – *Рег.*

реченная» музыка, «преобразующая душу красота»⁹. Эти слова целиком созвучны моему отцу. В этой области вступала в силу и его музыкальная одаренность, и, соединяясь в одно целое, дивные слова и напевы приводили моего отца в восторг и глубокое умиление. Это была его стихия, его отрада во все времена. Его баритон и сейчас звучит в моих ушах; особенно помню его читающим антифоны Великого Четверга или молитвы перед причащением. Он не только сам пел, руководил хором и слушал, но и сам создавал церковную музыку.

От вершин Синодального хора, от строгих напевов монастырских хоров, от исполнения Неждановой «Ave Maria» и до Абрамцевского маленького скромного хора, или исполнявшихся в тюрьме, написанных им самим нескольких песнопений, — все это было его жизнью, это его согревало, живило, это было для него «слово жизни».

ЗНАКОМСТВО С МОЕЙ МАТЕРЬЮ, ЖЕНИТЬБА, СЕМЬЯ. СМЕРТЬ МАТЕРИ

С трепетом приступаю я к той необычайно светлой и короткой эпохе жизни моего отца, когда он узнал и полюбил мою мать. Это было в конце 1890-х годов в Москве.

Моя мать, Вера Саввишна Мамонтова, была дочерью известного в Москве человека — Саввы Ивановича Мамонтова¹⁰. О моем деде Савве Ивановиче, о его кипучей

⁹ Священник Александр Ельчанинов. Записи. Издательство: Белорусская Православная Церковь, Минск. 2015 г. С. 42.

¹⁰ Мамонтов Савва Иванович (1841–1918) – известный русский предприниматель конца XIX века, вслед за Ф. В. Чижовым поставивший себе цель развить тяжелую промышленность и железнодорожный транспорт как базу национальной независимой экономики России. Биография Саввы Мамонтова очень интересна и насыщена. Современники знали его как прекрасного певца, талантливого скульптора и художника. Он активно поддерживал различные виды творческой деятельности, помогал организациям культуры, создал Частную оперу и в ней реализовал своё новое направление сценического искусства с синтезом музыки, живописи, актёрского мастерства на основе исторической правды. Его учениками себя считали К. С. Станиславский и Ф. И. Шаляпин. В 1870–1890 годах имение Мамонтовых Абрамцево стало центром художественной жизни России. Здесь подолгу жили и работали русские художники И. Е. Репин, М. М. Антокольский, В. М. и А. М. Васнецовы, В. А. Серов, М. А. Врубель, М. В. Нестеров, В. Д. Поленов и Е. Д. Поленова, К. А. и С. А. Коровины и музыканты: Ф. И. Шаляпин и другие. Многим художникам Мамонтов оказывал существенную поддержку, в том числе и финансовую, но не занимался коллекционированием. Однако из даров друзей в Абрамцево и Москве скопились у него большие коллекции. Дети: Сергей, Андрей, Всеволод, Вера, Александра. Сын Мамонтова, Сергей Саввич (1867–1915) — поэт, драматург, военный журналист. Дочь Вера изображе-

деятельности в области искусства, театра и железнодорожного строительства, о жене Саввы Ивановича — моей бабушке Елизавете Григорьевне, в честь и память которой в нашей семье уже в трех поколениях не переводятся Елизаветы, — я не буду говорить сейчас, так как много уже и в печати сказано, и будет сказано о семье Мамонтовых.

Буду говорить о своей матери. Я ее не помню... Это странно и больно. Ее яркий, прекрасный образ исполнен красоты внешней и обаяния внутреннего, но я это знаю по рассказам, по портретам, по фотографиям. Ее нельзя было не любить — с детства ее и любили, и любовались ею все, начиная с родителей, но это ее не испортило. Она просто и открыто смотрела на окружающий ее мир и людей и как будто с радостью была готова поделиться теми дарами, которые были даны ей.

Серов писал ее портрет в возрасте 12 лет, портрет этот принес ему первую славу. «Девочка с персиками» — так впоследствии назвали это чудесное произведение искусства — веселая, непосредственная, умненькая и такая по-настоящему русская девочка. С годами она стала стройной, красивой, и такой же осталась непосредственной и обаятельной девушкой... Она была четвертой в семье, до нее было три брата, а после нее была сестра Александра Саввишна, которая впоследствии, выполняя волю моей матери, заменила нам ее и воспитала нас, сирот, отдав нам всю свою жизнь.

В середине 90-х годов впервые встретились мои родители.

Ничего общего не было у семьи Самариных с Мамонтовыми. Совершенно различное общественное положение и круг знакомств, что тогда играло большую роль. Разные взгляды, убеждения, интересы и уклад жизни. Правда, в эти годы уже было возможно общение купеческих семей с дворянским кругом. Но семья Самариных, и особенно глава семьи Дмитрий Федорович Самарин, была исключительно старозаветна¹¹. И все-таки случилось

на на знаменитой картине В. А. Серова «Девочка с персиками». Александра — хозяйка имения, создатель и руководитель музея Абрамцево в начале XX века, где при ней собирался Самаринский Троицкий круг (См. статью прот. А. Мазырина). — *Рег.*

¹¹ Самарины — прославленная семья московских славянофилов, была тесно связана с Богородским уездом, где четверо (!) из них были предводителями дворянства. Федору Васильевичу, действительному статскому советнику, отцу Юрия, Дмитрия и Николая

так, что моя мать на почве общих интересов к лекциям по литературе и истории, которые посещались многими девушками, а еще больше на почве общественной работы с детьми в городских школах, приютах и детских колониях¹² (теперь они называются пионерлагерями. — Е. С.-Ч.) познакомилась и близко сошлась с сестрой моего отца Софьей Дмитриевной. Моя мать всюду вносила живость и энергию, свойственные ей. Она стала бывать в доме у Самариных и своим обаянием покорила сердца не только сестер, но и брата Александра Дмитриевича.

Бабушка моя Елизавета Григорьевна Мамонтова также принимала серьезное участие в общественной работе по школам, бывала на собраниях в доме Самариных и, как всегда, пользовалась общим уважением и симпатией. Но вот оба мои деда — Дмитрий Федорович Самарин и Савва Иванович Мамонтов — были настолько чужды, далеки, просто несовместимы. Они были, каждый по-своему, людьми очень типичными для своего времени и среды.

Дмитрий Федорович — строгий в своих принципах, несколько суровый, представитель дворянства, размеренно и сознательно ведущий свою общественную работу и возглавлявший свою большую дружную семью.

Савва Иванович Мамонтов — яркий представитель блестящего взлёта русского купечества второй половины XIX века, одаренный, увлекающийся и безудержный в своей красивой деятельности на пользу русского искусства и не менее энергичный и умный руководитель работ по железнодорожному строительству. Его деятельность по освоению русского Севера, мало кому понятная в те времена, открывала новые горизонты перед русскими людьми.

К концу 90-х годов широкий размах железнодорожной деятельности и некоторая неосмотрительность привели Савву Ивановича к катастрофе. Он был арестован в 1899 г., судим и оправдан судом присяжных. Все его иму-

Федоровичей Самариных и деду Александра Дмитриевича, принадлежали деревни в основном в районе Загарья. Юрий Федорович (1819-1876) — философ, историк, общественный деятель, публицист, один из главных идеологов славянофильства, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Собрание его сочинений издал брат Дмитрий Федорович. — *Рег.*

¹² Летний лагерь для отдыха детей. — *Рег.*

щество было конфисковано. Савва Иванович не потерял доброго имени и уважения, но бурная деятельность его и в промышленности и в искусстве пресеклась.

С точки зрения главы семьи Самариных, деда Дмитрия Федоровича, не могло быть и речи о браке моих родителей. Это было неприемлемо, и на этом ставилась точка.

Таково было решение отца, а для покорного сына, который полюбил такую чудесную девушку так, как он был способен любить, ничего не оставалось делать, как только ждать, терпеть и возложить упование на Бога. Тут проявилась его великая вера в Бога, которая во всю его многострадальную жизнь давала ему силы надеяться, терпеть и с благодарением принимать все от руки Божией.

Несколько лет тянулось это томительное состояние двух любящих друг друга душ. Было время, когда все казалось безнадежным, и даже переписываться они не считали возможным, и вот в это время отец мой пишет изумительные по глубине и цельности письма к моей бабушке Елизавете Григорьевне Мамонтовой, объясняя ей всю трудность своего безысходного положения, высказывая ей всю любовь к ее дочери, прося ее понять его, не судить сурово и своим материнским чутьем и любовью помочь в неразрешимом вопросе. И бабушка Елизавета Григорьевна, мудрая, удивительная женщина, — всё понимала, все прощала и помогала ждать и терпеть, потому что сама была образцом терпения.

В доме Самариных случилось тяжелое событие. Мой отец еще раз решил поговорить с дедом о своей неизменной любви и желании жениться. Разговор был сдержанный, ни к чему решающему не привел, хотя Дмитрий Федорович сказал сыну, что подумает и обсудит свое мнение с членами семьи. После этого разговора с Дмитрием Федоровичем, уже до того прихварывавшим, сделался удар, и в тот же день, 2 декабря 1901 года, он скончался. Отец мой, искренне любивший своего отца, был поражен, и даже его молодой, здоровый организм стал ослабевать. И вот тут (через год после смерти мужа) прекрасно проявила себя моя бабушка Варвара Петровна Самарина. Она все взяла на себя и именем покойного отца и своим благоговением своего терпеливого сына на брак с любимой девушкой. Она и сама видела все достоинства моей матери,

и вся семья дружных братьев и сестер Самариных с радостью приняла это решение.

Родители мои встретились женихами в Риме в конце 1902 года. Отец мой приехал к Мамонтовым, жившим эту зиму в Риме, чтобы окончательно решить вопрос женитьбы. Каким счастьем полны письма моей матери, написанные в эти дни в Москву к отцу Савве Ивановичу Мамонтову и к матери жениха!

Древний Рим, который она так знала и любила с детства и который теперь она открывала жениху... Сердечная радость матери после томительной неопределенности; радость младшей сестры Шуры, всегда бывшей в тени, но от этого не меньше восхищавшейся полной обаяния старшей сестрой; и, наконец, еще радость — участие отца Саввы Ивановича, хоть и далеко находившегося в это время, в Москве, но, видимо, горячо откликнувшегося на радость любимой «Верушки». Все это один общий аккорд большого, полного счастья. Все письма этих дней и сейчас хранятся у меня.

26 января 1903 г. в Москве, на Поварской, в церкви Бориса и Глеба (это был приход Самариных), была свадьба моих родителей. Моя мать была с любовью принята всей семьей Самариных. Все предвещало прекрасную счастливую жизнь. После свадебного путешествия в Италию и на остров Корфу молодые поселились в своем доме в городе Богородске¹³. Моя мать стала сразу принимать деятельное участие в работе отца и устраивала «свой» дом, свое хозяйство. С самого дня свадьбы не было ни одного дня, чтобы она не писала своей матери Елизавете Григорьевне хотя бы несколько строк. Эти письма, такие горячие, полные заботы о матери, тоже хранятся у меня. В них отражается ежедневная жизнь и появление на свет новых членов семьи — детей. Первым был мой брат Юрий, затем я и третьим брат Сергей — и вдруг обрывается жизнь.

¹³ Богородск — город в Московской области, расположен на реке Клязьме (приток Оки), в 51 км (35 км от МКАД) к востоку от Москвы, на северо-западной окраине Мещёрской низменности. Во второй половине XIX — начале XX веков один из значительных центров старообрядчества Подмосковья. 26 января 1930 года газеты «Известия» и «Рабочая Москва» поместили постановление ВЦИК: «Переименовать город Богородск и станцию Богородск Московско-Нижегородской железной дороги в город и станцию Ногинск, а Богородский уезд — в Ногинский» в честь большевистского деятеля Виктора Ногина (1878–1924). — *Peg.*

27 декабря 1907 года, через пять лет после свадьбы, моя мать умерла, проболев три дня воспалением легких; тогда не было тех средств, которые сейчас побеждают эту болезнь. Свершилось это в Москве, в доме Самариных на Поварской. Всей семьей мы ехали на Рождественские праздники в Абрамцево к бабушке. Проездом остановились в Москве. Как вихрь, налетела болезнь и смерть. Я не помню этого страшного горя, мне было 2 года с небольшим. Что испытывал мой отец в это время, трудно выразить и представить. Он замкнулся в себе и до последних лет своей жизни сохранил любовь и верность моей матери. Ее похоронили в любимом Абрамцево, около церкви. Приезжая туда, отец всегда ходил с нами, детьми, к ней на могилку, но говорил с нами о ней очень мало. Только в последние годы жизни иногда открывалась эта страница его жизни — счастливая, солнечная, радостная. Вера в неисповедимые и часто непонятные людям судьбы Божии была тверда в его сердце и еще больше утвердилась в несении страшного горя. Мы, дети, остались на попечении бабушки Елизаветы Григорьевны и тети Александры Саввишны. Но бедная бабушка не вынесла разлуки с дочерью, несмотря на мужество, с которым она приняла ее смерть. В тот же год, через 10 месяцев, она скончалась; было ей 61 год. С тех пор все материнские обязанности, заботы, а с ними и удивительную, по-настоящему материнскую любовь к нам, детям, приняла на себя наша тётя Александра Саввишна. Это время я уже начинаю помнить. Мне 3 года. Мы в Москве, новом для нас доме, всё интересно, уютно. Отсутствие матери я не воспринимала! Смерть бабушки помню отрывочно и чисто по-детски.

**ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ.
ИЗБРАНИЕ ГУБЕРНСКИМ
ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ДВОРЯНСТВА.
ШИРОКОЕ ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
ОБЩЕНИЕ С НАМИ, ДЕТЬМИ**

В 1908 году, вскоре после смерти моей матери, мой отец был избран московским губернским предводителем дворянства, поэтому мы переселились в Москву. Знаю,

что дом в Богородске был продан и разорено было уютное и недолговечное гнездо; знаю, что отец сам не мог этого сделать – это было выше его сил. Он погрузился с головой в новую большую работу, спасаясь ею от своего горя. Я не могу вполне, ясно обрисовать, в чем была суть его дела. Я была мала и только немного могла воспринять из того, что слышала и видела. Знаю, что иногда решались серьезные вопросы, обсуждались с единомысленными братьями Самаринскими, готовились выступления отца, обращения к царю от Москвы — сердца России. Это было серьезно, но непонятно мне. А вот что было ясно моему детскому восприятию — это необычайная занятость отца прямой заботой о людях, об устройстве судьбы отдельных семей: детей, стариков, о создании каких-то приютов, богаделен, обеспечении их средствами; о «попечительстве» его об учебных заведениях в Москве; причем он действительно был попечителем. Он входил в жизнь и интересы этих школ и детей, он с ними умел общаться и радовался, когда мог их порадовать чем-либо. Думаю, что в эти годы, неся в сердце свое горе, может быть, в память умершей матери моей, он многим облегчил жизнь – помог, утешил, поддержал. Он привлекал к этой работе других людей, заставлял, убеждал их давать средства и своим примером учил, как надо трудиться на пользу людям. В эти годы с большой любовью и увлечением отец строил храм в селе Аверкиеве Богородского уезда¹⁴. Это была его инициатива и, видимо, тоже в память моей матери. Храм был в стиле XVII века — светлый, большой, радостный, очень удачный по архитектуре. Он был освящен в 1915 году.

Отец был занят с утра до вечера, а иногда и до глубокого вечера. Мы, дети, видели его обычно утром, в 9 часов, когда он пил два стакана почему-то остывшего чая и читал газеты. Мы приходили здороваться с отцом. За обедом он бывал не всегда, а вечером, если был дома, са-

¹⁴ Церковь Живоначальной Троицы в с. Аверкиеве, Московской губ., была построена в 1911–1915 гг. по проекту архитектора В. Н. Башкирова на средства московского губернского предводителя дворянства и обер-прокурора Священного синода А. Д. Самарина. Закрыта в 1930-х и сильно повреждена. С 1990 г. возрождается. Церковь Святой Троицы, расположена по адресу: Московская область, Павлово-Посадский район, с. Аверкиеве. Объект культурного наследия регионального значения (Постановление Правительства Московской области от 15.03.2002 г. № 84/9). О храме см. статью Ю. Г. Таировой в данном сборнике. – *Рег.*

дился за пианино или за фисгармонию, которую очень любил, и наигрывал что-нибудь по слуху, часто импровизируя. Он любил проверить наши музыкальные способности, заставляя повторять взятую ноту. Его радовал в этом мой старший брат, который обладал прекрасным музыкальным слухом. Он учил нас молиться на ночь и любил прийти в детскую, когда мы лежали в кроватях. В воскресенье отец ходил с нами к поздней обедне в церковь святителя Спиридона¹⁵ или Большого Вознесения на Никитской¹⁶, где, по преданиям, венчался Пушкин, а потом мы шли завтракать в самаринский дом на Поварскую. Все это — раннее детство. В январе 1913 года новый удар поразил нашу семью. После двух дней болезни (от перитонита) скончался мой маленький брат Сереженька, общий любимец, чудесный мальчик, ему не было шести лет.

Что давал нам отец в эти детские наши годы? Казалось, он оторван от нас, всегда занят своими делами, а между тем общение с ним, которым мы не были избалованы, было для нас значительным. Он любил брать нас в Кремль, и больше всего я помню великолепную службу в Рождественский сочельник с Синодальным хором и протодиаконом Розовым в Успенском соборе. Стоя рядом с отцом, мы, дети, как бы через него проникались глубиной и красотой «слова», и пение уже тогда захватывало меня. В Кремль ходили и еще весной, после Пасхи, по субботам вечером, и бывали не только в Успенском, но и в других соборах, и в Чудовом монастыре. Тут в весенний прозрачный вечер проникались красо-

¹⁵ Церковь святителя Спиридона Тримифунтского, что на Козьем болоте — утраченный православный храм, находившийся в Москве, на улице Спиридоновке, на месте современного дома № 24/1 (угол Спиридоньевского переулка). Единственная в старой Москве церковь во имя святителя Спиридона Тримифунтского, была построена в конце XVI — начале XVII века. В 1930 году церковь снесена (необходимые обмеры успел сделать Пётр Дмитриевич Барановский), в 1932–1934 годах на её месте возведён дом в стиле конструктивизма. — *Рег.*

¹⁶ Церковь Вознесения Господня в Сторожах, у Никитских ворот («Большое Вознесение») — православный храм Центрального благочиния Московской городской епархии. Расположен на пересечении Б. Никитской улицы с Бульварным кольцом (Большая Никитская улица, 36). В ней венчался А. С. Пушкин с Н. Н. Гончаровой. Здесь отпевали М. С. Щепкина, М. Н. Ермолову. 13 ноября 1917 года в церкви отпевали юнкеров и офицеров, погибших во время октябрьских боев в Москве. 5 апреля 1925 года в храме совершил своё последнее богослужение Патриарх Московский и всея России Тихон. В 1931 году церковь закрыли, в ней разместили склад тары, затем гараж. В 1990 году здание вернули Русской Православной Церкви, и 23 сентября 1990 года в нём возобновились регулярные богослужения. — *Рег.*

той древнего Кремля, и так интересно было всё узнать о маленькой, самой древней церкви Спаса-на-Бору¹⁷, колокольне Ивана Великого, могилах в Архангельском соборе или Вознесенском монастыре. С отцом для нас были особенно связаны два самые большие праздники в году – Рождество и Пасха. В Рождественский сочельник, после вечерни в Кремле, он брал нас в магазины, чтобы купить подарки; самое существенное — подарок для нашей «тетеньки» и по «секрету» от нее, до следующего дня. Отец всем в доме дарил подарки и нас привлекал к этому. Он принимал участие в елке, играл для нас на рояле, радовался нашей радости. На Страстную неделю и Пасху мы бывали в Абрамцеве¹⁸, где все дни бывала прекрасная служба в церкви, в которой все по мере сил принимали участие. Отец был свободен несколько дней, был с нами, руководил хором, пел, читал; я и теперь слышу его голос, и он передал нам совершенно особенную любовь и понимание этих великих дней. Маленькая Абрамцевская церковь, окруженная нетронутым парком с высокими елями, и просыпающаяся к жизни природа так много могли дать чудных поэтических впечатлений. А первая в жизни Пасхальная заутреня (в 7 лет), крестный ход со

¹⁷ Собор Спаса Преображения на Бору – древнейший в Москве каменный собор, располагавшийся в Московском Кремле, во дворе Большого Кремлёвского дворца. В дереве построен в 1272 году, в камне – в 1330 г. Название «на Бору» произошло от окружающих храм хвойных деревьев, давших название и самому Боровицкому холму. Храм Спаса-на-Бору снесён 1 мая 1933 года на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 сентября 1932 года по предложению Авеля Енукидзе, несмотря на протесты таких видных реставраторов, как П. Д. Барановский. Старинные колокола со звонницы поступили в фонды Московского Кремля. На месте собора был выстроен 5-этажный служебный корпус. – *Рег.*

¹⁸ Усадьба Абрамцево получила известность с середины XIX века. Ей владели С. Т. Аксаков (с 1843 г.), Е. Г. Мамонтова (с 1870 г.), А. С. Мамонтова и А. Д. Самарин (с 1908 г.). В 1918 г. А. С. Мамонтовой и А. Д. Самариным усадьба передана под охрану государства, по их инициативе и их руками превращена в музей. Первым директором музея была дочь С. И. и Е. Г. Мамонтовых Александра Саввишна Мамонтова. При ней здесь в первой половине 1920-х годов собирались православные интеллигенты, составившие, по священнику А. Мазырину (см. его статью и письма отца Павла Флоренского в данном сборнике), Троицкий (Самаринский) кружок. Это отражено в картине М. В. Нестерова «Философы», находящейся в Третьяковской галерее, на которой изображены С. Н. Булгаков и священник Павел Флоренский, углублённые в беседу в Абрамцеве. На площади около 50 га, занимаемой сейчас музеем-заповедником, находятся памятники архитектуры XVIII–XIX веков и парк. Собрание музея включает более 25 тысяч экспонатов. Экспозиции посвящены жизни и творчеству владельцев и знаменитых гостей Абрамцева. В усадебной церкви совершаются службы. 12 августа 1977 года Постановлением Совета Министров РСФСР музей-усадьба преобразована в Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево» Министерства культуры РСФСР. – *Рег.*

свечами вокруг церкви, прямо у дорогих могил матери, бабушки и брата, и ликующие слова «Христос Воскресе», и звон, и темные ели, и полная света от восковых свечей церковь, и множество народа!

Это действительно была радость Воскресения Христова! Хор ведет отец, такой праздничный, радостный.

В эти годы я много и тяжело болела. Я была окружена заботой, мне было хорошо и уютно, но я ждала позднего, почти ночью, прихода отца. Он садился ко мне на кровать, рассказывал о своих дневных событиях, и от него шло какое-то спокойствие и тепло, и я засыпала.

ВОЙНА 1914 ГОДА. КРАСНЫЙ КРЕСТ. НАЗНАЧЕНИЕ ОБЕР-ПРОКУРОРОМ СИНОДА И УВОЛЬНЕНИЕ

В июле 1914 года началась Первая мировая война, и мой отец, помимо своей обычной работы, стал главным уполномоченным Российского Красного Креста. Это была огромная административная работа для фронта и тыла. Бесчисленное количество лазаретов по всей России, санитарных отрядов и поездов, эвакуация раненых и иногда даже просто населения — все это было подведомственно Красному Кресту и земскому союзу, и со всех концов нити тянулись к центру — Москве. Вокруг отца объединилась группа новых для него помощников, ставших настоящими друзьями. Все они в эти грозные дни не щадили сил, не жалели времени, а отец мой обладал незаурядным административным талантом. Семья Самариных отдала свой большой дом на Поварской под главное управление Красного Креста, переселившись в комнаты нижнего этажа.

С самого начала войны в нашем доме на Спиридоновке чувствовалось напряжение. Отца мы видели еще меньше, он возвращался домой поздно, и дома еще подолгу горел свет у него в кабинете, и он работал за письменным столом, по телефону решая всегда срочные вопросы о лазаретах, раненых, эвакуации.

В то же время в 1915 году назревал один из самых трудных периодов его жизни. Отец ездил в Петроград с непосредственным обращением к царю от лица всего русско-го дворянства, не только московского. В это время росла

страшная эпопея Распутина. Влияние этой темной демонической личности все глубже укоренялось в высшем обществе Петрограда, при царском дворе и, наконец, Распутин получил решающий голос в делах государственных¹⁹. Все об этом знали, все и всюду об этом говорили, и некоторые честные люди, преданные родине, уже не считали возможным молчать. Одним из таких людей был мой отец. Он был избран огромным количеством людей — через губернские организации дворянства, чтобы сказать открыто всю правду в глаза царю. И он это сделал. Его обращение обсуждалось и подготавливалось братьями Самаринскими, всегда единомысленными в трудные минуты. Каждый из них вносил свою лепту. Старший из братьев — Федор Дмитриевич был мудрейшим в совете; два других брата — Петр и Сергей Дмитриевичи, глубоко переживая и волнуясь, обсуждали предстоящее обращение; может быть, лучше других облекал мысль в словесную форму Петр Дмитриевич. Из всех пяти братьев он был наиболее одаренным в области слова и тонкой музыкальностью. Не только гимназию, но и университет один он из братьев окончил с золотой медалью. Петр Дмитриевич много трудился над изданием работ дяди Юрия Федоровича, а в жизни он был тишайшим и скромнейшим человеком, большой отзывчивости и доброты и слабого здоровья. Всегда молчаливый, он иногда оживлялся, ценил юмор и по-детски радовался радостям детей и молодого поколения.

И вот в Царском Селе, в кабинете царя отец был принят один. Царь выслушал его внимательно и, по словам

¹⁹ Мнение автора воспоминаний, высказанное в 1970-х годах и отражающее отношение предреволюционного высшего общества, включая А. Д. Самарина, к «старцу». Вот что пишет воспитатель царских детей П. Жильяр об отношении государя императора Николая II к Распутину: «Сначала он терпел его, не решаясь нанести удар вере Императрицы, которую Императрица имела в него и в которой она находила надежду, дававшую ей возможность ждать. Император опасался удалить Распутина, потому что если бы Алексей Николаевич умер, то Император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка» (Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. Paris, б/г. С. 157–158). Скорее всего, наиболее беспристрастно оценивает влияние Распутина на дела государства профессор С. С. Ольденбург: «Распутин сам ни на какое политическое влияние не претендовал, но для врагов Императора он оказался точкой приложения искусной клеветнической кампании, совершенно извратившей истинное положение вещей» (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. — СПб.: Петрополь, 1991 г. Репринтное воспроизведение издания: Вашингтон, 1981 г. С. 246). Император считал Распутина только другом своей семьи и готов был в 1915 году удалить его (см. запись беседы императора Николая II с А. Д. Самаринским в Барановичах в 1915 г. с данным сборнике). — *Peg*.

отца, был как будто несколько удивлен тем огромным значением, которое народ придавал в то время гнусному влиянию Распутина²⁰. Это горячее обращение многих и многих русских людей, так смело и открыто высказанное перед царем, ничего не дало и не изменило в действиях правительства. Отец мой говорил, что Николай II был очень приятным, даже обаятельным в общении человеком, как частное лицо. Прекрасно передал образ Николая II В. Серов в поясном портрете в военной серой тужурке. Этот удивительный портрет, к сожалению, уничтожен, но в монографии И. Грабаря сохранилась хорошая репродукция с него²¹.

Отец видел царя в окружении его семьи, детей, за семейным завтраком, куда был приглашен в 1915 году после доклада. Но как глава государства царь был совершенно беспомощен и безволен²².

²⁰ Распу́тин Григорий Ефимович (Нёвых; 1869–1916) — крестьянин села Покровское Тобольской губернии. Приобрёл всемирную известность благодаря тому, что в 1910-е годы в определенных кругах петербургского общества имел репутацию «царского друга», «старца», прозорливица и целителя. К нему действительно обращалась за помощью императрица Александра Федоровна в моменты тяжелых осложнений болезни сына. Негативный образ Распутина, созданный в светских салонах и прессе, был одной из причин холодного отношения аристократии к царской семье. Тем готовился государственный переворот февраля 1917 года. Образ Распутина также использовался для дискредитации императора в революционной, позднее в советской пропаганде. До сих пор вокруг личности Распутина и его влияния на судьбу Российской империи ведутся споры (Чернышов А. В. Кое-что о распутиниаде и издательской конъюнктуре наших дней (1990–1991 гг.) // Религия и церковь в Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. — Тюмень, 1991. Вып.2. С. 47-56; Боханов А. Н. Григорий Распутин. Авантюрист или святой старец? М.: Вече, 2012.; Ватала Э. Распутин. Без мифов и легенд. М., 2000). О том, что Григорий Распутин не имел существенного влияния на управление империей, свидетельствует отмеченное автором воспоминаний удивление императора «тем огромным значением, которое народ придавал в то время влиянию [...] Распутина». Эта же мысль несогласия Николая II с утверждением о влиянии Григория Распутина на государственные дела прослеживается и в документах, публикуемых ниже.

²¹ В постсоветское время, после написания данных воспоминаний, выяснилось, что есть авторское повторение портрета, сделанное В. А. Серовым в 1900 г. сразу по окончании работы над утраченным оригиналом, который был изуродован штыками при октябрьском штурме Зимнего дворца, доставлен в Русский музей, но не сохранен ввиду опасности жестокого преследования хранителей. Авторское повторение, по сообщению О. Д. Атрошенко, в условиях секретности, невзирая на риск ареста, уберегли сотрудники Третьяковской галереи (Атрошенко О. Д. Творчество Валентина Серова в контексте эпохи. Валентин Серов. К 150-летию со дня рождения. ГТГ. М. 2015. С. 8-31). — *Peg*.

²² Субъективное утверждение. Обратим внимание, что высказано оно от себя и по контексту не приписывается А. Д. Самарину. Такое отношение автора воспоминаний к личности государя Николая II, скорее всего, ещё не есть отношение к государю самого А. Д. Самарина. В его письмах и записках подобное мнение нигде не прослеживается. У дочери оно сложилось, возможно, из-за отставки отца и под влиянием мнения семьи, изложенного в письме Ф. Д. Самарина (архив С. Н. Чернышева). Для более точной оценки личности государя на-

Как ни странно, но вскоре после такого обращения, летом 1915 года, отец был вызван в ставку главнокомандующего всей русской армией, это был тогда дядя царя — великий князь Николай Николаевич²³. Отцу было предложено занять место обер-прокурора Святейшего синода, то есть войти в состав Кабинета министров, так как это было, по существу, министр по делам Церкви. Несомненно, это было влияние великого князя Николая Николаевича, который был убежденным и открытым противником Распутина и очень уважал моего отца и его позицию. Отец опять имел долгий и до предела откровенный разговор с царем наедине, в его вагоне-кабинете в Ставке²⁴. Он повторил все, что незадолго перед тем высказал в Царском Селе о преступном влиянии Распутина в политике, о недопустимости его приближения к царской семье, о той страшной силе, которой он подчинил себе императрицу; он говорил о своей неподготовленности к работе в должности обер-прокурора, о том, что его место в Москве — «сердце России», где он не чиновник, а представитель об-

писано немало исследований. Приведем лишь некоторые: Пчелов Е. Романовы. История династии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2005. С.352-354; Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Страссотерпца. Свято-Троицкий Монастырь. Джорданвилль, N.Y., 1983. Мультиатули П. И. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. Спб.: Сатись. 2002. В период написания воспоминаний, в 1970-х годах, отмеченное мнение Е. А. Самариной-Чернышевой не было общим мнением самаринского круга, например княгиня К. П. Трубецкая, дочь П. В. Истомина – сотрудника А. Д. Самарина, категорически не соглашалась с такой оценкой и считала рассматриваемые строки существенным дефектом публикуемых воспоминаний.

²³ Великий князь Николай Николаевич Романов (Младший, 1856–1929, — первый сын великого князя Николая Николаевича (старшего) и великой княгини Александры Петровны (урожденной принцессы Ольденбургской), внук Николая I; генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (6 декабря 1900); Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915) и в мартовские дни 1917 года; с 23 августа 1915 года до марта 1917 года — наместник Его Императорского Величества на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказный атаман Кавказских казачьих войск. Пользовался популярностью в армии. 24 апреля 2015 года в Каннах, в Архангело-Михайловском храме, где покоились останки Николая Николаевича и Анастасии Николаевны, состоялась церемония эксгумации, после которой в нижнем храме, где находятся могилы представителей рода Романовых, была отслужена лития. 30 апреля прах был захоронен в часовне Спаса Преображения на Братском воинском кладбище на Соколе (Москва) (Базанов С. Н. Великий князь Николай Николаевич Младший. Документы // Великая война. Верховные главнокомандующие: сб. ист.-лит. произв./сост., науч. ред., предисл. и коммент. Р. Г. Гагуев. – М.: Содружество «Посев», 2015). – *Peg*.

²⁴ Запись беседы с императором Николаем II сделана П. Д. Самариним по рассказу брата и публикуется в данном сборнике – *Peg*.

щественного сознания. Некоторые черновые записи этих минут сохранились у меня.

После всего высказанного царь сказал: «А я все-таки Вас прошу принять назначение».

Нам отец потом рассказывал, что чувствовал он в эти минуты и что говорил. Царь молча слушал, видимо, был взволнован, так как мало приходилось ему слышать правду от подданных. Отец вернулся из этой поездки подавленный и измученный, но отказаться от возлагаемого на него бремени не смог. Вот что записал об этих днях мой дядя Федор Дмитриевич: «При выходе из вагона в Москве Саша показался мне чрезвычайно удрученным. Таким я его никогда не видал. Он все повторял, что вся его деятельность кончена, и не видел никакого исхода из трудного положения, в которое был поставлен. Когда все мы собрались к нему в дом, он сказал даже: «Все точно ко мне на похороны пришли».

* * *

У меня сохранилось много записок, писем, набросков мыслей и проектов обращений, в которых хорошо отражен весь этот труднейший период жизни моего отца.

Он был назначен на должность обер-прокурора 5 (18) июля 1915 года, в Сергиев день, и уволен с этой должности 25 сентября (8 октября по н. ст.) 1915 года, тоже в день преставления преподобного Сергия²⁵. Москва трогательно провожала отца, напутствуя его и жалея об его уходе с такой большой и нужной работы.

Неполных три месяца нес он это бремя, открыто и честно высказывая свои взгляды. Он боролся с Распутиным в той области, которая была ему подведомственна. Помощником себе отец пригласил Петра Владимировича Истомина²⁶. Это был человек кристальной

²⁵ Дни памяти преподобного Сергия Радонежского: 25 сентября (8 октября) — преставление (кончина); 5 (18) июля — обречение мощей.

²⁶ Истомин Петр Владимирович (1879–1937). Из дворянской семьи, близкой к императорскому двору, верой и правдой несколько поколений которой служили царю и Отечеству. Семья была строго православной. Окончил юридический факультет Московского университета. Участник Русско-японской войны. Товарищ (заместитель) обер-прокурора Св. Синода при А. Д. Самарине. В 1915–1917 годах – директор Канцелярии при наместнике Кавказа великого князя Николая Николаевича. В 1923–1925 годах жил с семьей в Сергиевом Посаде. Летом 1925 года арестован и выслан в Соловецкий лагерь. Во время пребывания на Соловках к Петру Владимировичу была допущена жена — Софья Ивановна.

честности и таких же взглядов и твердых убеждений, как мой отец²⁷.

В первые же дни пребывания в Петрограде Распутин пробовал подойти к отцу, завязать с ним сношения. Об одном эпизоде этих дней с восторгом рассказывал слуга моего отца Александр Тихонович, который сопровождал его в Петроград. В гостиницу «Европейская», где жил мой отец, приехал к нему епископ Варнава²⁸ в сопровождении Распутина, с которым он был в тесном контакте. Отец просил принять епископа и при его входе, относясь к нему крайне отрицательно, но отдавая должное уважение его сану, встал и подошел здороваться и принять благословение; когда же за епископом Варнавой выступила фигура Распутина с просфорой в руках, отец выпрямился, заложил руки за спину и сказал: «А вас я не знаю и вам руки не подам». «С тем и уехали гости», —

По словам их дочери, Ксении Петровны Трубецкой, Софье Ивановне было поручено передать митрополиту Сергию послание соловецких епископов. Для этого она выучила его наизусть. После возвращения с Соловков жил в Твери, Орле. В 1933 году арестован и выслан в Казахстан (г. Кокчетав). В 1937 году там арестован и, очевидно, расстрелян (приговор «без права переписки»). Петр Владимирович был близким единомысленным другом А. Д. Самарина, семей А. Д. Самарина, Трубецких, Осоргиных, Олсуфьевых, Комаровских, Мансуровых — это был родственный и дружеский круг Истоминых. — *Рег.*

²⁷ По словам дочери, Ксении Петровны Трубецкой (урожденной Истоминой), у Петра Владимировича «была полная приверженность Церкви, без всяких уступлений и желания что-либо в Нее привнести. Это, однако, не значит, что он не задумывался над происходящими событиями и считал правильным выполнять любые распоряжения иерархов, возглавляющих управление». — *Рег.*

²⁸ Архиепископ Варнава (в миру Василий Александрович Накропин; 1859–1924 — епископ Русской Православной Церкви; с 28 ноября 1913 года Тобольский и Сибирский (с 5 октября 1916 года архиепископ), участник монархического движения, член «Русского Собрания». В русской прессе и среди духовенства имел репутацию «распутинца», то есть ставленника Григория Распутина в ряду других иерархов, также смещённых с кафедр сразу после падения монархии в России. В 1915 году приобрёл скандальную известность в связи с делом о канонизации митрополита Тобольского Иоанна Максимовича. Он помнил митрополита Иоанна как святого, что повлекло разбирательство дела в Святейшем синоде. Во время допроса в Синоде резко разговаривал с обер-прокурором А. Д. Самариным. Синод в сентябре 1915 года при обер-прокуроре А. Д. Самарине постановил уволить архиепископа Варнаву от управления епархией. Император Николай II, по настоянию своей супруги, которая якобы требовала (по словам протопресвитера Г. И. Шавельского) карательных действий в отношении всех членов Синода, настроенных против Григория Распутина, а также увольнения обер-прокурора Самарина, отказался утвердить синодальное определение о нём. А. Д. Самарин указом императора был уволен в отставку ещё до его решения по делу архиеп. Варнавы (см. письмо к брату С. Д. Самарину об отставке, публикуемое в данном сборнике, к сожалению, не датированное). Архиепископ Варнава скончался 13 апреля 1924 года в Москве; 22 апреля был отпет Патриархом Тихоном в церкви Покрова в Филях, в ограде которой был погребён (Павлова А., Пивоваров Б. прот. Варнава (Накропин) // Православная энциклопедия. Т. 6. С. 652-653).

говорил Александр Тихонович²⁹. Отец пользовался особой неприязнью со стороны царицы Александры Федоровны, бывшей целиком под влиянием Распутина³⁰. Ее непримиримая вражда к отцу ярко выражена в ее переписке с Николаем II, опубликованной советской печатью³¹. Распутин скоро одержал верх, отстранив от командования армией в крайне трудное время великого князя Николая Николаевича, пользовавшегося популярностью и имевшего авторитет в армии, и из Кабинета министров один за другим были отстранены «неподходящие» люди. Беспомощного и безвольного царя³² Распутин убедил

²⁹ Слуга, постоянно пребывавший при А. Д. Самарине в гостинице. – *Peg*.

³⁰ Царица называла Григория Распутина «наш Друг». Отношения между ними определялись только тем, что он умел снять смертельно опасные приступы хронической болезни престолонаследника. Она, как мать, была благодарна Григорию Ефимовичу и держалась за него. Уже после падения монархии, давая показания следователю Чрезвычайной комиссии Временного правительства, архиепископ Феофан, которого многие считали «жертвой распутинских интриг», со всей определенностью заявил о характере отношений царицы и Распутина: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю как бывший духовник государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, наследника цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь» (Боханов А. Н. Святая Царица. – М.: Вече, 2006. С. 176).

³¹ Число статей о Распутине даже не в советскую эпоху, а в 1917 году превышало все разумные пределы. В частности, за 1917 год оцифрованы газеты «Вестник Временного правительства», «Голос фронта», «Дело народа», «День», «Новое время», «Петроградская газета», «Петроградский листок» и некоторые другие. Первые мартовские номера этих газет стали выходить только с 5-го числа. 24-го марта, по соглашению типографских работников, был выходной день для всех газет. Всего же только в этих четырех газетах за март вышло 232 статьи с упоминанием Г. Е. Распутина. В письмах императору Николаю от 15 июня 1915 года Александра Федоровна писала: «Самарин, несомненно, пойдет против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим, — он такой ярый и узкий москвич» (Боханов А. Н. Сумерки монархии. М., 1993. С. 192). Хорошо известно, чем кончились выступления против Распутина священномученика митрополита Владимира, епископов священномученика Гермогена и Феофана. Полный разрыв произошел у Александры Федоровны и со своей сестрой — преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая в письме императору от 26 марта 1910 года писала о пребывании Распутина в духовной прелести. – *Peg*.

³² О несправедливости мнения о «беспомощном и безвольном царе», ставшем во главе армии, сказано в предыдущих комментариях. Приведем еще один пример. «Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было Его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, тот строй, который в Нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России. Вот Его сейчас срывают. Вмешивается темная рука, изначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предадут на страдания и смерть. Его

стать во главе всей действующей армии, а в министерствах началась бесконечная смена самых неподходящих и непорядочных людей.

Отец мой вернулся в Москву, домой, опять вступил в свою работу в Красном Кресте, на помощь людям в тяжелые дни войны. Помню, как к нам в дом приезжал городской голова Михаил Васильевич Челноков, чтобы вручить отцу красивую, в русском стиле, грамоту (грамота эта хранится у меня³³) и икону, демонстративно приветствуя от лица родного города Москвы возвращение ее верного сына.

УЧАСТИЕ В ЦЕРКОВНОМ СОБОРЕ. ИЗБРАНИЕ МОСКОВСКОГО МИТРОПОЛИТА. БОЛЕЗНЬ.

Конец 1915-го, 16-й и начало 1917 года прошли все в той же напряженной работе, связанной с войной, ее неудачами и теми невероятными трудностями, которые нарастали в эти годы.

Революцию 1917 года отец предвидел. Самарины и в эти годы были близки к идеологии старых славянофилов: они ясно понимали и с печалью видели всю безнадежность деятельности правительства в труднейших условиях царствования последнего из царей — Николая II. Страшная история Распутина с его окружением темными силами еще ускорила ход событий. При Временном правительстве прекратилась, как мне кажется, деятельность отца в Красном Кресте.

В 1917 году отец перешел к другой работе, которая его привлекала и которой он был готов с радостью служить. Это была подготовительная работа к церковному Поместному собору Русской Православной Церкви. Собора, или съезда, многочисленных представителей Православной Русской Церкви не было в России со времени царя

усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных – недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями». (Черчилль У. Мировой кризис 1916-18. Т. 1. 1927. Лондон (англ.). Цит. по кн. С. С. Ольденбурга, стр. 643-64). – *Рег.*

³³ Архив С. Н. Чернышева.

Алексея Михайловича, или с XVII века. Синод был учрежден Петром I и приравнен к министерствам, или коллегиям Петровского времени. После Октябрьской революции Церковь была отделена от государства, и Синод, управлявший Церковью, перестал существовать. Теперь Церковь должна была избрать главу — Патриарха. Это должен был сделать Собор.

Летом 1917 года в жизни отца моего случилось неожиданное и взволновавшее его самого и всех близких событие. В это время в Москве не было митрополита; старец митрополит Макарий³⁴ был уволен на покой Синодом Временного правительства. Теперь, при новых условиях, без Синода³⁵, надлежало избирать митрополита. Решено было предсоборным совещанием назначить выборы Московского митрополита, предварительно проведя подготовительную работу по определению кандидатов. Как это делалось, я не знаю и не помню, но только вдруг оказалось, что из двух намеченных кандидатов один — архиепископ Тихон Ярославский³⁶, а второй — не архиерей и даже не священник, а мирянин Александр Самарин³⁷. Выбирала Москва и Московская епархия. Оказалось, что популярность моего отца очень велика среди православных людей. Выборы происходили в храме Христа Спасителя. Мы были на хорах, слушали и смотрели. Я не до конца могла осознать происходившее, все это было как-то неожиданно... Помню, что моя тетка и крестная мать Анна Дмитриевна Самарина чуть ли не со сле-

³⁴ Митрополит Макарий (Невский), Московский и Коломенский — известный миссионер, «апостол Алтая». Уволен на покой Синодом Временного правительства как монархист. Прославлен в лике святых Русской Православной Церкви в 2000 году. Скончался в 1926 г. — *Peg*.

³⁵ Ошибочное утверждение — Синод просуществовал до осени 1917 года. — *Peg*.

³⁶ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин, 1865–1925) — с 1907 по 1914 гг. архиепископ Ярославский и Ростовский; с 21 ноября (4 декабря) 1917 года Патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества в России. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года. — *Peg*.

³⁷ Выборы на Московскую кафедру проходили 20 и 21 июня (ст. ст.) 1917 г. в храме Христа Спасителя. 20 июня за архиепископа Тихона и А. Д. Самарина было подано равное количество голосов — 297. 21 июня при повторном голосовании за А. Д. Самарина было подано 303 голоса, за владыку Тихона — 481 голос, при 800 или 802 участвующих в голосовании. 23 июня / 6 июля 1917 г. архиепископ Тихон был утвержден Святейшим синодом митрополитом Московским и Коломенским (ОР РГБ. Ф. 26, картон 4, Д. 6. Л. 70 об. и Л. 73 об.).

зами просила некоторых достойных людей, сторонников моего отца — Михаила Александровича Новоселова и о. Иосифа Фуделя — не голосовать за него. Господь избавил отца от этого подвига. Всего на несколько голосов (а мне говорили, что на один голос) больше получил архиепископ Тихон, позднее, в том же 1917 году, избранный Патриархом всея Руси.

Отец видимым образом не выявлял своего волнения, я этого не помню. Думаю, что он всего себя предал в руки Божии.

Здесь привожу страничку из воспоминаний С. Н. Дурылина об отце Иосифе Фуделе³⁸:

«Помню его (отца Иосифа. — Е. С.-Ч.) на одном частном небольшом собрании перед выборами Московского митрополита. Собралось несколько весьма известных и влиятельных в церковно-общественном мире деятелей. Обсуждали вопрос — на ком же нужно остановиться как на желаемом кандидате на Московскую кафедру...»³⁹

«Отец Иосиф один из первых прямо и решительно выдвинул кандидатуру Самарина, столь неожиданную для многих... Самарин в его глазах, при несомненной своей (даже и для противников его) строгой, ясной и твердой церковности ввел бы в русскую иерархию ту спокойную энергию, то ясное сознание задач церковной современности, ту чуждую всякой политики ревность к церковному делу, которые так редки в русской иерархии и так необходимы в Русской церкви. В Самарине можно было не бояться проявления застарелых недостатков русского духовенства как сословия, его сословных, исторически объяснимых слабостей. Строгая церковность и благоговение перед Церковью заставили бы его (Самарина) забыть сословность и того круга, из которого он сам вышел... Это был бы, по мнению о. Иосифа, епископ, лишенный

³⁸ Фудель Иосиф Иванович (1864 (1865)–1918) – протоиерей, настоятель храма Покрова в Бутырской тюрьме, а за тем храма Святителя Николая Чудотворца в Плотниках, русский религиозный писатель, публицист и философ. Входил в близкий дружеский круг философа Константина Леонтьева. Подготовил и издал в 1912–1913 гг. девять из задуманных двенадцати томов его собрания сочинений и написал предисловие к нему. Скончался 15 октября 1918 года от «испанки». Похоронен на Новодевичьем кладбище (Фудель, Иосиф Иванович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907).

³⁹ Личный архив С. Н. Чернышева.

недостатков и слабостей той среды, из которой обычно поставлялись русские епископы. Одно это, даже если бы не было ничего другого, было бы большим счастьем для русской иерархии.

Это сознавали и некоторые из противников кандидатуры Самарина. Помню отзыв одного видного и ученого московского протоиерея: «Самарин был бы для Церкви хорош, а для духовенства тяжел». Отец Иосиф всегда думал о Церкви, а не о духовенстве...

Но отцу Иосифу так и не пришлось голосовать за Самарина. Собираясь на выборы, на собрание, где должны были записками наметить кандидатов, он забыл второпях и волнении свой удостоверительный билет дома, и его не допустили к урне. Если бы он положил свою записку, Самарин получил бы при этой предварительной баллотировке на 1 голос больше архиепископа Тихона. Кто знает, какое бы это произвело впечатление (на окончательных выборах): большинство (предварительное) было бы у Самарина, а большинство людей любят следовать какому угодно, но большинству. Без записки отца Иосифа они оба получили равное число голосов».

Осенью 1917 года отец перенес тяжелую болезнь и был близок к смерти. В июле в Петрограде сделался у него сильный приступ аппендицита и грозил перитонит. Его привезли в Москву, он долго лежал, после чего ему сделали операцию и он поправился.

В это время открылся церковный Собор Православной Церкви, членом которого был мой отец.

После Октябрьской революции отец возглавлял в Москве Совет объединенных приходов города. Церквей и приходов было тогда очень много. В это время остро стоял вопрос проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства». Помню, что по этому поводу отец и еще два представителя Собора были в Кремле, который был уже в это время закрыт и стал центром Советского правительства. Представители Церкви должны были говорить с Владимиром Ильичём Лениным, но почему-то их принял комиссар юстиции Курский.

В эту зиму 1917/18 года начались в нашем доме, как и во многих других домах, обыски — приходили но-

чью анархисты-моряки, вооруженные и страшные своей неорганизованностью, а весной уже отец стал подвергаться персональным преследованиям.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ. 1918-й, 1919 ГОД...

Летом 1918 года не один раз приходили к нам в дом на Спиридоновку из ВЧК с ордером на арест отца, но его не бывало дома, и он оставался на свободе. Во второй половине лета, вняв просьбам близких, отец согласился уехать из Москвы, скрываться, а впоследствии, может быть, и перейти границу. Отцу все это очень претило, и трудно себе представить, как это удалось его уговорить на такой шаг. Уехав из Москвы, отец некоторое время был в Оптиной пустыни, куда он попал впервые. В трудные для него дни знакомство с этим удивительным уголком, с этой сокровищницей русской духовной культуры, не могло не поддержать внутренние силы отца. Он посещал все службы, увлекся монастырским пением и изучил его. Был у старцев отца Анатолия и отца Нектария. Затем побывал в других маленьких монастырях калужских, которых тогда было так много.

Раньше отец знал только Троицкую лавру и близко от нее расположенную уединенную Зосимову пустынь, где посещал и очень чтит старца отца Алексия⁴⁰ и настоятеля, игумена отца Германа, к которому обращался как к духовнику. Нас он также иногда брал с собой в Зосимову пустынь⁴¹, которую я прекрасно помню с детских лет.

Теперь Оптина пустынь была как бы подготовкой и укреплением перед грядущими испытаниями.

25 сентября 1918 года отец был арестован в первый раз на вокзале в Брянске при проверке документов. Брянск в то время был близок к границе Украины. Личность отца была установлена. Он считал, что минуты его сочтены, и, написав записку нам с московским адресом,

⁴⁰ Алексей Зосимовский (Соловьёв) (1846–1928) – иеросхимонах, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Известен своей ролью в избрании Всероссийского Патриарха в 1917 году. Причислен к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском соборе в августе 2000 года. – *Рег.*

⁴¹ Свято-Смоленская Зосимова мужская пустынь Владимирской епархии расположена в 3-х км от ст. Арсаки Ярославской железной дороги. После разорения возобновлена в 1992 году; при ней сейчас имеются воспитательные учреждения и воинская часть. – *Рег.*

бросил ее в окно каморки при вокзале, куда его заключили. Эту записку какая-то добрая душа отправила почтой в Москву; в нескольких словах отец попрощался с нами. Все близкие взрослые бросились разыскивать следы отца — дядя Сергей Дмитриевич (брат отца), тети Анна Дмитриевна и Александра Саввишна, слуга и друг семьи Никифор Евдокимович. Это было невероятно трудно, почти невозможно в те дни. Для проезда в поезде, да еще вблизи границы, требовались пропуски, разрешения, командировки, а о другом транспорте в то время и речи не было. Тетя Аня нашла отца в Орловской тюрьме-изоляторе (особо строгая тюрьма). Видимо, в Брянске не решились без санкции Москвы расстрелять отца. В ноябре он был привезен в Москву на Лубянку, в ВЧК⁴².

Мы приезжали из Абрамцева, ходили с передачами, но главным образом этот труд несла на себе тетя Аня. Это было время голода и холода в домах, отсутствия городского транспорта. Надо было выстаивать иногда целый день в приемных ВЧК, чтобы передать что-то незначительное, а главное — через это узнать, что отец жив, если передачу приняли. Каждый день можно было ждать конца, и сколько матери, жены, сестры, дочери уходили, узнав, что уже больше некому им нести передачу.

Почему-то один раз в ноябре мне дали свидание с отцом. Это было неожиданно и необъяснимо, и так как я была еще совсем девочкой, со мной в самые недра ВЧК в Варсонофьевском переулке на Лубянке пустили тетю Александру Саввишну. Это страшное и неизгладимое впечатление осталось у меня на всю жизнь. Нас провели через ряд дворов среди высоких бывших квартирных домов. Там, в глубине двора, в огромном помещении бывшего книжного склада все стеллажи и пол были

⁴² ВЧК при СНК РСФСР (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР) была создана 7 (20) декабря 1917 года. Упразднена 6 февраля 1922 года с передачей полномочий ГПУ (Главное политическое управление) при НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) РСФСР. ВЧК РСФСР, являясь органом «диктатуры пролетариата», «руководящим органом борьбы с контрреволюцией на территории всей страны», была основным инструментом реализации красного террора — комплекса карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны против социальных групп, провозглашенных классовыми врагами, а также против лиц, обвиняемых в контрреволюционной деятельности. — *Рег.*

заполнены людьми. Как в переполненном вокзале, стоял гул голосов. И вот оттуда, из этого шумевшего роя, вызвали в дежурное помещение отца. Он был крайне взволнован и испуган, увидев нас. Он очень изменился за те полгода, что я его не видела, и я была поражена его обликом. Впервые видела я его в таком возбужденном состоянии. Он не мог не сказать нам, что каждую ночь из огромного скопища народа, находящегося с ним вместе в этом бывшем книжном складе, берут на расстрел, и назвал несколько известных нам людей. Расстреливают тут же, во дворе, по которому мы только что шли. Свидание длилось несколько минут. Никто не мешал нам. Конвоиры, молодые солдаты, болтали и смеялись рядом. Мы вышли потрясенные и пешком шли по темной Москве на Поварскую к Самариным. Помню, что всю дорогу у меня текли слезы.

Тут же, после этого свидания, отца перевели в Бутырскую тюрьму. Это считалось облегчением и некоторым успокоением. Вели большую группу арестованных пешком по мостовой, под конвоем, по темным улицам, и, пользуясь задержкой в тесных переулках, отец успел попросить проходивших мимо по тротуару людей сообщить родным на Поварскую о его переводе с Лубянки.

Не успели мы поделиться своими впечатлениями от свидания в ВЧК, как одни за другими стали приходить добрые люди с доброй вестью о переводе отца. А ведь в те времена телефоны бездействовали, так же как и транспорт, и надо было пешком дойти не близкое расстояние, чтобы исполнить просьбу заключенного. Помню, что отец со свойственным ему юмором любил вспоминать, как в этот вечер он слышал на улице вопрос маленькой девочки, обращенный к матери: «Мама, а кого это ведут?» — и интеллигентная женщина, мать, ответила: «Это преступники — те, которые убили или ограбили кого-нибудь».

Так прошла зима, холодная, голодная, темная и суровая, а весна принесла нам неожиданную радость на Пасху. По личному распоряжению Дзержинского в Великую субботу был освобожден из тюрьмы отец. За него просил доктор Сергей Сергеевич Кедров, работавший с отцом в дни войны в Красном Кресте. Кедр-

ров умирал в эти дни от тяжелой болезни и обратился к своему брату, видному большевику, соратнику Ленина (позднее Кедров погиб в сталинскую эпоху)⁴³. Сергей Сергеевич Кедров просил исполнить его предсмертную просьбу — спасти моего отца. Это и было причиной его освобождения. Этому предшествовали удивительные для стен Бутырской тюрьмы дни Страстной недели. Я привожу здесь письмо отца к нам, написанное в это время: «Бутырская тюрьма. Великий четверг 4/17 (апреля 1919 года. — С.Ч.). 10 вечера: Сегодня целый день прошел в хлопотах. Вчера вдруг решение начальства переменялось, и у нас в одиночном корпусе разрешена Пасхальная служба в 12 часов ночи. Все очень обрадовались, и всякий по своей части стал готовиться — пением, чтением, приготовлением хоругвей, устройством стола для службы, икон и т.п. От Вас всё получено, и все глубоко благодарят за хлопоты и всё доставленное; теперь всё пригодится. Сегодня в 5 часов у нас была всенощная, шла ровно 2 часа (чтение 12 Евангелий. — Е.С.-Ч.); служил Архиепископ Никандр, Н.П.Д. (Николай Павлович Добронравов. — Е.С.-Ч.)⁴⁴, Сергей Иванович Фрязинов⁴⁵ и еще два священника. Пели недурно, я читал антифоны и стихиры. Во время службы начальник тюрьмы

⁴³ Кедров Михаил Сергеевич (1878-1941) — российский революционер, деятель советских спецслужб. В 1937 г. арестован; расстрелян в октябре 1941 года. — *Peg*.

⁴⁴ Митрополит Никандр (Феноменов, 1872–1933), архиепископ Крутицкий (1922–1924), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1927–1933). В описываемое время епископ. Член Собора 1917–1918 годов. 1 ноября 1918 года был арестован в Москве и заключен в Бутырскую тюрьму без предъявления обвинения. Архиепископ Николай (в миру Николай Павлович Добронравов; 1861–1937), архиепископ Владимирский и Суздальский, в описываемое время протоиерей. 7 декабря 1937 года приговорен тройкой при УНКВД СССР по Московской области к расстрелу по обвинению в «контрреволюционной агитации, участии в нелегальной контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ» (ст. 58-10 УК РСФСР). Расстрелян и погребен 10 декабря 1937 года на Бутовском полигоне НКВД в Московской области. Священномученик, причислен к лику святых Архиерейским собором Русской Православной Церкви в августе 2000 года. Память священномученику архиепископу Николаю (Добронравову) совершается 10 декабря (27 ноября по ст. ст.), а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских. — *Peg*.

⁴⁵ Фрязинов Сергей Иванович (1879–19??) — протоиерей, благочинный Замоскворечья. 8 мая 1922 г. приговорен к расстрелу Московским Революционным трибуналом по делу об изъятии церковных ценностей («дело 54-х» — 17 священнослужителей и 37 мирян). Открытый процесс проходил с 26 апреля в Большой аудитории Политехнического музея. Приговор заменен на лишение свободы. Дальнейшая судьба неизвестна. (Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России/ Составитель И. И. Осипова// Церковно-исторический вестник. 1999. № 2-3. С. 41-42). — *Peg*.

пришел и просил непременно после нашей службы еще идти на общие коридоры; конечно, мы не отказали. Удивительная перемена! То не позволяли, мы же предлагали начать с трёх с половиной часов по разным коридорам. Во время всенощной вызвали священника С.И. Фрязинова. К самому концу он вернулся сияющий, оказалось, что его, Н.П. Добронравова и преосвященного Никандра освободили. Это произвело большое впечатление в связи с только что окончившейся службой. Все подходили, обнимали их, и они, и многие плакали — ведь первые двое 9 месяцев просидели! Меня торопили в это время идти на вторую всенощную, и к грусти для нас выбыл лучший наш певец — тенор Сергей Иванович Фрязинов, да и Николай П. Добронравов отлично служит [...] Архиепископ Никандр, получив ордер на освобождение, сказал, что он не хочет разлучаться со своей тюремной паствой в эти дни, и просил разрешить ему остаться до 12 часов дня первого дня праздника Пасхи. Это ему разрешили в виде необычайного исключения, и он теперь уже не арестованный, а гость в тюрьме! Это, говорят, очень многих поразило, и ему за это воздается должная похвала... В 12 часов ночи у нас служба, и мы все надеемся приобщиться, а с 7 утра до 11 часов все священники из общих камер, и наши, и мы, певчие, с ними, пойдем опять по общим коридорам, там будет Пасхальная утренняя и причащение желающих. Два священника будут обходить с Чашей и будет общая исповедь. Вероятно, придется каждой партии обслужить 3 места...»

Отец, так же, как преосвященный Никандр, не ушел из тюрьмы в Великую субботу, он не мог оставить свой импровизированный хор в пасхальную ночь. Общий подъем был велик. Пасхальный крестный ход шел по всем коридорам Бутырской тюрьмы, это было исключительное торжество Воскресения Христова в условиях тюрьмы. Вероятно, больше это не могло повториться.

Мы, дети, были в Абрамцеве, и к нам добраться до пасхальной ночи было невозможно, и отец не ушел от тех, с кем мог разделить радость светлого праздника.

Наша радость об его освобождении была неопишима, и это было в первый день Пасхи.

Лето прошло в работе по музею, в которой отец принимал деятельное участие.

ВТОРОЙ АРЕСТ. 1919 ГОД

В это время шли разговоры о том, что Совет объединенных приходов Москвы, а мой отец был его председателем, будет привлечен к ответственности за антиправительственную направленность и организацию людей, оказавших сопротивление при введении в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. В связи с декретом вскрывались мощи, закрывались монастыри, изымалось некоторое церковное имущество. Возмущения народные и стычки действительно были. Особенно сильно дело разгорелось в Звенигороде, около монастыря преподобного Саввы Сторожевского⁴⁶. Совет объединенных приходов Москвы не имел никакого отношения к Звенигороду и не мог инспирировать этого инцидента. Отец мой всегда считал своим долгом исполнять требования закона и учить других «неподчинению» власти он не мог. Идеология отца до конца оставалась неизменной. При этом интересно отметить, что в нем не было узости или косности взглядов, и интерес его к мировым проблемам и событиям не покидал его до самой смерти. Он живо все воспринимал, и помню, что в годы начала коллективизации он развивал мысль о том, что по идее общинное сельское хозяйство есть лучшая форма владения землей. Может быть, это были отголоски славянофильской идеи общинного землепользования в России.

15 и 16 августа — дни праздника в Абрамцеве. 15-го отец был вызван повесткой в Москву в Прокуратуру, и до-

⁴⁶ Саввино-Сторожевский монастырь — православный монастырь Московской епархии. Основан в конце XIV века преподобным Саввой, учеником пр. Сергия Радонежского. Монастырь расположен на горе Сторожи, у места впадения речки Сторожи в Москву-реку, в двух километрах западнее города Звенигорода Московской области. В 1917 году настоятелем монастыря был назначен будущий священномученик Димитрий (Добросердов). В мае 1918 года сюда прибыл с мандатом продкомиссара некто Константин Макаров. Его отряд реквизирует у Саввино-Сторожевского монастыря хлеб, а заодно попытался вскрыть раку с мощами преподобного Саввы Сторожевского, что стало причиной Звенигородского мятежа. Участники мятежа убили Макарова и ещё двух коммунистов, но подошедший вскоре вооружённый отряд из Дедовска подавил восстание. В середине 1919 года монастырь был закрыт. — *Рег.*

мой он не вернулся. Арестовано было много людей церковного круга, большинство из них были совсем незнакомы моему отцу и не имели к нему никакого отношения. Только некоторые москвичи — священники отец Сергей Успенский (старший)⁴⁷, отец Николай, Г. А. Рачинский⁴⁸, Н. Д. Кузнецов (юрист)⁴⁹ были действительно членами Совета объединенных приходов. Центральными фигурами следственного дела стали мой отец — председатель совета — и его заместитель присяжный поверенный Н. Д. Кузнецов. Дело велось как будто по нормам юридической законности. Прокурором, или государственным обвинителем, был Крыленко⁵⁰. Были приглашены защитники. Председателем суда был Смирнов, как говорили, бывший пекарь. Слушалось дело при открытых дверях в Октябрьском (малом) зале бывшего Дворянского собрания, где еще недавно мой отец был хозяином. Арестованных приводили пешком под конвоем из Таганской тюрьмы. Мне кажется, не меньше неде-

⁴⁷ Успенский Сергей Михайлович (1878–1937) – протоиерей, священномученик.

⁴⁸ Рачинский Григорий Алексеевич (1859–1939) — философ, переводчик и религиозный публицист; постоянный председатель московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. Был арестован в 1919 году как один из организаторов Союза объединенных приходов г. Москвы, член исполнительного комитета, но от судебного преследования освобожден по заключению психиатра. – *Peg*.

⁴⁹ Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–193?) — адвокат, правовед, специалист в области канонического права, церковный правозащитник. Повторно был арестован в 1924 году и затем в 1931 году. Скончался в ссылке в Средней Азии в 1930-х годах.

⁵⁰ Крыленко Николай Васильевич (партийная кличка — Абрам; 1885–1938) — советский государственный и партийный деятель, Верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции 1917 года. Кандидат в члены ЦИК СССР 1–4 созывов, член ЦКК ВКП(б) в 1927–34 гг. С марта 1918 — член коллегии наркомата юстиции РСФСР. С мая — председатель Революционного (Верховного) трибунала, одновременно в октябре 1920 — декабре 1922 годов — заведующий управлением охоты и член коллегии наркомата земледелия РСФСР. С декабря 1922 по 1929 — заместитель наркомата юстиции РСФСР и старший помощник прокурора РСФСР. В своей работе «Беседы о праве и государстве» (М., 1924) отождествлял принуждение, осуществляемое государством, с эксплуатацией и на основании этого делал вывод о том, что советское право, как и буржуазное, является эксплуататорским — отсюда одна из задач социалистического строительства — свертывание правовой формы Советского государства. Крыленко является автором более 100 трудов по советскому праву, во многих из которых обосновывал отсутствие законности в революционных судах. Выступал обвинителем на главных политических фальсифицированных процессах, среди которых знаменитые «Шахтинское дело» (1928), процесс «Промпартии» (1930), «Процесс Союзного Бюро Меншевиков» (1931), «дело Главтопа», «польских ксендзов» и т.д. При нем были заложены юридические основы проведения массовых репрессий, получила широкое распространение практика наказания по политическим причинам, массовых арестов и внесудебных преследований. В 1929–1931 — прокурор РСФСР. С 5 мая 1931 по 1936 — народный комиссар юстиции РСФСР. С 20 июля 1936 по 15 января 1938 — народный комиссар юстиции СССР. Расстрелян 29.07.1938 г. – *Peg*.

ли тянулся процесс. Мы ходили туда ежедневно. Долго шли допросы всех обвиняемых и свидетелей, среди последних помню циничное выступление Демьяна Бедного, который никаким «свидетелем», несомненно, быть не мог.

У меня есть запись этого процесса, сделанная близким другом семьи Самариных, ныне умершей Анастасией Константиновной Акинтьевской. Приведу выдержки из нее: «Кроме Александра Дмитриевича, по тому же делу были привлечены еще какие-то духовные и светские лица, очевидно, для создания «организации». Процедура допроса свидетелей и обвиняемых в моей памяти не сохранилась. Помню только, что защитниками ставились вопросы, имеющие целью разбить связь дела Александра Дмитриевича с другими «событиями»... Крыленко, нарушая основные правила слушания дела, своими издевательскими замечаниями с места и вопросами без разрешения председателя суда старался сбить защитников и сорвать то благоприятное впечатление, которое складывалось в пользу Александра Дмитриевича от допроса свидетелей и других обвиняемых⁵¹.

⁵¹ В Москве в мае 1917 г. учрежден Совет соединенных общин православных приходов России для объединения деятельности местных приходских общин. После Октябрьской революции 1917 г. шел поиск форм организации приходской жизни в новых условиях. 30 января 1918 г. на собрании представителей приходских советов под председательством еп. Иоасафа (Каллистова) было объявлено о создании Совета объединенных приходов г. Москвы, его председателем избран А. Д. Самарин, товарищами председателя – протоиереи С. В. Успенский и Н. В. Цветков, секретарями – священ. А. А. Полозов и Г. В. Саложников. Вместе с Г. А. Рачинским, М. Л. Богоявленским, М. А. Новосёловым, Н. Д. Кузнецовым они составили исполнительное бюро Совета. Совет координировал в Московской епархии действия по охране церквей от насильственного захвата, ходатайствовал о защите приходов и монастырей, информировал о событиях церковной жизни, проводил общедоступные лекции по церковно-общественным вопросам, на Троицком подворье организовал из прихожан невооруженную охрану свт. Патриарха Тихона. 18 апреля 1918 г. Поместный собор заслушал доклад Отдела о благоустройении прихода «Об образовании Всероссийского союза приходов» для защиты Церкви от притеснений и принял предложение председательствовавшего на заседании митр. Арсения (Стадницкого) поручить Синоду и ВЦС составить проект устава союза. Летом 1918 г. А. Д. Самарина обвинили в «разрабатывании плана организации православного духовенства в целях борьбы с советской властью на религиозной платформе», с 25 сентября 1918 по 19 апреля 1919 г. и с 15 августа 1919 г. он находился под арестом. В январе 1920 г. Московский губернский ревтрибунал выдвинул против деятелей Совета объединенных приходов г. Москвы («дело Самарина-Кузнецова») обвинение в контрреволюции, в проведении политики Собора и Патриарха, направленной на создание по всей стране «советов объединенных приходов, которые организовали крестные ходы, звонили в набат, собирали народ для противодействия советской власти». Обвиняемые получили различные тюремные сроки (Арх.: ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 470; Ф. 5062. Оп. 3. Д. 6-7; ЦГИАМ. Ф. 421. Оп.1. Д. 7783. Лит.: Голубцов С. А., протодиак. Моск. духовенство в преддверии и начале гонений, 1917-1922.

Наконец выступил с обвинительной речью Крыленко. Смысл его речи был цинически откровенен. Он сказал, что, конечно, не внешние обстоятельства дела инкриминируются Александру Дмитриевичу, все это не имеет существенного значения. Суть в том, что в то время, как мы — Советская власть и пролетариат — боремся за уничтожение здесь на земле всяческих предрассудков, сковывающих свободу человека, в том числе и веру в «так называемого бога», он, Самарин, смеет противостоять революционному движению народных масс и своей деятельностью и личным примером противодействует ему. И напрасно защитники пытались здесь обрисовать безукоризненно «рыцарский» облик Самарина, тем хуже для него, он не «*quantite negligeable*»⁵², как прочие обвиняемые по этому делу. Тем-то он и социально опаснее их. А потому приговор может быть только один — высшая мера наказания.

Выступления защитников я не помню, возможно, они были бледны, а возможно, внимание сдало в этот момент. Но вот подсудимым дано было «последнее слово». Александр Дмитриевич говорил после всех. Он сказал очень кратко. Звук его голоса — твердый, мужественный, отчетливый — сохранился в моей памяти. Вот содержание его речи: «Государственный обвинитель совершенно верно и справедливо сказал, что вменяемые мне в вину нарушения закона, по существу, только повод для привлечения меня к суду как тяжчайшего преступника. Из всего сказанного им следует, что процесс, который здесь разбирался, является не моим личным процессом, не процессом Александра Самарина, а процессом «за Бога» и «против Бога». И я, пользуясь предоставленным мне словом, открыто заявляю: «Я — за Бога», и какой бы приговор, вы, граждане народные судьи, мне ни вынесли, я приму этот приговор как приговор свыше, как ниспосланную мне возможность делом подтвердить то, что составляет смысл и содержание всей моей жизни. И об одном лишь буду молиться, чтобы Господь послал силы всем близким мне по духу людям бодро и твердо встретить то, что мне по Божьей воле предстоит. И в их твердости и бодрости я почерпну столь не-

М., 1999; Собор, 1918. Деяния. 2-я сессия; Правосл. Москва в 1917-1921 гг.: Сб. док. и мат-лов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М., 2004).

⁵² Незначительная величина (франц.). — *Reg.*

обходимое мне мужество и спокойствие в последние часы моего испытания».

Эти слова произвели огромное впечатление на слушавших (зал был переполнен), многие плакали. Было очень поздно. Суд удалился для вынесения приговора. Прошло часа 2–3, но никто не уходил. Все напряженно ждали. Говорили, что стараются затянуть оглашение приговора, чтобы в зале оставалось как можно меньше народа. Но это не удалось. Наконец, часу в третьем утра суд появился.

Здесь я хорошо помню Вас, Лиза, как Вы уткнулись лицом в колени Александры Саввишны и закрыли пальцами уши. После долгого перечисления всех пунктов обвинения последовал приговор: Самарина Александра Дмитриевича — к высшей мере наказания, расстрелу... (в зале раздался как бы общий вздох всех присутствующих); была сделана длительная пауза; потом: «...но ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами, суд находит возможным заменить эту меру заключением его в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом».

* * *

После окончания всей длинной процедуры чтения приговора нам разрешили подойти к арестованным. Мы кинулись к отцу, и многие с нами стремились подойти, приветствовать, выразить радость, глубокое уважение. Почему-то особенно помню сияющие глаза студента Сергея Алексеевича Мечева⁵³.

⁵³ Протоиерей Сергей Мечёв (1892–1942) — причислен к лику священномучеников в 2000 году. Сын святого праведного Алексия Мечёва. В 1927 году отказался поддержать Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), призывавшую к полной лояльности советской власти; примкнул к течению так называемых «непоминающих». 29 октября 1929 года арестован вместе с двумя другими священниками и несколькими прихожанами храма на Маросейке. Обвинён в создании антисоветской группы, выслан в Северный край. Ссылку отбывал в Архангельске и Кадникове. В ссылке вёл переписку и встречался с приезжавшими к нему духовными детьми. 13 декабря 1931 года указом Синода весь причт и приход церкви святителя Николая в Клённыхках был «отлучен от Православной Церкви и запрещен в священнослужении» за отказ исполнять указ Патриархии № 549 от 8/21 октября 1927 года о поименовании властей за богослужением. 7 июля 1941 года был арестован и заключён в Ярославскую тюрьму. Обвинён в том, что «ведёт работу по созданию подпольных, т. н. «катакомбных церквей», насаждает тайное монашество по типу иезуитских орденов и на этой основе организует антисоветские элементы для активной борьбы с Советской властью». Приговорён к расстрелу военным трибуналом войск НКВД Ярославской области 22 ноября 1941 года. Расстрелян 6 января 1942 года. — *Рег.*

Этот памятный день был 2 января, день памяти преподобного Серафима, которого так особенно чтит мой отец⁵⁴.

И еще утром, когда мы все в страхе ожидания шли в Дом Союзов, помню моего брата, юного и горячего, бегущего с газетой в руках и с радостной вестью о том, что в связи с разгромом интервенции правительство решило отменить смертную казнь. Все же до окончания суда уверенности быть не могло, хоть и появилась надежда.

Имея особую веру и любовь к преподобному Серафиму, отец всегда обращался к нему с молитвой и не раз получал от преподобного утешение и помощь.

Отец мой не был из числа тех людей, которые любят говорить о снах и придавать им значение. Но вот сон, о котором он сам говорил с радостью и большой теплотой, как бы о виденном и воспринятом реально. Видел он моего младшего, умершего в 5-летнем возрасте братца Сережу, мальчика, которого особенно все любили за его удивительно отзывчивое сердце и какую-то тонкость душевную... Сережа в этом сне бегал по зеленой лужайке, на солнце, по траве и цветам и догонял удивительно красивых бабочек, а преподобный Серафим ласково улыбался, глядя на мальчика, как бы охраняя его, и называл: «Сереженька, Сереженька!» Тут же, около, в этом светлом сне была и моя мать в белом платье и радостная. Этот сон был как бы ответом на предшествовавшие размышления отца о словах молитвы «Со святыми упокой».

Второе общение и помощь от преподобного Серафима моему отцу были также в заключении, в одиночной камере внутренней тюрьмы, в 1925 году. В это время он был крайне измучен одиночным заключением и допросами, и сердце стало приходить в упадок, давая тяжелые сердцебиения. В таком состоянии он лежал на койке. Это был день святой великомученицы Варвары, день ангела его покойной матери. Отец увидел, как согбенный старичок шел от запертой двери, подошел к нему, и он ощутил присутствие преподобного Серафима, кото-

⁵⁴ 2/15 января – память преставления преподобного Серафима Саровского. 19 июля/1 августа по новому стилю Православная Церковь празднует обретение мощей преподобного Серафима Саровского, которое произошло в 1903 году. – *Рег.*

рый положил ему на сердце кончик своей мантии, и сердцебиение прекратилось, наступил покой.

У моего отца была иконка преподобного Серафима, сопутствовавшая ему во всех арестах и изгнании; и если ее отбирали, то потом опять возвращали ему. Изображение было написано на частице доски гроба, в котором преподобный Серафим лежал до открытия его мощей. Это была небольшая, но очень толстая простая дощечка. Икона принадлежала двоюродной сестре моего отца Марии Николаевне Ермоловой. Доска была распиlena по ее желанию на две равные части, и на второй было также написано изображение преподобного Серафима, которое Мария Николаевна оставила себе, а первоначальную иконку отдала моему отцу, зная его особую любовь к преподобному Серафиму. В день своей смерти отец благословил этой иконой меня.

Многие молитвы из службы преподобному Серафиму отец положил на ноты и любил этим пением почитать преподобного Серафима в день его памяти.

В 1925 г., незадолго до последнего ареста, мой отец совершил впервые путешествие в Саров к мощам преподобного Серафима на праздник 19 июля. Меня он взял с собой, и это одно из самых светлых и прекрасных воспоминаний моей юности. Лето, солнце, жара, бескрайние тамбовские поля, и мы идем пешком от Арзамаса до Сарова 60 верст, оставив все попечения и заботы. Дивеево с его прозрачной чистотой, внутренней и внешней, пленило меня, там мы провели два дня, а дальняя дорога через Саровский лес, величавый, прохладный, а за ним небольшая речка Сатис, и за ней неожиданно встает перед путниками белый монастырь. Вечером долгая торжественная всеобщая, а наутро праздничный звон, несметные толпы народа, множество приехавших издалека, и местные женщины в своей красивой мордовской одежде и ярких разноцветных платках; незабываемое «саровское монашеское пение» в соборе и после обедни всех объединивший крестный ход с мощами преподобного, которые обносят вокруг собора. Под ноги духовенства, как белые птицы, летят холсты, бросаемые крестьянами. И все это под покровом преподобного Серафима, ради него. И отец мой, такой легкий, полный радости, что он попал к преподобному Серафиму.

После пережитых дней суда началось для отца долгое и однообразное время сидения в Таганской тюрьме.

Хочется еще добавить, что очень многие, кто не был в зале суда, глубоко восприняли весь процесс, стойкость отца и особенно его последнее слово как нечто очень значительное для всех православных людей. Знаю, что «горячо» переживал эти дни отец Алексей Мечев⁵⁵. В последний день суда к нему пришел Сергей Павлович Мансуров, они вместе молились за моего отца, и отец Алексей открыл Псалтырь — перед ним были слова 117 псалма: «...не умру, но жив буду и повею дела Господня» (Пс. 117:17), и отец Алексей утешил Сергея Павловича и окрылил надеждой на благополучный исход.

* * *

В Таганской тюрьме отец пробыл два с половиной года. Срок его тюремного заключения «до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом» был заменен сначала 25 годами, затем 5 годами и наконец сокращен до половины срока, т.е. двух с половиной лет.

В начале его сидения в Таганке тюрьму как-то посетили члены Коминтерна, их привели в одиночный коридор, где в камерах было по два человека.

С моим отцом помещался Владимир Федорович Джунковский⁵⁶, с которым они всегда раньше были в хороших отношениях, а сидение в тюрьме очень их сбли-

⁵⁵ Протоиерей Алексей Мечёв (1859–1923) – святой, праведный. Память 9/22 июня, 16/29 сентября, а также в Соборах новомучеников и исповедников Церкви Русской и Московских святых. На Юбилейном Архиерейском соборе 2000 года протоиерей Алексей Мечёв был причислен к лику святых для общецерковного почитания. В настоящее время мощи святого праведного Алексея Мечёва находятся в Московском храме святителя Николая в Кленниках в Москве на ул. Маросейка, где он был настоятелем (Пастырь Добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва/ Составил Сергей Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. – М.: Паломник, 2007. 784 с. (Б-ка «Русское православие XX века»).

⁵⁶ Джунковский Владимир Фёдорович (1865–1938) — российский политический, государственный и военный деятель. Адьютант великого князя Сергея Александровича (1891–1905), московский вице-губернатор (1905–1908), московский губернатор (1908–1913), товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов (1913–1915), командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант (апрель 1917). 21 февраля 1938 года специальной тройкой НКВД он был приговорен к смертной казни. Расстрелян в тот же день на Бутовском полигоне (Колпакиди А., Север А. Спецслужбы Российской империи. — М.: Яуза Эксмо, 2010. — С. 306–307). – *Рег.*

зило. Заключение сами приводили в порядок свои камеры, белили стены и затем устраивались по возможности «уютно», даже повесили фотографии. Члены Коминтерна, иностранные женщины, стали задавать вопросы заключенным, говорили по-французски. Моего отца спросили, какой у него приговор и срок, и тут произошел забавный диалог: на ответ отца о приговоре и сроке посетительница, член Коминтерна, с недоумением спросила заключенного: «Et quand est ce que cela sera, Monsieur?»⁵⁷

* * *

В тюрьме все должны были работать, и отцу предложили быть воспитателем несовершеннолетних преступников — «беспризорных», которыми переполнен был верхний этаж тюрьмы. Он просил избавить его от этой обязанности, заявив, что воспитывать детей без веры в Бога он считает невозможным. Причина была признана достойной внимания, и вместо беспризорных отцу и Владимиру Федоровичу Джунковскому поручено было ухаживать за кроликами. Они хорошо исполняли свою работу, и кролиководство на участке вблизи Москвы-реки процветало. В том же коридоре по соседству с отцом помещались архиереи: митрополит Кирилл⁵⁸, преосвященные Феодор⁵⁹ и Гурий (с которыми позднее

⁵⁷ А когда это будет, месье? (франц.) – *Рег.*

⁵⁸ Митрополит Кирилл (Смирнов). Расстрелян 7 ноября 1937 года. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года (С. Ч.). – *Рег.*

⁵⁹ Феодор (в миру Александр Васильевич Поздеевский), в схиме Даниил (1876–1937) – архиепископ Волоколамский, викарий Московской епархии, священномученик. Память 10 октября (РПЦЗ), 21 марта (Греч.). В октябре 1923 года Патриархом Тихоном назначен управляющим Петроградской епархией. Назначение не принял и, оставаясь архиепископом, возглавлял оппозицию против Патриарха Тихона и митрополита Сергия, именуемых «Даниловскими» и «Феодоровскими» группировками, не порывая, однако, с ними (патриархом и митрополитом) молитвенно-канонического общения. 16 апреля 1924 году арестован в Даниловом монастыре по обвинению в «антисоветской агитации». 18 октября того же года освобожден под подписку о невыезде. 10 декабря 1924 года арестован в комендатуре при явке по повестке. 19 июня 1925 года Особым совещанием при Коллегии ОГПУ СССР приговорен к трем годам ссылки. В 1925–1927 гг. в ссылке в г. Аулие-Ата (ныне Казахстан, г. Джамбул). Расстрелян 23 октября 1937 г. в Ивановской внутренней тюрьме УНКВД (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2-х частях/ Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С.901).

отец попал в ссылку в Якутск)⁶⁰, отец Георгий⁶¹, бывший потом известным духовником в Даниловском монастыре, к этому времени уже долго сидевший в Таганке под смертным приговором, и многие священники.

В своей камере архиереи совершали все церковные службы, и отец принимал в этом посильное участие пением и чтением. Заключенные могли общаться, ходить друг ко другу. Были там и многие знакомые отца. Каждое воскресенье давались свидания. Мы приезжали из Абрамцева. Ходили, кроме нас, и многие близкие. Свидания бывали в благоприятных условиях — в конторе, где можно было сидеть подолгу вместе, но бывали времена, когда начинались строгости и свидания давались в тюремных условиях, через загородки в коридоре и даже через решетки.

В Таганке, зимой, отец серьезно болел воспалением легких. Друзья окружили его заботой и постарались не отпустить его в тюремную больницу, где в те времена голода и холода были тяжелые условия. Помню, что как-то к нам на свидание вместо отца вышел митрополит Кирилл, чтобы рассказать нам об отце и успокоить нас.

В марте 1922 года отец был освобожден без всяких ограничений, и опять перед Пасхой, к нашей огромной радости, он приехал в Абрамцево.

⁶⁰ Гурий (в миру Алексей Иванович Степанов, 1880–1937) – архиепископ бывш. Суздальский, духовный писатель, лингвист-монголовед. В феврале 1924 г. был назначен на Иркутскую кафедру, возведен в сан архиепископа. Выехать в епархию не успел, т. к. 16 апреля вновь был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму как «соучастник гр. Поздеевского, устраивавшего собрания духовенства в Даниловом монастыре, носившие к[онтр]р[еволюционный] характер», также обвинялся в «антисоветской агитации путем проповедей». 17 ноября 1924 г. решением Судебной Коллегии ОГПУ освобожден под подписку о невыезде. 19 ноября 1925 г. вновь арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Проходил по делу «контрреволюционной монархической церковной организации "Даниловский Синод"». 21 мая 1926 г. осужден особым совещанием при Коллегии ОГПУ вместе с большой группой архиереев, приговорен к трем годам ссылки в г. Якутск. Отправлен по этапу вместе с А. Д. Самариным. 8 июля 1930 г. был назначен на Костромскую кафедру, от управления епархией отказался. 13 августа назначен архиепископом Суздальским, викарием и временным управляющим Владимирской епархией, ездил для регистрации в г. Иваново – областной центр Ивановской промышленной области, в состав которой входил г. Владимир, но разрешение на служение не получил и вернулся в Москву. 23 октября 1937 года постановлением тройки УНКВД по Горьковской области архиеп. Гурий (Степанов), Кочеткова Елизавета Ивановна, Архангельская Александра Николаевна были приговорены к расстрелу. Расстрелян 1 ноября 1937 года в г. Горьком (Архивы: ГАРФ. П-50648; Ф. 8419. Оп. 1. Д. 254; Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 78; ЦА ФСБ. Д. Р-25200, Р-35609, Н-3677, Н-7678; НАРС(Я). Ф. 386. Оп. 1, 2).

⁶¹ Преподобноисповедник архимандрит Георгий (Лавров) на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 2000 году прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских. – *Рег.*

ЖИЗНЬ В АБРАМЦЕВЕ. ОТДЫХ

Три с половиною года прошли для нашей семьи без бурь. Отец много сил и энергии вложил в работу музея: на нем лежали все заботы по ремонту музея; он водил экскурсии, и, конечно, это ему удавалось прекрасно. Дома он стремился во всем помогать и делал все так, как будто это было для него самым обычным, знакомым делом: после чая он всегда мыл посуду (так и вижу его в очках, с полотенцем, перекинутым через плечо), работал в огороде, колот дрова и чистил стойло коровы. Летом отец носил теперь парусиновые блузы, а в холод — суконный желтый пиджак, очень несовершенно сшитый мною, и на голове черную профессорскую шапочку.

Много людей жило тогда, в летние месяцы, в Абрамцеве. Состав летних жителей менялся: жили Кончаловские (Петр Петрович с семьей), артист Вишневский с семьей, С. П. Григоров с семьей (он был тогда заместителем Троцкой, возглавлявшей охрану памятников старины), Сабашниковы (очень известные в Москве своими прекрасными изданиями), композитор С. Н. Василенко⁶², профессор Шамбинаго⁶³ и многие другие. Отец со всеми легко общался, и даже помню веселый вечер в Поленовском домике, где жили Василенко и Шамбинаго. Ставились шарады, все принимали участие и даже мой отец, к общему удовольствию, выполнял какую-то роль.

Музей устраивал выставки, особенно запомнилась мне посвященная памяти Е. Д. Поленовой⁶⁴ к 25-летию со дня ее смерти. Для собирания материалов к выставке отец ездил в разные музеи, был в Бехове у Поленовых, о чем впоследствии очень хорошо вспоминала Ольга Васильевна⁶⁵, говоря, что только в это время она поняла, как просто

⁶² Василенко Сергей Никифорович (1872–1956) — русский и советский композитор, дирижёр и педагог; народный артист РСФСР и Узбекской ССР; Лауреат Сталинской премии первой степени. — *Рег.*

⁶³ Шамбинаго Сергей Константинович (1871–1948) — русский писатель, литературовед, фольклорист; доктор филологических наук, профессор Московского университета. Основные труды в области древнерусской литературы, русского фольклора, истории театра. — *Рег.*

⁶⁴ Художница, сестра В. Д. Поленова. — *Рег.*

⁶⁵ О. В. Поленова — дочь художника В. Д. Поленова, научная сотрудница музея В. Д. Поленова. — *Рег.*

и интересно было общаться с моим отцом ей, тогда совсем молодой.

В Абрамцевской церкви в праздники бывала служба, и наш хор процветал, мы даже пели венчание Леонида Леонова⁶⁶, который женился на дочери издателя Сабашникова. Помню, что на свадьбе были И. С. Остроухов⁶⁷ и Г. А. Рачинский.

Хочется еще сказать здесь, что в эти годы житья в Абрамцеве и будучи на свободе, а также и в заключении в Бутырской тюрьме, отец умел и любил общаться с подростками и молодежью. Мне говорили об этом теперь люди моего поколения, их удивляло, что такой старый, по их мнению, и уважаемый в их семье человек оказывался таким простым и интересным собеседником. Алеша К.,⁶⁸ из семьи, которую отец мой очень любил, жил по летам в Абрамцеве, и, по его словам, именно отец мой уделял ему больше всего внимания, и он, мальчик 9–10 лет, проще всего чувствовал себя с ним. Отец много с ним разговаривал, но и дисциплинировал его. То же говорил Кирилл Николаевич Голицын⁶⁹, бывший в то время юношей и попавший в Бутырской тюрьме в общие условия с моим отцом. Он был удивлен, как просто и интересно было раз-

⁶⁶ Леонов Леонид Максимович (1899–1994) — русский советский писатель, который играл заметную роль в литературном процессе на протяжении более чем 60 лет. В советское время его считали мастером социалистического реализма; в новейшее время обращают внимание на острый интерес к проблематике христианской нравственности, на продолжение традиций Ф. М. Достоевского. Герой Социалистического Труда (1967). В 1923 году Леонов женился на Татьяне, дочери издателя Михаила Сабашникова. (Прилепин З. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». — М.: Молодая гвардия, 2010. — Т. 1427 (1227)).

⁶⁷ Остроухов Илья Семёнович (1858–1929) — русский художник-пейзажист, коллекционер, член Абрамцевского художественного кружка, Товарищества передвижных художественных выставок, Союза русских художников, академик Петербургской Академии художеств, один из руководителей Третьяковской галереи.

⁶⁸ Комаровский Алексей Владимирович, граф, сын сотрудника А. Д. Самарина по службе в период обер-прокурорства, участник Великой Отечественной войны. В 1981 г. участвовал в захоронении памятной плиты в могилу А. Д. Самарина, поскольку установить её над землёй и устроить могилу было запрещено. — *Peg*.

⁶⁹ Голицын Кирилл Николаевич (1903–1990), князь. В 1925 году был арестован, осужден на пять лет, содержался в Бутырской тюрьме. В 1929 году выпущен, получил «минус б», жил в Ясной Поляне, женился, вернулся в Москву, в августе 1941 года был арестован вторично, содержался в разных секретных «шарашках». В декабре 1955 — вернулся в Москву, работал художником в издательстве, с осени 1963 — в Комбинате декоративно-оформительского искусства Художественного фонда РСФСР, оформление Музея землеведения при Московском государственном университете (ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 39. С. 134-137; Д. 92. С. 86, 101, 115; Д. 139. С. 147-148. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М.: Вагриус, 2006. С. 13-14, 125, 150, 207).

говаривать с моим отцом, и как он умел своей манерой говорить, своим примером поднять дух.

ТРЕТИЙ АРЕСТ. 1925 ГОД, ЯКУТИЯ

Милое, милое Абрамцево! Мог ли другой дом быть более уютным, родным, теплым, чем этот старый дом!

Сколько прекрасных, высоких по духу и талантливых людей видел этот дом в своих стенах — Аксаков, Гоголь, Хомяков, Ю. Самарин, Тургенев, Щепкин, а позднее Савва Иванович и Елизавета Григорьевна Мамонтовы, а с ними братья Васнецовы, Поленовы брат и сестра, Репин, Суриков и молодые Серов, Врубель, Нестеров, Коровин, посещали его и были гостями! Полная интересов в искусстве и добрых стремлений жизнь в Абрамцево была ключом, увлекающая всех, давая новые жизненные силы и энергию, раскрывая таланты. Все это было и ушло, оставив прекрасный след...

И вот что вспоминаю я сегодня. Прошло с тех пор ровно 42 года⁷⁰. Была глухая, темная, бесснежная осень 1925 года. Земля замерзла, но не покрылась снегом. Ночи стояли темные и мрачные. В такую ночь раздался резкий стук в двери дома. Обыск... Чужие, чуждые люди пришли за моим отцом. Зажгли убогие керосиновые лампы, началось хождение по темному холодному дому. Мы жили тогда в разных концах дома, отапливались отдельные комнаты — оазисы. Музей занимал большую часть низа и на зиму был закрыт. Обыск... Что может быть отвратительней враждебных, чужих глаз и рук, имевших право пересматривать все самое дорогое и заветное. Кто не испытал этого, тот не поймет всей униженности, которую чувствует человек при виде этих рук и глаз, проникающих в его жизнь... Ночь на исходе. Люди кончили свое «дело». Отец готов идти. Почему-то в памяти не сохранились минуты прощания в эту ночь. Может быть, потому, что мне разрешено проводить отца до станции Хотьково. Мы идем по такой знакомой, замерзшей дороге в Хотьково. Сколько раз ходили мы вместе, вдвоем, в столь любимый нами Хотьков-монастырь! Папа всегда впереди, высокий, легкой и быстрой походкой, и я за ним, почти вприпрыжку, и тоже легко и радостно. Хотьков мне второй родной

⁷⁰ Написано 30.11.1967 года. — *Рег.*

дом. Как любили мы монашеское стройное пение, чинность службы, необычайную чистоту-сияние в храме. В эту ночь мы шли молча, окруженные конвоем, чужими людьми. Вот и станция. Сидим в столь знакомом с детства станционном «зале». Молчание. Подходит поезд из Сергиева Посада. Я отхожу в сторону. Что в это время в душе. Расставание с отцом, уже не первое... Знаю, что с этим поездом может приехать из Посада брат Юша, а его тоже хотели взять. Не отрывая глаз, смотрю на вагон, в котором скрылся отец. Стою, прячась, прижавшись к дереву у края платформы, и вижу быстродвигающуюся фигуру Юши. Он вышел из соседнего вагона и, к счастью, не видел отца. С его порывистостью он кинулся бы к нему. Поезд отходит, и я бегу за Юшей по направлению к дому, чтобы сказать ему тяжелую весть.

В этот день, вернее в эту темную, мрачную, ноябрьскую ночь, отец ушел из дома навсегда, а для нас ушел из жизни родной, милый абрамцевский дом. Все, что было после этой ночи, было как бы тяжелым эпилогом нашего милого Абрамцева.

Зима прошла в хождениях с передачами во внутреннюю тюрьму ГПУ⁷¹ на Лубянку и в Красный Крест, где была слабая надежда узнать что-то новое; тут был добрый гений — Екатерина Павловна Пешкова (первая жена Максима Горького), она и все ее окружение стремились помочь приходящим к ним в горе, если не делом, что было часто невозможно, то словом утешения, надежды и добрым отношением.

Пришла весна, и с ее приходом дело сдвинулось с мертвой точки. В Красном Кресте помощник Пешковой — юрист Винавер, сам погибший в 1937 г., читал всем родственникам приговор, вынесенный арестованным по этому большому церковному делу, во главе которого были митрополит Петр Крутицкий (Полянский)⁷² и ми-

⁷¹ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР — политическая спецслужба в РСФСР, см. также примечание 82. — *Рег.*

⁷² Митрополит Петр (в миру Пётр Фёдорович Полянский; 1862–1937) — митрополит Крутицкий; Патриарший местоблюститель с 1925 года. Расстрелян 10 октября 1937 г. Прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских Архиерейским собором 1997 года. Священномученик (Дамаскин (Орловский)), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия, Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2. Тверь, 1996. С. 341-369).

трополит Кирилл (Смирнов)⁷³, — Соловки, Туруханск, пещи Средней Азии, а для двоих — холодная, далекая, тогда малодостигаемая Якутия: туда были назначены архиепископ Гурий⁷⁴, в то время Иркутский, и мой отец. Срок был дан 3 года. Наступает, наконец, перевод в Бутырскую тюрьму, а с ним и долгожданное свидание. Помню воскресное утро, переполненные ожидающими коридоры тюремной приемной. Множество знакомых лиц среди ожидающих, и, наконец, свидание с отцом, который пробыл 7 месяцев в недрах Лубянки. Свидание по всем правилам тюрьмы. Две деревянные перегородки тянутся вдоль длинного коридора параллельно, в них окна — одно против другого. С одной стороны у каждого окна заключенный, с другой — пришедший к нему близкий, а в узком пространстве между перегородками — бдительный страж ходит взад и вперед. Срок свидания очень короткий. Все волнуется, хотя многое услышать и сказать. Стоит невообразимый шум и крик.

Как изменился отец! Бледный, отекающий, землистого цвета лицо, обросшее широкой бородой. Глаза, полные напряженности. Он ничего о нас не знает. Ему говорили на следствии, что сын, брат, сестры — все арестованы. Сейчас снимается гнет, давивший сердце в тревоге за близких. После допросов, видимо, наступало предельное изнеможение. Только твердая вера и обращение к помощи Божией помогали в это время.

Приговор отцу известен. Я твердо заявляю о своем намерении ехать с ним и слышу от него решительный протест. Только через несколько дней, при свидании с дядей Сергеем Дмитриевичем и тетей Анной Дмитриевной, вследствие их просьбы не огорчать меня, отец согласился, прибыв на место ссылки и оглядевшись, написать о своем решении.

⁷³ Митрополит Кирилл (в миру Константин Илларионович Смирнов; 1863–1937) — митрополит Казанский и Свяжский. Один из лидеров умеренного крыла оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Причислен к лику святых Русской Зарубежной Церковью в 1981 году, Русской Православной Церковью в 2000 году («Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...»: Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского (1930) / Публ. и примеч. Н. А. Кривошеевой и А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 326–351).

⁷⁴ Гурий (Степанов), архиепископ Иркутский, по постановлению тройки управления НКВД (народный комиссариат внутренних дел) по Горьковской области расстрелян 1 ноября 1937 года. — *Рег.*

Проводы были под Троицын день вечером. Такой знакомый с детства Ярославский вокзал, построенный когда-то моим дедом Саввой Ивановичем Мамонтовым. Там всегда висел его портрет работы Цорна⁷⁵, и такие значительные и знакомые северные панно Константина Коровина и Серова. Что-то было тоже свое и родное в этом вокзале, с которого ехали в Абрамцево. Сейчас напряженное ожидание целой толпы близких, пришедших ловить минуту отправки арестованных. Эшелон специальных «стольпинских» вагонов стоит прямо у перрона, как обычный поезд дальнего следования. И вот во дворе вокзала «черные вороны» выпускают одного за другим толпу арестованных, с мешками за плечами, с узлами в руках, в разных одеждах, часто зимних (в середине лета). Толпа эта выстраивается и под конвоем проходит мимо тех, у кого разрывается сердце от боли и стремления броситься к своему близкому узнику, увозимому в полную неизвестность. Вот идут рядом архиепископ Гурий, строгий ученый монах, в черном подряснике и скуфье, в темных очках, еще не старый, небольшого роста, аскетически худой, а рядом папа — высокий, худой, благообразный старик, обросший седой бородой, нагруженный мешками, с взволнованным лицом, он ищет глазами в толпе нас — близких, а нас было много, и среди родных, на руках у своего отца был даже маленький Сережа (Сергеевич) Самарин двух лет. Видимо, это доставило радость отцу, потому что в первой открытке с пути он пишет: «Какой миленький маленький Сергей Сергеевич, мне было так отрадно видеть его детский чистый привет»⁷⁶.

Вскоре мы видели лица архиепископа Гурия и отца у окна вагона. Удастся крикнуть несколько слов, и все [...] Дальше неизвестность, томительное ожидание.

Помню, с вокзала мы с тетей Шурой пошли к Васнецовым. Уже поздно. Летний теплый вечер, ворота строгого дома заперты. На наш звонок быстрым легким шагом подходит к калитке и отпирает сам Виктор Михайлович. Он ждал нас, и столько любви и горячего порыва было

⁷⁵ Андерс Леонард Цорн (*швед.* Anders Leonard Zorn, 1860–1920) — шведский живописец, график и скульптор. Портрет С. И. Мамонтова написал в 1896 г.

⁷⁶ Самарин С. С. — сын брата А. Д. Самарина, Сергея Дмитриевича. Рос и учился в эмиграции во Франции. Переводчик, руководитель отдела переводов МАГАТЭ. Знал 12 языков. Лауреат государственной премии Франции за литературное произведение. Письмо А. Д. Самарина 25 июня 1926 г. из Перми. Личный архив Чернышева С. Н.

в его вопросах. Виктор Михайлович любил и уважал моего отца и сейчас всей душой разделял его подвиг. Это было последнее наше свидание с Виктором Михайловичем⁷⁷. 10 июля 1926 года он скончался.

* * *

Как у библейского Иова⁷⁸, отнималось у отца постепенно все, или многое из того, к чему было привязано на земле его сердце любовью — большой и прекрасной, но все же земною. Вначале смерть моей матери и чудесного по душе сыночка Сережи, а затем революция, сломавшая его жизнь и деятельность, которой он был предан и увлечен. Все принял он с глубочайшей верой в промысл Божий, с настоящим, искренним смирением. В письмах последних лет к нам, детям, и к нашей тете, воспитавшей нас и заменившей нам мать, отец открывается как человек высокого духовного строя, всегда бодрый, не теряющий интереса к жизни, но, как истинный христианин, в себе постоянно видящий недостатки, себя укоряющий, а нам, детям, дающий не только пример, но и указание к подлинно христианской жизни.

1926 год. Этап от Москвы до Якутии.

Долгое и трудное путешествие «этапом» началось 20 июня 1926 года. От Москвы выехали отец и преосвященный Гурий в «столыпинском» вагоне (эта система вагона для перевозки заключенных была изобретена во времена министра Столыпина и сохранила за собой его имя) в одном купе, но, конечно, кроме них, купе было переполнено свыше меры другими спутниками-арестованными. Погода летняя, жаркая, теснота и духота.

С 22 июня отец постоянно писал письма (сначала открытки) мелким, аккуратным почерком, химическим карандашом (полустертые теперь). Во всех больших городах арестованных вели в тюрьму, в город, а через несколько дней — опять на железную дорогу, в вагоны, уже часто просто товарные. Письма со штампом цензуры приходили

⁷⁷ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) — великий русский художник-живописец, архитектор, иконописец, создавший направление в иконописи при росписи Владимирского собора в Киеве, член Абрамцевского художественного кружка. — *Рег.*

⁷⁸ Святой праведный Иов Многострадальный — это почитаемый христианами богоугодный человек, живший на земле примерно за 2000–1500 лет до Рождества Христова. Главное лицо библейской книги Иова. — *Рег.*

из Перми (22–28/VI), из Омска (1–6/VII), из Новосибирска, из Красноярска (20–24/VII), из Иркутска (29/VII), а затем уже с Лены — из Качуга (4–6/VIII) и Жегалова (10–14/VIII).

Из этих писем мы впервые узнаем о заключении в одиночке на Лубянке, о трудном душевном состоянии в связи с допросами, об углубленной молитве, укреплении и успокоении в ней.

В вагонах, в тюрьмах, во время этапа отец был все время вместе с преосвященным Гурием. Несмотря на тесноту и шум, их окружавший, они вычитывали ежедневно вместе богослужение, многое на память. Отношение окружающих заключенных было «предупредительным», как определяет отец; он среди всех был по возрасту самым старым, ему было 58 лет.

По некоторым письмам этого периода становится ясным, что во внутренней тюрьме на Лубянке были очень трудные дни для отца. Некоторое время после длительного одиночества в камеру был посажен заключенный, по-видимому, «наседка». Этот человек был хорошо осведомлен в вопросах, интересовавших отца, и между ними возникали оживленные разговоры, и отец, увлекаясь, упоминал имена некоторых знакомых людей, связанных с церковными делами. На допросах (после этих дней) по ряду задаваемых вопросов и упоминаемых имен у отца создалось впечатление, что он подверг этих лиц преследованию, и по его вине они арестованы. Возвращаясь с допросов в камеру, где он опять был один, он бесконечно ходил из угла в угол и вполне логично доказывал сам себе, что бывший с ним заключенный — «наседка», что он подвел этих названных им людей, что все они по его вине арестованы. Впоследствии выяснилось, что все обернулось для людей, имена которых в беседе были названы отцом, благополучно. А потом, продолжая хождение из угла в угол, он также логично доказывал себе обратное: что соузник его человек вполне порядочный, что упоминание этих лиц на допросах не связано с ним, и так далее...

Привожу дальше отдельные места, а иногда полный текст писем.

6 июля из Омска отец пишет мне по поводу сидения во внутренней тюрьме. «Кажется, я никогда в жизни так не страдал душой, но когда Господь давал мне силу

молитвы, я так укреплялся, что сразу успокаивался и начинал верить, что если даже суждено этим лицам и мне страдать, то значит такова воля Божия... Когда все эти волнения отпали, то ссылка и все с ней связанное показалось мне таким легким по сравнению с тем гнетом, который тяготил бы меня во всю жизнь. Велика милость Божия, и какова сила молитвы! Благодарение Господу! Как рад я был, что самые тяжелые минуты по душевному настроению я был один!... «В одиночке я много молился и не замечал, как проходит время; я читал все церковные службы и утром и вечером, утренние и вечерние молитвы».

Незадолго перед смертью, уже в Костроме, отец поделился с племянницей, приезжавшей к нему, Марией Федоровной Мансуровой, той удивительной реальной помощью, которую он получил из иного мира. Дело было на Лубянке. Как-то раз в одиночке после допросов он молился напряженно, и вблизи он ощутил присутствие монаха-схимника, «возможно Александра Невского». Он видел неясный образ, который при усилении молитвы прояснялся, при ослаблении — как бы затуманивался.

В Красноярске было объявлено преосвященному Гурию и моему отцу о назначении их обоих в Якутию.

По приезде в Иркутск произошел весьма занятный эпизод. Архиепископ Гурий был в это время Иркутским, но по тем временам не удивительно, что ему и не пришлось ни разу быть в своей епархии. А тут, когда этап шел пешком по городу от вокзала до тюрьмы, он был встречаем у каждой приходской церкви колокольным звоном. Происходящее было не в часы, возможные для богослужения, и первый же звон обратил на себя внимание шедших заключенных. Отец с уверенностью сказал: «Владыка, это ведь Вас встречают!» Тот был озадачен и смущен. Все заключенные, в большинстве своем евреи (это было время постепенной ликвидации нэпа), тоже поняли торжественный звон и с интересом отнеслись к необычайной встрече заключенного. Никаких неприятных последствий из этого события не получилось. Владыка Гурий в Иркутске получил большие передачи от приходов и, конечно, делился ими с окружающими заключенными. В Иркутской пересыльной тюрьме преосвященный Гурий и отец мой ока-

зались вдвоем в маленькой одиночной камере и отдыхали «от ужасного шума, тесноты и ругани общих камер на этапе». Так всегда, спустя время, в письмах упоминалось о тех трудностях, о тех мучительных сторонах этого путешествия, которые сначала отец замалчивал, чтобы не волновать нас.

29 июля 1926 года отец пишет из Иркутска: «Только что отправил Вам телеграмму и начал писать письмо, в неизвестности, когда мы поедем в Якутск, как в камеру пришли два представителя от ГПУ и сказали, что если мы желаем ехать за свой счет, то нас отправят через 4–5 дней с партией человек в 100, едущей до города Киренска на автомобилях (верст около 300), а дальше на пароходе по реке Лене до Якутска. Стоимость проезда с человека от 50 до 75 рублей. Как мне ни тяжело просить у Вас денег, да еще таких больших, притом не на прожитие, а на дорогу, все же решил сегодня же послать Вам срочную телеграмму о высылке по телеграфу в местное ГПУ на мое имя 100 рублей. Если ехать не за свой счет, то придется все 300 верст идти пешком за подводой, на которой везут вещи, быть в пути не менее двух недель, с остановкой по этапам. Это, конечно, было бы тяжело, особенно если будет стоять сильная жара, как теперь. Да кроме того, обычные этапы здесь редки, так что, может быть, пришлось бы здесь сидеть довольно долго. Мой спутник (Владыка Гурий) решил ехать за свой счет [...] До сих пор все время здоров, духом не падаю, и укрепляюсь общей молитвой, дай Бог, чтобы так было и дальше [...] Придется купить шубу и шапку, говорят, что это обойдется рублей в 30 [...] Единственно, что хотелось бы иметь Ирмологий, Псалтирь, учебный Октоих, хотя бы одну книгу Епископа Феофана (Толкования), кроме того прошу переписать из Евангелия указатель Апостольских чтений, Евангельские чтения я списал в пути, а Апостольских у меня нет. Милые мои, живу мысленно с Вами и переносюсь постоянно к Вам настолько, что как-то не чувствую и не сознаю, что нахожусь в далекой Сибири. Не сокрушайтесь обо мне и не беспокойтесь так обо мне, по милости Божией переносу все легко и благодарю Бога за все, за Его великую милость ко мне во время моего сидения в тюрьме». Последние мысли и чувства повторяются и звучат постоянно в письмах отца

в это трудное для него время, так же, как просьба не высылать ему денег.

Из Иркутска «за свой счет» выехали 2/VIII-26 г. Вот письмо с пути от 4/VIII: «Мы выехали на грузовых, закрытых брезентом автомобилях часов в 11 вечера, было очень тесно и тряско. Часа в 4 утра остановились в большом селе, в теперь, даже, в преобразованном в город «Усть-Орда», с бурятским населением. По большому Якутскому тракту к Лене большое движение, и в деревнях много постоянных дворов; выехали дальше часов в 11 утра. Было очень жарко, но еще больше пыльно. Остановились в 3 часа, из-за жары, опять на постоялом дворе до 9–10 часов вечера, проехали до 4 часов утра и опять остановились до 10 часов утра, а затем в 1 час дня приехали в Качут на Лене, но еще настолько мелкой, что плавают только большие лодки. На днях, может быть, завтра, мы поплывем вниз по Лене на большой лодке, около 500 верст до Усть-Кута⁷⁹, а там уже сядем на пароход или пассажирскую баржу, которую поведет пароход до Якутска.купаемся здесь в Лене, вода на редкость чистая и не холодная, так как очень мелко. Мы разместились по разным домам... всюду очень чисто и хозяева наши очень любезны. Ночевали на дворе, в амбаре, и после двух бессонных ночей на автомобилях очень хорошо выспались... Здесь местность очень красивая — кругом горы, покрытые лесом. Село разделяет на две части Лена, с паромным перевозом. На противоположном берегу от нас — церковь и базар. Лодки, на которых здесь везут, большие дощаники, середина их крыта тесом — круглой крышей... Обо мне не беспокойтесь, я здоров и бодр, а в жизни и смерти волен Бог». В августе из того же Качуга в дни ожидания отплытия отец пишет очень длинное письмо, обращенное ко мне. Он говорит о сложности и трудности пути, о страхе за меня в связи с моим намерением ехать к нему, о стоимости путешествия от Москвы до Якутска (около 200 руб.). Необычайно ласковые и нежные слова и желание не огорчить меня, не обидеть, но убедить в невозможности поездки.

10 августа из села Жегалова на Лене — следующее письмо: «7 августа мы отплыли на лодках (из Качуга), вся партия около 120 человек, есть жены с детьми, все евреи.

⁷⁹ Усть-Кут — административный центр Усть-Кутского района Иркутской области. Расположен в 510 км севернее Иркутска у впадения в р. Лену р. Куты. — *Ред.*

Партия идет до города Киренска (на Лене), около 1000 верст от Иркутска, только двое в Якутск (преосвященный Гурий и мой отец. — Е. С.-Ч.). Плыдем в 5 лодках-дощаниках. Течение Лены медленное, около 4-х верст в час. Берега поразительно красивые и все время развертываются разнообразными картинами, одна другой лучше: то река совсем суживается и течет между почти отвесных гор красного песчаника, причем горы покрыты лесом — береза, ель, сосна, лиственница, кедр, — то появляются дали, но тоже гористые — несколько планов гор, покрытых лесом разных оттенков [...] деревень много [...] дома деревянные, не очень богатые, но всюду, где приходится останавливаться, меня поражала чистота, — полы вымыты и в избах покрыты сухим сеном, печи выбеленные, скамьи и столы чистые, на дворе хозяйственность: плуги, косилки, веялки. В других условиях такое путешествие было бы одно удовольствием. Для ускорения движения мы все гребли и отпихивались большими шестами. Утром и вечером купались на стоянках. Погода отличная, днем даже слишком жарко и раз только нас застала гроза сильная. Плыли трое суток. Церквей мало, но некоторые красивой архитектуры, например в Верхоленске. В общем же красота удивительная и не чувствуется пустынности, всюду чувствуется заботливая человеческая рука [...] Лодка от Качуга была нанята только до Жегалова, это большое пыльное село с пристанью. Как-то мы поплывем дальше — неизвестно: по случаю мелководья сюда не доходят даже маленькие пароходы, которые тащат на буксире лодки, и вероятно нам придется и дальше плыть просто по течению на лодках. Сегодня мы перешли на постоянный двор, здесь очень чисто, семья патриархальная, за стол садятся вместе с работниками 25 человек. Глава семьи еще не очень старый, бодрый и рассудительный [...] тип, не похожий на наших абрамцевских соседей. Чувствуется и свобода, и самобытность, и большая воля»⁸⁰.

Письмо 14 августа 1926 г.: «Завтра, наконец, мы выезжаем отсюда, опять на лодках по Лене до Усть-Кута. В пути будем не менее пяти суток, так как придется проплыть верст 350. Там предстоит ждать парохода дня че-

⁸⁰ Все письма, приводимые здесь и далее, находятся в личном архиве С. Н. Чернышева. — *Ред.*

тыре; говорят, отходит он 24/VIII; в город Киренск доберемся 26-го, а дальше что с нами будет — неизвестно, т. е. сразу ли нас двоих, на том же пароходе, отправят дальше до Якутска⁸¹ или высадят в Киренске — неизвестно.

Здесь со всей партией 120 человек, только три конвоира. В лучшем случае мы попадем в Якутск 3-го сентября».

20 августа 26-го г. письмо из Усть-Кута: «Вчера мы приплыли сюда, закончив свое путешествие на лодках. Плыли от Качуга до Жегалова около 3 суток, погода была хорошая. В Жегалове были 5 дней; отплыли 15-го и плыли скорее, так как разъединили все пять лодок; гребли по очереди по полчаса, ночевали с 7 часов до 4-х часов. Один день и ночь были ненастные, и мы сидели и спали под крышей на лодке; один раз после дождя ночевали в селе, в чистой избе, а две ночи я оставался на лодке, где было, правда, холодно, но зато спокойно и не нужно было таскать вещи».

21-го августа, Усть-Кут: «Сейчас в Усть-Куте садимся на пассажирскую баржу, которую потянет пароход. Мы сидим всей партией в высоком светлом трюме, как было раньше на волжских пароходах. Через двое суток, то есть 23/VIII, будем в Киренске. Когда нас двоих отправят дальше, — не знаем, может быть, тут же, а может быть, и через несколько дней. Погода чудная, но ночи уже свежие, баржа отапливается и освещается электричеством».

«24-го августа, из газеты «Иркутские Известия», узнал о кончине Виктора Михайловича Васнецова († 23/VII-26 г.)».

Из Киренска в Якутск папа и преосвященный Гурий были отправлены без замедления, с тем же пароходом, только уже не на пассажирской барже, а, по-видимому, в третьем классе, без всякого конвоя (есть фотография, сделанная одним геологом на палубе парохода). Дальше идет первое письмо из Якутска.

И вот первое письмо из Якутска.

«11 сентября, Якутск. Милые все дорогие мои, в день приезда сюда я наскоро написал два слова с отходившим

⁸¹ Якутск — город в Российской Федерации, столица Республики Саха (Якутия). Сейчас третий город Дальневосточного федерального округа по численности населения (после Владивостока и Хабаровска). — *Ред.*

обратно пароходом, надеюсь, что Вы получите это письмо и посланные раньше из Иркутска, Качуга, Жегалова, Усть-Кута, Киренска. Приехали мы сюда 2/IX—20/VIII; у парохода были встречены высланной лошадей в пролетке от церковной общины. В тот же день я послал телеграмму, по-видимому, она попала неудачно, когда повреждена была линия; я долго ждал ответа и только в среду, 8/IX, получил перевод на 100 рублей. В день приезда мы были в здешнем ГПУ; прием был очень любезный, нам сказали, что мы, верно, утомились после долгой дороги и потому можно неделю отдохнуть и устроиться, а через неделю, когда мы придем, — сказали «установятся наши взаимоотношения». Казалось, что как будто имеют в виду возможность оставить нас здесь. Когда мы пришли третьего дня, нас опять-таки приняли очень любезно и по тону разговора (необходимость раз в неделю являться, право Владыки служить в церкви, предоставление нам права поступать на службу или искать других занятий, обещали платить кормовые деньги — сколько, еще неизвестно), казалось, что, значит, мы останемся здесь. Но вдруг, под конец разговора, было сказано очень категорически, что один из нас должен будет отсюда уехать и будет поселен не в глуши, не в деревне или селе (по-здешнему, «наслег» и «улус»), а в городе, где есть храм⁸², медицинская помощь и другие культурные условия; может быть, отправка произойдет еще с пароходом, а может быть — по первому санному пути, т. е. примерно во второй половине октября старого стиля. Здесь нет вообще колесной езды по трактам, летом ездят верхом и вещи возят во вьюках на лошади, а зимой езда на санях. Так как к северу по реке Лене и Вилюю только один город Вилюйск, в который могут отправить, назад же по Лене только город Олекминск, в который, говорят, не пошлют, а другие города — Верхоянск и Колымск не имеют связи по реке с Якутском, то нужно думать, что намечен город Вилюйск, в расстоянии 550 верст от Якутска, но только туда бывают три пароходных рейса по Лене и Вилюю; теперь же больше уже не будет отсюда рейса в Вилюйск, и значит, во всяком случае, нужно думать, что до половины октября мы останемся здесь, хотя тут же было сказано, что о том, кто из нас должен будет

⁸² Подчеркивание соответствует авторскому тексту. — *Рег.*

уехать, куда и когда, нам будет объявлено в недалеком будущем, но заблаговременно до отъезда, чтобы мы имели возможность как следует собраться. Слухов о нас здесь ходит много; наш приезд сюда, по-видимому, возбуждает интерес, тем более, что здесь уже давно (с революции) не было ссыльных, а мы к тому же персонально обращаем на себя внимание. По этим слухам, будто бы вышлют Владыку, а меня оставят. Я лично совершенно не боюсь дальнейшей отправки: вижу, что Господь не оставляет нас Своей милостью всюду; всюду посылает нам добрых людей в помощь, так что и в Вилюйске я не пропаду, а быть от Вас в 8000 верст или на 550 верст дальше, уже мало разницы, но скорбно очень, что будем мы оба разлучены; я лишусь не только ценного спутника, но и ценного в нравственном отношении союзника, а что еще важнее — лишусь ежедневной совместной молитвы и богослужения домашнего. Правда, здесь я могу ходить в церковь, но домашняя будничная служба больше дает поддержки. Ну, что же делать, так Богу угодно! Так как почему-то нам еще не объявили окончательно, кто, куда и когда должен уехать, то мы думаем, что, может быть, этот вопрос еще не решен окончательно, и по слухам, оно так и есть, т. е. будто бы в советских кругах мнение об этом расходится. Здесь, между прочим, есть ряд учреждений научного характера — музей, архив, исследовательское общество. В этом обществе есть лица, знающие Владыку по Казанской Духовной Академии; они охотно поддержат нашу просьбу о предоставлении нам занятий в архиве.

Владыка по своей службе имел близкое отношение к изучению калмыков, бурят и отчасти якутов, я же, конечно, мог бы попасть только в сотрудники по технике архивной работы, и как будто мне легче, чем ему (мешает сан), получить небольшую должность с 1 октября; он, впрочем, и не хочет иметь должности, а хочет просто работать безвозмездно. Я бы очень рад был иметь заработок, но одно меня смущает, что я в большие праздники, на Страстной, лишен был бы возможности бывать в церкви по утрам. Вопрос о том, разрешит ли нам местная власть работать в архиве, решится на днях, так как мы уже подали официальное заявление о допущении нас к работе. Со стороны ГПУ препятствий нет, но вообще Советская власть очень

строго относится к допущению кого бы то ни было в архивы, так что, может быть, к нам эта строгость будет еще больше. Другое, что мне представляется и что, конечно, мне больше по душе, — это служба при церкви в качестве псаломщика. Здесь 4 открытые церкви: собор, два прихода и на краю города кладбищенская (церковь). Первый — самый лучший храм во всех отношениях, но там нет, кажется, такой нужды в псаломщике, так как эту должность исполняет один сельский батюшка, здесь живущий, а в двух других священники как будто склонны к новшествам, хотя, правда, открыто не переходят в обновленчество и, говорят, от него отрещиваются. Здесь, между прочим, нет ни одного диакона, и был разговор обо мне на эту должность. Ждут сюда нового викарного Епископа, который, по слухам, посвящен в Нижнем и уже едет, а настоящий здешний архиерей был в Соловках, по отбытии наказания жил в Москве, а теперь, по слухам, опять выслан в Тобольскую губернию. Владыка Гурий служил 26-го попросту, а сегодня, с разрешения ГПУ, данного и ему, и общине, служил всенощную и завтра будет служить обедню. Собор здесь очень хороший, поместительный, светлый и в большом порядке, благодаря священнику и приходскому совету и, конечно, особенно женщинам. Он екатерининских времен, иконостасы синего цвета, а орнаменты золотые, очень стильные. Жалко, что я не умею рисовать; думаю, что Шуре понравился бы этот стиль. Мы были в церкви на следующий же день по приезде. Вы поймете, что я испытал, войдя в церковь и стоя за службой (обедня) после всего пережитого и после того, что 9 месяцев я не был в церкви! В пути, в Усть-Куте, в Киренске и Витиме мы не ходили в церковь, хотя и была служба, так как там все обновленцы. На другой день, в субботу 22-го, я причастился, и так на душе было хорошо, легко и отрадно, а еще больше хотелось молиться за Вас всех... Служат здесь очень усердно, можно упрекнуть в слишком большой тягучести, особенно в праздники, из-за певчих; хор довольно хороший, руководит им очень умело настоятель собора, такой любитель этого дела, что он все и вся забывает, когда поет, и готов без конца петь. Заботу о нас здесь проявляют самую горячую и прямо трогательную добрые люди; все исходит из соборной общины; сразу нам предо-

ставили помещение, правда временное, но и дальше уже намечается постоянное. Живем мы при ресторане, т.е. на одном дворе с рестораном, в верхнем этаже; под нами амбар и погреба, а у нас только что отделанные летние номера, очень простые, но вполне чистые. Отопиться там совсем нельзя, так как нет печей, а пока можно жить, так как погода стоит удивительно теплая; днем прямо жарко, а ночи свежие, но без морозов. До сих пор нам все готовили в ресторане, а продукты доставляются разными лицами через соборную общину; хозяева ресторана принимают участие в этой организации. С сегодняшнего дня готовить начала Елизавета Ивановна Кочеткова, сопровождающая Владыку Гурия его племянница. Теперь забота наших благотворителей — достать нам теплую одежду. Ведь здесь зима очень суровая и длинная; с половины октября бывает уже санный путь, а с декабря до марта стоят крепкие морозы 30–40°, но говорят, что при 20–25° здесь совсем не чувствуется резкости воздуха. Во всяком случае, без меховых шапок, рукавиц, шерстяных чулок, меховых сапог и шубы, или дохи, здесь выходить зимой нельзя, а тем более куда-нибудь ехать. И вот, по-видимому, все это подыскивается и, может быть, даже нам будет дано так же, как продукты. Сегодня вечером я получил уже два громадных сладких пирога (один с черносмородиновым вареньем, другой торт бисквитный) по случаю моих именин, и говорят, завтра будут еще пироги. Таким образом, можете быть совершенно покойны за мое здесь существование, и я думаю, что имеющихся у меня денег хватит надолго, во всяком случае до марта–апреля. Если же я получу платную службу или буду при церкви, то, несомненно, я в деньгах на жизнь нуждаться не буду. Вот было бы счастье, если бы хоть в этом я не причинял вам хлопот и забот. Достать здесь все можно (одежду, обувь).

После исключительно красивых видов по Лене мы здесь попали в совершенно плоское место. Тут Лена разделяется на много протоков, образуемых песчаными островами с тальниками, как на Волге, и береговые горы отстоят очень далеко, в расстоянии не менее 10 верст один берег от другого; на низком, плоском берегу стоит Якутск, весь деревянный город, каменных домов не более 10–15, ни одной мощеной улицы, дома все почти одноэтажные.

Улицы широкие, с деревянными тротуарами, по которым днем ходить можно, а в темноту небезопасно. Есть телефон и во всех домах, даже самых убогих, электричество, еще дореволюционное. Почва здесь вся мерзлая и оттаивает летом не более как на 2–3 аршина. Что здесь любопытно, что все пьют *круглый год* ледяную воду, т.е. из оттаянного льда. Правда, настоящая Лена отошла от города за песчаные острова версты на полторы—две, а около города остались протоки почти стоячей воды, которую нельзя пить, но говорят, что и раньше, когда Лена протекала у самого города, пили всегда оттаянный лед, чем возить воду с реки, а хранить его ничего не стоит: зимой он лежит на дворе в глыбах, а летом до нового льда легко хранится в погребах, которые есть у каждого хозяина. Холода прекращаются с марта, в конце апреля появляется зелень; в июне, и особенно в июле, бывает сильная жара, благодаря которой здесь все созревает: есть арбузы, помидоры и картофель, но всегда почему-то мало, так что цены на все высокие [...] Хозяйка здесь опытная повариха и великолепно готовит; особенно они гордятся своими пирогами с рыбой; в сущности это не пирог с рыбой, а рыба в пироге, но действительно очень вкусно [...] Рыба здесь отличная, стерляди, но особенно в ходу нельма, бывают сиги и нечто вроде селедки – омуль с Байкала.

В городе не более 8–10 тысяч жителей, и громадное большинство якуты, ходишь, точно в Монголии или Японии, и все почти на одно лицо, особенно женщины и маленькие дети, последние бывают очень милы, я в них всегда вижу тети–Шурину милую японскую куклу. Это письмо придет к Вам не раньше конца октября.

30-го после обедни. Обедня была очень торжественная, первое архиерейское служение Владыки Гурия, да и здесь уже более 5 лет не было архиерея; народу было много, особенно много якутов. Они очень религиозны и преданы церкви и с уважением относятся к духовенству. Здесь есть чтимая икона Корсунской Божией Матери, но гораздо хуже по письму, чем Хотьковская, а я эту икону всегда помню, и еще на Лубянке видел её всегда перед собой [...] Знаешь ли ты, что при приеме во внутреннюю тюрьму у меня отобрали все — и крест, и иконку деревянную преподобного Серафима (теперь это все

при мне), а чехольчик на икону, который ты сшила мне с вышитым на нем крестиком, оставили, и я все время пользовался им как дорогой мне во всех отношениях святыней [...] Письма, говорят, идут в лучшем случае 2 месяца, а в весеннюю и осеннюю распутицу около 3-х месяцев.

Так давно ничего не знаю, как Вы живете; ведь последнее письмо было мною получено в Иркутске 1-го августа нового стиля... Радуюсь, что так скоро собрали выставку Виктора Михайловича, ведь в Абрамцеве, собственно, не так много его работ. А Верушкин портрет был ли выставлен?⁸³

Добрые люди ищут для нас подходящее помещение, но пока еще нет подходящего, где бы можно было поместиться всем вместе и иметь возможность молиться. Благодаря теплой погоде еще можно жить в нашем теперешнем помещении. По-прежнему мы ни в чем не нуждаемся благодаря удивительной доброте и заботам добрых людей... Говорят, что могут нас обоих оставить здесь. Буди воля Божия! Здесь есть хорошая библиотека при музее Географического общества, городская, а кроме того — в Соборе».

* * *

17 сентября папа пишет особенно ласковое и заботливое письмо ко мне, накануне моих именин.

23 сентября 26-го г.: «В понедельник 20/IX мы переехали на другую квартиру, там, где мы жили, помещение было летнее. Удалось получить помещение в квартире, занятой семьей (частный дом), нас приняли охотно. Размеры комнаты 8×5 аршин (22 кв. м), одно окно на улицу, два — во двор, окна большие, так что свету много, освещение электрическое, отапливается голландской печью. Говорят, зимой бывает тепло. Порядок во всей квартире, в том числе и в кухне, удивительный. Елизавета Ивановна помещается вместе с хозяйками... Пока живем так: встаем рано; в 6 часов утра начинаем молитву, в половине девятого пьем чай втроем в своей комнате, затем занимаемся чтением и выходом в лавки или для прогулки, обедаем около 2-х часов, потом отдыхаем и опять занима-

⁸³ Портрет с кленовой веткой работы В. М. Васнецова, подаренный автором А. Д. Самарину перед свадьбой. В то время находился в семье, а ныне в музее Абрамцево. Воспроизведен в данном издании. — *Peg.*

емся, между прочим, английским языком, а потом читаем и изучаем книги по Священному Писанию; в 6 часов вечера бывает вечерняя служба, в 8 часов иногда немного едим и пьем немного чая; затем вечерняя молитва и в 10 часов ложимся спать... Предлагают уроки с детьми».

3 октября 26-го г. «...Почты отсюда с пароходом на Иркутск больше уже не будет, отправлять почту будут около 1-го ноября старого стиля. Говорят, пойдут еще два парохода отсюда вверх, но без почты, так как ее не рискуют посылать: пароходы из-за морозов и ледохода могут остановиться где-нибудь в пути... Живем по-прежнему, слава Богу, благополучно, и пока без перемен. Ходят слухи, что Владыка Гурий будет отправлен по санному пути в Вилюйск или Верхоянск, а меня будто бы здесь оставят... Не помню, писал ли я Вам, что Владыка Гурий через одного педагога, бывшего ученика его по Казанской академии, подавал заявление о желании работать по архивным материалам для изучения Якутского края, и в частности якутского языка, и что я мог бы быть у него сотрудником. Это заявление поступило в здешнее Общество по изучению Якутии; там признали согласно указанию власти, что мы еще ничем не проявили своей способности к научной работе, и потому это Общество не может пока принять нас под свое покровительство. Вот мы и решили, чтобы проявить свою работоспособность, проделать такую работу. Мы узнали, что в области изучения якутского языка, что теперь вопрос здесь очередной, очень важно иметь старинное ученое исследование академика Бётлингка⁸⁴ [Böhtlingk Otto «Über die Sprache der Jakuten». СПб. 1851. «Grammatik-, Text- und Wörterbuch. Von Otto Böhtlingk». Photomechanischer Nachdruck. The Hague, Mouton. 1864. LIV, II. 184 p. (Indiana University publications. Grammale school. Uralic and Altaic Series. Vol. 35)], так как оно считается и теперь капитальным трудом. Мы его здесь достали в библиотеке Географического общества⁸⁵,

⁸⁴ Бётлингк Оттон Николаевич (1815–1904) – академик Российской императорской академии наук по восточному отделению.

⁸⁵ Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество» (сокращённо ВОО «РГО») – географическая общественная организация России, основанная 18 августа 1845 года. Главная задача Русского географического общества – сбор и распространение достоверных географических сведений. Экспедиции Русского географического общества сыграли большую роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней

оно на немецком языке, и мы его переводим. Дело идет, хотя и не очень быстро, так как много всяких примечаний и ссылок на разные восточные языки. По классификации академика Л. Н. Самойловича, якутский язык — один из восточносибирских представителей тюркской группы языков — в силу исторических условий настолько отличается от других тюркских языков, что иногда подвергали сомнению самую связь с ними якутского языка. Однако отдельные черты якутского языка, по-видимому, были свойственны и другим тюркским языкам (ныне вступившим в другую фазу развития), но в них Владыка Гурий имеет некоторые познания. На днях мы закончили один отдел, перепишем и через знакомого Владыки, который принимает деятельное участие в этом Обществе, представим свою работу. Посмотрим, в какой мере она будет сочтена интересной и как будет оценена по качеству исполнения. А перевод делать мне нравится и интересно. Я вижу, что еще не все забыл из немецкого языка... У якутов не было своей письменности, т. е. не было алфавита. Впервые якутский язык запечатлелся на бумаге благодаря Церкви и миссионерским трудам лет 100 тому назад...

До сих пор, кроме первой телеграммы и письма-телеграммы, не имею от Вас писем».

8 октября 26-го г. «Эти дни были для меня очень радостными, получил все Ваши письма в два приема, начну с вопроса о твоей поездке⁸⁶.

...Могу сказать, что трудность пути стала для меня еще яснее. (Дальше идет подробнейшее рассуждение о возможности моей поездки. — *Е. С.-Ч.*)...»

8/X. «Продолжаю письмо, которое не отсылал, так как почта все не едет, и неизвестно, когда она пойдет. Река стала, но снегу почти нет, так что путь еще не установился. Погода все время стоит хорошая: после двух дней тепла, когда пароходы успели вернуться сюда, но не только без барж, но даже и без всяких других грузов, в том числе и без почты, — опять установились морозы градусов в 15, а вот сегодня, говорят, 30°. Но ветру почти нет, и воздух не резкий, так что, по нашему самочувствию, не верит-

и Центральной Азии, Мирового океана, в развитии мореплавания, открытии и изучении новых земель, в становлении метеорологии и климатологии. — *Рег.*

⁸⁶ Моя поездка в Якутию. — *Прим. Е. С.-Ч.*

ся, что так морозно, правда до 50° еще далеко, но все же я надеюсь, что даже в сильные холода мы не будем очень страдать; в доме же у нас совсем тепло, так что я сижу в летней рубашке, правда на ногах шерстяные носки и сапоги (а по-здешнему, чулки) из заячьего меха, покрытые бумажной материей... В городе, даже и при малом снеге, гораздо больше стало видно приезжающих из деревень якутов. Все они в оленьих мехах и таких же шапках и меховых сапогах (по-здешнему, ка́масы), привозят мороженое мясо и такое же молоко, на вид – это круги вроде сыра, но меньше».

24 октября 26-го г. «Зимний путь до сих пор еще не установился, были морозы 10–15°, замерзли озера и протоки Лены, на главном течении шел сплошной лед — «Шуга идет». Замерзли, не дойдя до Якутска 600 верст, пароходы со всей почтой, верно, там и посылки, посланные вами в августе. Всего на пароходах и баржах до 100 тысяч пудов продовольствия и мануфактуры. Это составляет здесь зlobу дня, так как до весны уже более такие транспорты не прибывают...»

«Уроки пока еще не начинались, а вот перевод с немецкого научной грамматики якутского языка, который мы начали делать вдвоем, был рассмотрен в здешнем правительственном Обществе просвещения, работа признана нужной, и нам предложено продолжать. Может быть, этим определится наше оставление в Якутске, так как эту работу можно выполнить только здесь, где есть библиотека и нужные материалы и пособия. Кроме того, по-видимому, за этот перевод нам будут платить деньги. С завтрашнего дня опять примемся за это дело... Каждый день за службой вместо причастного стиха читаем «Почтения Аввы Дорорея», по вечерам Священное Писание с толкованием; днем переводим с английского из одной хрестоматии и отдельно еще читаю «Историю христианской Церкви» Лопухина».

10 ноября 26-го г. «Сегодня, когда я по обычаю пришел на регистрацию (в ГПУ), мне объявили постановление местное от 26 сентября о высылке моей в Вилюйск, с обязательством невыезда оттуда, и сказали, что постановление не объявлялось, пока не было пути, а теперь можно ехать; повезут на санях за казенный счет и дадут для тепла на до-

рогу доху. С отъездом не торопят, так что можно собраться. Я подал вчера же заявление в правительственное общество «Возрождение Якутии», по поручению которого мы делали перевод, с просьбой возбудить ходатайство об оставлении меня здесь, так как работа признана необходимой».

16 ноября 20-го г. «Ходатайство Общества уважено, и я оставлен временно здесь, что значит временно — неизвестно [...] Сегодня идет снег, и, значит, в ближайшие дни пойдет почта. С нетерпением жду от вас писем, теперь они будут приходиться правильно».

13 декабря 26-го г. «Морозы 45° Реомюра. Одежда есть: меховая оленья шапка и полупальто оленье, заячьи рукавицы. Расписание дня: В шесть — половине седьмого начало службы: утренние молитвы, полунощница, часы, литургия — все продолжается два с четвертью часа. Пьем чай — берем у хозяев; все это при электричестве. Затем начинаются занятия, чтение; я переписываю в двух экземплярах наш перевод с немецкого, что требует много времени, так как приходится срисовывать много слов татарских, а Владика вписывает монгольские и калмыцкие слова. Он знает шрифт, а я просто срисовываю. По средам и пятницам я хожу после чая к обедне в Собор, где помогаю пением и чтением; по четвергам ходим на регистрацию, иногда хожу в лавки, изредка на почту. В 2 часа обед, питаемся хорошо, но без мяса, зато изобильно рыбой — нельма, налим, караси, омуль, стерляди, и все очень крупного размера, все это получаем очень легко. В 4 часа хожу на урок, а по возвращении, около 6 часов, начинается всенощная, которая идет около двух часов. Затем чай, чтение Толкования на Священное Писание, вечерние молитвы. Спутники мои идут ко сну, а я сижу еще один до десяти — половины одиннадцатого. Забыл сказать, что перевод мы делаем от 12 до 2-х часов, требуется точность, прибегаем к словарю, а иногда задумываемся над смыслом фонетических размышлений автора».

25 декабря 26-го г. Ответ на наши письма от 5 октября 26-го г. «Письма (через два с половиной месяца) не теряют цены... самое письмо, самый вид его, сознание, что оно писано вами, мои дорогие, доставляет мне громадное утешение и дает поддержку... Прочитываю я всег-

да сразу быстро письмо от начала до конца, а потом еще раз перечитываю и вечером, когда всё кругом уже спит, доставляю себе удовольствие еще раз почувствовать себя через письмо с вами.

Не подумай, что я вообще в унынии и мрачном настроении, слава Богу, я бодр духом, а мысли мои всегда несутся к вам». Дальше идут чудесные, ласковые слова ко мне.

1927 год. 10 января. «Дорогие мои, пользуюсь возможностью отправить это письмо с одним отъезжающим отсюда лицом и надеюсь, что благодаря этому вы получите эти строки гораздо скорее, чем по почте, во всяком случае не позднее как через месяц, а может быть и раньше моего большого письма, посланного по почте, кажется, 6/ХІІ нового стиля.

Мы же провели три дня Праздника так: в Сочельник начали часы в 8 часов утра, после небольшого перерыва была обедня, которая кончилась в половине первого, напились чая и затем вскоре пообедали. В 6 часов вечера мы пошли ко всенощной в собор; там было очень много народу, особенно много якутов; служил местный епископ Синезий, приехавший сюда 8 сентября; служба окончилась в начале 11-го; пока мы вернулись домой и напились чая, было уже около 12-ти; я лег в половине первого, а в половине второго мы уже встали, и в 2 часа начали у себя по своему обычному уставу: утренние молитвы, полунощницу и утреню (без Великого Повечерия); канон пели и читали полностью, так что 48 раз пели ирмосы; после утрени — часы и литургия, все кончено было в 6 часов. Было очень хорошо; в 3 часа ночи, во время нашей утрени, начиналась всенощная в Москве (6 часов вечера), и я думал о всех, кто там молился. Напившись чая и разговевшись, мы лежали с полчаса, и в 7 часов пошли к обедне в собор. Там опять было очень много народу; очень светло (в паникадилах электричество) и много свечей у иконы Праздника. Служба кончилась в половине одиннадцатого; поздравили епископа, который живет в бывшей ризнице при соборе, и пришли домой. Здесь пропели Рождество два раза, в двух семьях, живущих в нашем доме, и у них по очереди пили чай, а затем мы с моим спутником были в трех домах; вернулись в половине пятого, поотдохнули,

а в 6 часов, по обычаю, начали свою всенощную. В общем, поутомились изрядно. На другой день была у нас, по обычаю, литургия, но с опозданием, не в половине седьмого, а в половине восьмого. Я еще сходил в собор, потом был в одном доме, а в 2 часа к нам пришел епископ, обедал у нас; в 6 часов я пошел ко всенощной в собор (дома без меня читает и поет Елизавета Ивановна). Сегодня, по обычаю, я отпел сначала у себя литургию, а затем опять был в соборе; обедня там очень затянулась, и я вернулся домой около 1 часа; вдруг совершенно неожиданно пришли соборные певчие (все любители и любительницы) прославить к нашим хозяевам, а потом попросили разрешения пропеть и у нас; потом их всех угощали хозяева чаем вместе с нами. После обеда я немного отдохнул, а затем был в одном доме, так что пропустил в первый раз за все время свою обычную всенощную. Теперь все у нас уже спят, а я Вам пишу и мысленно с Вами. Эту ночь я так ясно представляю все, что было 19 лет тому назад, как будто все это происходило вчера! Дети, естественно, не могут так чувствовать всего, чего мы лишились, как мы с Тобой, дорогая моя Шура: я знаю, что и они скорбят по-своему, печалуются, что они не испытали в сознательном возрасте материнской любовной ласки.

С завтрашнего дня опять примусь за работу по переводу и возобновлю немецкий урок, который я на неделю прерывал.

Из того, что я написал, Вы можете видеть, что у нас есть дома, куда мы можем ходить, но мы нигде обыкновенно не бываем и сделали исключение для Великого Праздника. Ведь с самого начала об нас здесь стали проявлять исключительную трогательную заботу разные лица, прикосновенные к Церкви, стали снабжать теплыми вещами, продуктами, и все это продолжается до сих пор, а к празднику еще усилилось, так что нас завалили пирогами, пельменями (всё своего изделия); неизвестные нам лица ежемесячно помогают и денежно; за квартиру с нас ничего не берут. Просто мы не знаем, как будем расплачиваться за все то добро, которое нам оказывают, за ту любовь и сочувствие, которое к нам проявляется! Вот почему пока я не нуждаюсь ни в чем, тем более что из ГПУ я получаю 6 рублей 25 копеек в месяц; урок мне дает 20–

25 рублей в месяц (1 рубль 50 копеек за урок), да обещают нам платить за наш перевод, сколько — еще неизвестно, но все же, я думаю, рублей 20 в месяц на каждого придется. Отрадно в особенности видеть, что все это добро делают с любовью к нам».

В половине января отец был болен. У него и раньше бывали острые боли в кишечнике, но в этот раз приступ был сильнее. Это были спазмы, вызвавшие непроходимость. В письме к нам он пишет об этом очень сдержанно, чтобы не волновать нас. Впоследствии, по приезде моем в Якутск, я узнала, что положение было очень серьезное. Милейшая семья доктора Бушкова (Пантелеймон Митрофанович и Дора Иннокентьевна), которым отец давал уроки немецкого языка, употребили все, чтобы спасти его. Они взяли его к себе в дом; сам доктор и жена его, еще молодые, лечили его, ухаживали за ним, но поняли, что домашние меры недостаточны, и с большим трудом поместили отца в больницу. Думали, что придется делать операцию, если не поможет атропин, который было очень трудно получить. Уколы атропина оказали свое действие, спазмы были прекращены. Это был предвестник того приступа, от которого через 5 лет отец скончался.

В письмах этого времени очень яркие картины солнечной холодной зимы, якутской одежды, быта, праздников.

Вот письмо от 20 марта:

«Хозяйки уже начинают поговаривать о приготовлениях к Пасхе: предстоит генеральная мойка и чистка в доме сплошь всего, побелка печей и проч., а затем заготовка всякого рода яств к разговенью. По-видимому, будет что-то грандиозное. Мы будем ощущать это, так как обычное течение жизни несколько нарушается, а главное — у многих такая суэта сопровождается «повышенной нервозностью».

Мне отец пишет в ответ на мои сетования на разлуку с ним и упадочное настроение — «не роптать, а благодарить Бога надо за все Его к нам милости: разобщение внешнее — это такая мелочь по сравнению с тем, что мы все духом вместе, что нас не разъединяют никакие разномыслия, никакие различия в основных убеждениях: ведь и Юша, и ты, так же как и я, по милости Божией, в ос-

нове нашей жизни имеем веру и связь с Церковью, а это чувство сближает, несмотря ни на какие расстояния...»

Великий пост проводили строго по монастырскому уставу. Владыка Гурий был очень строгий постник, настоящий монах, вот что пишет отец о первой неделе поста.

10 марта. «Около 6 часов утра начинается служба чтением утренних молитв, затем следует полунощница и непосредственно за ней утренняя полностью, со всеми кафизмами и чтениями из св. Ефрема Сирина. Удивительно глубоко по мысли и просто по выражению и проникнуто высоким настроением. Утреннее богослужение идет три часа. В половине одиннадцатого начинаем часы, которые также совершаются без пропусков со всеми кафизмами и также два раза бывает чтение св. Ефрема Сирина. Часы с вечерней идут два с половиной часа. Вечером бывают мефимоны, которые продолжаются час и три четверти. В общем, довольно утомительно за день и для ног и для голоса, хотя и читаю и пою в полголоса; но зато отменно для души».

А вот из письма от 26/IV, 3-й день Пасхи.

«Служба Страстной: все чтения и пения, которые выполнялись мною в условиях нашей жизни, давали особенно благоприятную возможность для восприятия не только умом, но и сердцем их глубокого и трогательного содержания. В Пятницу и Великую Субботу, так как часы нашей службы не совпадают с соборной, я имел возможность быть и тут и там. В соборе нет совсем чтенцов — мое чтение ценится. А для меня чтение в такие дни — великое утешение, и, значит, я имел счастье дважды перечувствовать красоту службы... певчие, совершенно неожиданно, вынесли мне ноты 3-го голоса, когда вышли к Плащанице петь трио «Воскресни, Боже».

Прошла Пасха, наступила весна.

30/V. «Событие в здешней жизни — вскрытие Лены, все этого ждали, следили по местной газете за ходом льда выше Якутска. Вода стала прибывать в субботу 8 (21) мая. К сожалению, главное русло Лены далеко и отделено от Якутска островами, так что самого сильного ледохода мы не видели, но и здесь, когда вода залила все острова (остались только кое-где верхушки тальника) и когда образовалась такая громадная масса воды, по которой

плыли льдины, получилась очень внушительная картина; ведь от набережной Якутска до другого берега, где тянется горный кряж, около 15 верст. Погода это время стояла прекрасная, тихо, ясно и прямо жарко. В этом отношении совсем не похоже на ледоход на реках в России, там они бывают, когда в полях лежит снег и еще совсем холодно, здесь же с 20–25 апреля уже совсем сухо. К сожалению, здесь совсем не чувствуется наступления весны, да ее и не бывает. Снег сходит быстро, его немного, в общем, за зиму, — сразу сохнет, а зелени никакой: ведь в городе совсем нет деревьев и травы почти совсем не видно... Сушь страшная, пыль летит при ветре целыми тучами. 9-го, в Николин день, был уже полный разлив, все острова были залиты, это хорошо, так как там сенокос. В городе же ничего не залило, кроме лощины против нашего дома, где в этот день ездили на лодках. В дни разлива город стал неузнаваем — на берегу большое оживление, катанье, гулянье, все как-то принарядились... Впрочем, приходы пароходов и приезды «новых лиц», конечно, будут составлять разнообразие в тихой и ровной жизни Якутска... Как мне досадно, что мое «Пасхальное красное яичко» — мой подарок, заработанный мною, пришел в Москву только сейчас, а мне так хотелось, чтобы Лиза к Пасхе купила цветок на Пасхальный стол».

1 июня 27-го г. «Мысли все время возвращаются к приезду Лизы...» (письмо к сестрам).

8 июля 27-го г. Письмо к сестрам полно беспокойства о моем путешествии, приезде, неизвестности моих дальнейших планов: останусь ли я на зиму в Якутске или вернусь в Москву: «Приходится думать, что у нее (Лизы) есть намерение остаться здесь на зиму. Мысль об этом меня очень смущает: во-первых, я продолжаю быть убежденным в том, что ее присутствие гораздо нужнее в Москве для Шуры, чем здесь». Затем идет ряд соображений о трудностях зимы для меня в условиях Якутска.

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ И ПРИЕЗД В ЯКУТСК

Здесь начинаются мои письма с пути. Ехала я целый месяц, тогда не было других способов сообщения. Выехала я из Москвы 29 июня 1927 г., в Петров день. На Ярос-

лавском вокзале меня провожало множество близких. Поезд Москва—Харбин. Прекрасно оборудованный. Семь дней до Иркутска, а дальше — грузовики, лодки, холодные ночи с грозой и ливнем, ночевки у костра на берегу Лены. Тетя Анна Дмитриевна Самарина нашла мне прекрасного спутника — Арсения Константиновича Модестова. Это был ученый ветеринарный врач, уже немолодой, ехавший на работу в Якутию на два года по договору. Очень благодушный и спокойный человек, очень приятный в пути, но будучи неприспособленным к трудностям северной жизни и направленный из Якутска в крайний поселок и пристань на Лене — Будун, он с трудом выдержал суровую зиму и сбежал в Москву. Я тогда по молодости лет не отдавала себе отчета, что такой человек был для меня прекрасным и заботливым спутником. Помню, что отец мой очень благодарил его.

Письма мои с пути длинные, подробные, написаны в часы долгих ожиданий на стоянках карандашом, почти детским почерком. Мне был тогда 21 год. Мой приезд, мое путешествие очень заботило, очень волновало отца, несомненно, много больше, чем все трудности, касавшиеся его самого! По некоторым письмам и телеграммам тех дней в Москву и Абрамцево видно, что все было для него неясно. Ни время моего выезда, ни причины задержки его, ни длительные ожидания в пути. Продолав этот длинный и сложный путь в предыдущее лето, отец не мог не волноваться за меня, и шаг за шагом мысленно следил за мною. А связи, по тем временам даже очень слабой, почти не было. Наконец он получил от меня телеграмму о пароходе, с которым я плыла от Усть-Кута до Якутска примерно 10–12 дней. По коротенькому письму о встрече нашей видно, как напряженно ждал он этого дня. А я, думаю, не меньше ждала окончания пути и свидания с отцом.

Вот что он пишет: «1(14) августа 27-го г. Дорогие мои, Вы понимаете мою радость. Сейчас 4 часа утра, я встретил Лизу в городе на краю. Вчера я целый день просидел на берегу в 6 верстах (где теперь останавливается пароход) и, так как прозяб, ушел домой, узнал в городе, пароход придет только в 3 часа ночи на сегодня. К сожалению, так устал, что проспал и, вскочив в 3 часа, побежал навстречу; встретил на краю города; ее подвезли

до этого места добрые люди. Мы прямо проехали с Лизой к доктору Бушкову, который просил, чтобы хоть ночью зайти к нему, так как он уезжает сейчас на пароходе. Он же увозит эти строки. Всех обнимаю. Поражен, как Лиза выросла!»

В моей памяти, в моем сердце необыкновенно отчетливо запечатлелось это время, и особенно ярко день приезда моего в Якутск. Путь по Лене, новые для меня просторы и строгая красота могучей реки и ее берегов, ожидание встречи с отцом после почти двухлетней разлуки и всех перенесенных за него волнений.

Так, помню ясный холодный вечер, последний на пароходе; «сибирский» красивый, но холодный закат солнца. Лена до Якутска течет одним мощным руслом и только перед городом разделяется на несколько рукавов и теряет свою мощную красоту.

Все пассажиры в напряженном ожидании, спать никто не ложится; пароход сильно опаздывает и придет в Якутск глубокой ночью. Пристани нет, так как пароходы в конце лета вынуждены приставать у островов, где позволяет глубина воды и берег. В ночной тьме появляются на берегу огни костров — это табор ожидающих. Как напряженно все ждут этой минуты, а я [...] Вот начинаются крики с парохода и с берега. Узнают друг друга только по голосам. Я вглядываюсь в тьму, жду голоса, но тщетно. Уж не случилось ли что-нибудь?! Меня и мои небольшие вещи берут на телегу встречавшие мою спутницу родители. Из разговора с ними узнаю, что накануне отец мой, как и другие, ждал тут на берегу прихода парохода. Идем в темноте по пескам между кустарниками 7 верст до города, и вот начинает светать, утро еще раннее, все спят, небо низкое, серое и холодное. При въезде в город — глубокая лощина, в которую мы спускаемся, а с противоположной стороны стремительно движется, чуть ли не бежит, отец. Как и раньше, легкий в движениях, в обычном своем летнем макинтоше и якутской шляпе на голове. В его облике видна неопишуемая радость, и я как сейчас вижу и чувствую эту минуту.

В день моего приезда состоялось переселение в отдельный домик-избушку. Владыка Гурий, Елизавета Ивановна, папа и я. Избушка совсем новая, необжитая,

на краю города. Провели электричество, которое в Якутске было всюду с дореволюционного времени. Домик наш был разделен легкими перегородками на пять частей. Владыка Гурий занимал левый передний угол, наибольший по площади, правее — за перегородкой у папы была маленькая комната в одно окно; у нас, двух девиц, была общая комната на двоих, занимавшая правый угол дома. В середине дома стояла русская печь, выходившая челом в кухню-столовую. К печке со стороны входной двери и маленькой прихожей была приложена плита. И печка, и плита топились ежедневно; зимой надо было усиленно поддерживать тепло в доме, да к тому же еще на плите таять лед в ведрах, добывая таким образом воду для питья. В доме были тройные оконные рамы, и особенно холодно не было, хотя внутренние углы сильно обледеневали. В комнате владыки Гурия совершалось ежедневно богослужение, даже и литургия, тогда протягивался занавес — временный иконостас. Из Казани, с которой Владыка Гурий был связан и по рождению и по Духовной академии, ему была прислана большая икона святителя Гурия Казанского⁸⁷. Помню, что я обычно вскакивала, когда слышала голос отца, читающего утренние молитвы. Питались мы обычно отдельно в разные часы в кухне. В праздничные дни объединялись, и Владыка Гурий, часто суровый, бывал в такие дни праздничным и благостным, любил угощать особым китайским чаем, который хранился в красивой расписной коробочке типа пагоды. Угощал он также маслинами или еще какими-либо вкусными вещами, присланными из России. В первое время по моем приезде я чувствовала в нем настороженность, он присматривался ко мне, видимо, боясь, что я внесу диссонанс в их жизнь, потом привык и стал несколько общительней, но, как я уже говорила, он был очень строгой монашеской жизни и никаких лишних разговоров в обыденной жизни не допускал. Толь-

⁸⁷ Святой архиепископ Гурий (в миру Григорий Григорьевич Руготин; ок. 1500–1563) — первый архиепископ Казанский и Свияжский. Возглавив новую епархию, архиепископ Гурий вел миссионерскую работу. За восемь лет его управления епархией было основано четыре монастыря, построен Благовещенский кафедральный собор и более десяти городских церквей. Память совершается (по юлианскому календарю): 5 декабря (в день кончины), 4 октября (обретение мощей в 1595 году), 20 июня (перенесение в 1630 году мощей в кафедральный собор Казани). (Липаков Е. В., Чугреева Н. Н. Гурий // Православная энциклопедия. Т. XIII. М., 2006. 463–469).

ко изредка, если приходил кто-либо для него приятный, он очень оживлялся и как-то по-детски хорошо смеялся. Очень любил он реку и рыбную ловлю. Он родился и вырос на Волге. Летом, очень редко, он отправлялся с кем-то из местных жителей на лодке на рыбную ловлю, с рассвета и до поздней ночи; возвращался очень усталый, но довольный. И в эти минуты увлечения делался подвижным, быстрым, живым, а возвращаясь, опять замыкался.

Очень скоро по приезду я поступила на работу в Статистическое управление. Ходила пешком через весь город около 3-х километров. В это время велась перепись населения, которую мы обрабатывали; кроме того, у меня была дома большая работа, тоже статистическая, для отделения Академии наук, и один урок английского языка с двумя детьми. Богослужение дома утром и вечером давало очень много, хоть и не всегда могла я присутствовать, но иногда и я допускалась к участию в чтении или пении. Папа один пел как-то особенно, и часто удивлял меня неожиданно новыми, тут же импровизированными напевами херувимских песен. Владыка Гурий не имел музыкального слуха и был безразличен к пению.

Одно из чудесных воспоминаний этого времени — это первый день Рождества. Когда я вернулась с работы, папа принес мне в комнату очень маленькую, настоящую, всю украшенную и с зажженными свечами елочку. Это был сюрприз, который он мне сам приготовил и доставил огромную радость. Столько любви было в этой елочке, что на всю жизнь я ее запомнила, так же, как запомнились прекрасные нарядные елки в Москве, в раннем детстве.

Помню в ноябре великолепное северное сияние, на которое мы все смотрели с восхищением. Оно было очень большое и яркое, захватывало половину небосвода. Отец позвал нас смотреть эту необыкновенную красоту в 11 часов вечера. Полная луна, ярко светившая накануне, казалась теперь бледным желтым пятном. Столбы света поднимались от горизонта, росли, колебались, меняли цвета, и все вместе качались, дрожали, переливаясь разными оттенками! Такое великолепное сияние я видела только один раз, в другие раза оно было незначительным.

В эту зиму 1927/28 г. был очень долгий перерыв в почтовом и телеграфном сообщении. В Якутии было вос-

станции. Якуты провозгласили лозунг: «Якутия для якутов» (т.е. золото Якутии). Несколько месяцев мы были отрезаны от мира, пока из Иркутска не пришли войска. В нашей повседневной жизни, работе и снабжении это не отражалось, но было беспокойно и тяжело было быть оторванным от близких.

С самой осени отец, сверх занятий переводом якутской грамматики, каждодневного участия в утреннем и вечернем богослужении, хождения в собор, уроков немецкого языка, которые он давал группе врачей, начал еще работать нештатным сотрудником в Национальной библиотеке, составляя там карточки на иностранных языках и затрачивая на это ежедневно 3 часа. Как успевал он все это делать и как хватало у него сил, сколько было энергии! Он вставал в 6 часов, даже раньше, а ложился спать не раньше половины двенадцатого.

В это время ему было 60 лет!

1928 ГОД. ЗИМА, ПОСТ, ПАСХА

Зима проходила в работе, очень размеренно. Морозы стояли сильные, 40–50° и даже ниже, это по Реомюру, но без ветра. В такие морозы в городе стоял сильнейший туман, так что в двух шагах не видно было идущего навстречу человека. Одеты мы были хорошо, по-якутски, в олений мех.

Великий Пост проводился особенно строго, с долгими службами, совсем по-монастырски. На Страстную неделю и Пасху я взяла свой отпуск. Дома Владыка Гурий служил все службы строго и чинно, с постоянным участием отца, а иногда и нашим с Елизаветой Ивановной. Бывали мы и в соборе⁸⁸, но дома было особенно хорошо в эти дни. В Якутии есть обычай — перед Пасхой принести в дом небольшие лиственницы (как у нас в России березки в Троицын день). Деревца ставят в воду, и в тепле они очень быстро распускаются и дают тонкий запах рас-

⁸⁸ Свято-Троицкий собор (1708–1728) — недействующий ныне православный собор в Якутске. Первый кафедральный собор Якутской епархии Русской Православной Церкви. Сохранился до наших дней в полуразрушенном состоянии. Колокольня полностью разрушена. 19 июля 1859 года в Троицком кафедральном соборе впервые состоялась Божественная литургия на якутском языке. Во время службы Евангелие на якутском языке прочёл сам святитель Иннокентий (Вениаминов). После революции собор был закрыт. В 1929 году с собора сняли купола, разрушили колокольню и разместили в здании Национальный театр. — *Ред.*

пускающейся лиственницы. Мы это сделали, и это было чудесно. К Пасхе мы готовились, и я впервые в жизни пробовала печь кулич на местных дрожжах из хмеля. Получился камешек, но папа хвалил и говорил, что превосходно. Была еще настоящая зима. У Пасхальной заутрени мы все — Владыка Гурий, отец, Елизавета Ивановна и я — были в соборе, куда через замерзшую воду лощины было совсем недалеко. После заутрени мы вернулись домой, и Владыка Гурий вдохновенно и необычайно торжественно служил в нашей избушке литургию.

Только что кончилось богослужение, как к домику нашему подкатили розвальни, и двое приехавших мужчин начали вносить в дом бесчисленное количество всяких вкусных вещей. Чего тут только не было: пасхи и куличи, бабы, торты (все самодельное и великолепно приготовленное), пироги, крашенные яйца и т.д. Все было заставлено и завалено этими угощениями, которые собрали для нас в соборной общине по инициативе необыкновенно энергичного, умного отца Серафима (раньше протоиерея Иннокентия), настоятеля, архимандрита из вдовых священников. Все начальные годы революции он заменял в Якутии епископа, был в Москве на Соборе, а в 1937 году был расстрелян вместе со своим помощником, очень скромным, молодым и многодетным отцом Константином.

Мой неудавшийся опыт кулича совсем померк среди великолепных даров. До Троицына дня у нас велись эти угощения.

КОНЕЦ ЖИЗНИ В АБРАМЦЕВЕ

В начале июля 1928 года до нас дошло известие о крушении Абрамцева. Еще при мне, осенью 1926 года, тетя Шура была отстранена от заведования музеем и оставлена хранителем. Появление нового заведующего было неожиданным. Это был весьма пожилой человек, совершенно чуждый искусству, да и вообще чуждый культуре, но зато ярый атеист, священник, снявший сан и приехавший с Дальнего Востока. Первое время он опирался на тетюшку и от нее черпал кое-какие знания, на которые он был способен. Но наступил момент, когда она стала ему не нужна, и 21 мая 28-го года ее арестовали. Это было

под Николин день, когда в Сергиевом посаде и Хотьково были изъяты сотни людей. После недолгого пребывания в Бутырьках тетю Шуру освободили с обязательством немедленно (не побывав в Абрамцеве) выехать за пределы Московской области (минус шесть). Мы были в большом горе, получив это известие о ее аресте. Я, конечно, не находила себе места. Оторванность, отдаленность, невозможность знать и принимать участие в ее судьбе были мучительны. Я колебалась в решении уехать, оставив отца. Но куда ехать: ни дома, ни работы впереди не было. Тетя Шура, выйдя из тюрьмы, уехала к брату своему Всеволоду Саввичу в Тульскую область.

КОНЕЦ ЯКУТСКОЙ ЖИЗНИ. ОТЪЕЗД В ОЛЁКМУ

Вскоре после этого, в августе 1928-го года, произошло событие в нашей якутской жизни, очень волнительное и все изменившее. Мы получили из Москвы посылку и много писем не почтой, а через Петра Владимировича Грунвальда; это был видный геолог Якутии, уже весьма немолодой человек. Он много лет руководил геологическими работами экспедиций в Якутию; подчинен он был Москве, и семья его была там, и он по тем временам и дорогам не один раз в год ездил из Москвы в Якутск и дальше на север и обратно. Он был очень приятный, интересный, образованный и глубокий человек. Большого роста, а главное — необычайной толщины, он с трудом проходил в узкие двери нашего домика. Его приходы и интересные разговоры были всегда очень приятны Владыке Гурию и папе. Недавно я увидела его могилу на Введенских горах в Москве.

Письма, которые он нам привез, послужили поводом к обыску, вызову в ГПУ и решению о расселении отца и Владыки Гурия в разные места. Письма были о церковных делах, о сложном вопросе местоблюстительства Патриарха, о вступлении в эту должность митрополита Сергия⁸⁹ и его обращениях, напечатанных в газетах.

⁸⁹ Митрополит Сергей (Старгородский, 1867–1944) после ареста в 1925 году Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), расстрелянного в 1937 году, ставшего священномучеником, взял на себя обязанность заместителя местоблюстителя и пытался наладить связь Церкви с яростно преследовавшей её властью, но тщетно: обращения

С отъездом тети Шуры из Абрамцева наши письма полны заботы о ней и о Юше, который лишился дома, семьи, уюта. Он работал тогда в Москве, в музее народов СССР, имел угол, но это не родной дом. Отец пишет ему: «Ты у нас сейчас один, приуроченный к определенному месту и имеющий все-таки свой угол, а мы трое бездомные скитальцы». Брат преуспевал тогда в своих занятиях фольклором, и поездки их группы во главе с Борисом Матвеевичем Соколовым сыграли роль в сохранении знаменитых Кижей.

Для нас неожиданный, хотя и все время угрожавший перевод из Якутска был нелегко. Мы сжились в нашей маленькой избушке и внутренне много получали от нашей размеренной, строгой жизни. Обрывалась также и научная работа по переводу якутской грамматики, которая была близка к окончанию. Первым уехал отец, один, с ближайшим рейсом парохода, шедшим вверх по Лене. Я осталась на некоторое время в Якутске — закончить дела на работе, ликвидировать или уложить вещи, проводить владыку Гурия и Елизавету Ивановну в Вилюйск. Они ждали рейса парохода вниз по Лене, до Вилюйска. Жили мы с ними в мире и тишине — расставаться было грустно. Я их проводила, а затем и меня проводили добрые друзья, с которыми за этот год и у меня сложились самые хорошие отношения.

ОЛЁКМИНСК. СЕНТЯБРЬ 1928-ГО-ИЮНЬ 1929 Г.

С переездом в Олёкминск жизнь наша резко изменилась и потекла по иному руслу. К моему приезду в середине сентября отцу удалось снять прекрасное помещение (что было очень трудно) в доме у сектантов-скопцов. Дом хозяйки (их было три женщины), весь уклад жизни и быт напоминали Мельникова-Печерского. Дом прекрасный, двор, в хозяйстве лошадь, корова, при доме банька — всё в изумительном порядке. При городе Олёкминске была целая слобода, выстроенная и заселенная в царское время

митрополита Сергия к православным печатались в газетах, а гонения продолжались. Действия митрополита горячо обсуждались в церковных кругах. Многие были недовольны его политикой соглашения с большевиками, планировавшими уничтожить Русскую Православную Церковь. С 12 сентября 1943 года — Патриарх Московский и всея Руси. — *Peg.*

скопцами. Они славились своими сельскохозяйственными достижениями, выращивали невиданную раньше в Якутии великолепную пшеницу и прекрасные овощи. Мы занимали две комнаты и прихожую, служившую нам столовой; нас отапливали, снабжали прекрасной водой из Лены, а не льдом, продавали нам вкусный хлеб — пшеничный, собственного печения — «калачи», снабжали нас овощами, молоком. Типичная и очень малопривятная личность была старуха хозяйка; две другие, много моложе, ее племянницы, были выписаны с Урала для привлечения в секту и передачи им наследства. С ними я дружила, и младшая, добродушная и не очень далекая, посвящала меня в тайны секты, что было очень красочно. Сначала они побаивались нас — мы были у них первыми жильцами, — а потом привыкли, и со слезами провожали в следующее лето.

В отличие от Якутска в Олёкминске рядом с городом (скорее, похожем на село) — прекрасная природа: Лена, горы, сопки, поросшие лиственницей. Главная красота — конечно, река; тут единое русло без островов, шириной примерно в 4 километра. Скоро пришла глубокая осень, жизнь на реке стала замирать, и вместе с приходом осени замерли и наши надежды на отъезд в Россию. Трехгодовой срок у отца кончался в ноябре, и мы несколько наивно думали, что нам разрешат выехать досрочно ввиду недоступности зимнего путешествия на лошадях. Мы, особенно я, по молодости лет, испытали горькое разочарование. Помню, как я стояла на берегу Лены вечером и с тоской смотрела на закат и уходивший вверх последний пароход, дававший протяжные прощальные гудки. Началась тихая зима. Отец давал уроки немецкого языка врачам в больнице. Ходили мы в церковь, где он пел и читал. Служба бывала только по воскресным дням и праздникам. Часть богослужения шла на якутском языке. Очень хорошая семья была у священника, сам он еще очень молодой, приветливая жена, хорошая хозяйка и мать, маленькие дети. Старшая девочка Тоня⁹⁰ лет 7, которую мой отец особенно полюбил, говоря, что она напоминает ему Тоню Комаровскую, его крестницу. Батюшка, наверное, несколько стеснялся отца, а матушка

⁹⁰ Комаровская Антонина Владимировна, внучатная племянница А. Д. Самарина. — *Рег.*

нашла какой-то очень верный простой тон и легко отвечала шуткой на юмор моего отца.

Я поступила на работу в школу 9-летку, вела библиотеку, была секретарем, и были у меня уроки английского языка. Ученики были якуты и якутки, довольно великовозрастные. Папа иногда посматривал в ярко освещенные окна, как я с ними занималась, и подшучивал надо мною. Дело шло неплохо. Но тут прошла чистка «совопарата», и я была «вычищена» без права поступления на какую-либо работу и восстановления в профсоюзе.

Я стала зарабатывать рукоделием: вышивкой, шитьем, стежкой ватных одеял; эти работы я хорошо знала по Хотькову. Наши хозяйки привели ко мне своих «беллиц», совсем как из заволжских скитов, они мне дали большие пальцы, и дело пошло. Мы много читали, брали книги в библиотеке, занимались английским языком.

Пришло Рождество. Морозы стояли сильные. В церкви было празднично и солнечно. Мы устроили у себя для детей батюшки елку и даже «une creche» (вертеп и ясли), как, бывало, для нас в детстве делала тетя Таня Васнецова⁹¹. Все очень удалось, хотя мы оба плохо рисовали, но как-то вырезали фигурки из картины (старого журнала) и удачно скомпоновали. Нашлась и цветная папиросная бумага. Дети были очень довольны, и мы не меньше.

Письма наши к весне все больше и больше полны мыслями о возвращении в Россию, — но куда? Надо было выбирать место «минус шесть». Москва и еще 5 крупных городов исключались. О выборе шла переписка с братом моим; назывались города: Владимир, Кострома, Киржач, Малоярославец, как города, не очень отдаленные от Москвы. Отец всецело предоставил право выбора близким; что можно было сказать из далекой Якутии?

В это время до нас дошла весть о безнадежно-тяжелой болезни о. Сергия Мансурова, а вскоре и телеграмма о его кончине. Эта весть нас поразила, мы так его любили и уважали и в этом горе особенно чувствовали свою оторванность. В письмах тех дней столько скорби об этой утрате.

⁹¹ Васнецова Татьяна Викторовна – дочь художника Виктора Михайловича Васнецова, художница, хранитель, совместно с братом, дома отца и создатель в нём мемориального музея, подруга А. С. Мамонтовой.

В мае наступила настоящая весна — «сибирская». Снег сошел, стало тепло, даже жарко, и на Николин день (22 мая)⁹² сломало лед, и он тронулся. Зрелище было грандиозное. Вода поднялась, залила огороды, спускавшиеся от домов к Лене, а луга левого берега залило сплошь, и мощь потока была огромна. Лед толщиной около двух метров шел и шел, а иногда эти глыбы или горы выталкивались на берег и оставались тут таять постепенно. Я поднималась в эти дни на ближнюю сопку, где чудесно пахло распускавшейся лиственницей, а земля была усеяна анемонами, белыми и лиловыми, с пушистой, прозрачной ножкой. С сопки был чудесный вид вдаль на Лену.

С наступлением навигации мы уже только и жили мыслями об отъезде, сборами, а главное — вопросом о получении документов, разрешающих отцу выезд.

Наши близкие в Москве выбрали для нас Кострому, где сняли небольшую комнату и маленькую вторую при кухне в одно окно, — это была последняя комната моего отца.

1929 ГОД. ПРИЕЗД В КОСТРОМУ

23 июня 1929 года мы писали последнее письмо из Олёкминска в Москву, письмо, полное большой радости о предстоящей встрече.

Мы выехали из Олёкминска во второй половине июня. Плыли вверх по Лене на хорошо устроенной пассажирской барже, которую тащил пароход, дальше — на катере, который заменил на этот раз лодки. Обратный путь проходил как-то незаметно. В Иркутске мы ждали известия о возможности ехать через Москву. Отцу так хотелось увидеть своих сестер и брата Сергея Дмитриевича. Ответ на просьбу не был получен. Дальше в пути все время ждали этого разрешения. Редко бывало такое большое, горячее желание у отца, точно он чувствовал, что брат его доживает в это время последние дни, но и в этом ему было отказано, о чем мы узнали в Вологде по телеграмме.

⁹² Праздник перенесения мощей святителя Николая из г. Мир Ликийских в г. Бари (Италия) (1087). — *Рег.*

10 июля в Костроме на вокзале нас встретила тенька. Радость свидания была неопишима. Мы водворились в доме очень милых людей — Зузиных, ставших нашими большими друзьями⁹³.

КОСТРОМА

1929 год. Каким красивым старым городом была в то время Кострома! Правда, уже не было кремля — собора и колокольни, но было еще очень много старых красивых церквей, что особенно было хорошо на крутом берегу Волги. Центр города с типичными для начала XIX века торговыми рядами, административными домами николаевской эпохи и особенно стильным зданием кордегардии и сейчас остался, но церквей и многих очаровательных домов, домиков, спусков к Волге, торговых лавок — нет. Кострома потеряла свой чудесный облик! Не было тогда и мостов через Волгу, а вокзал был за Волгой на правом ее берегу, и через Волгу плавали на пароме, а по первому льду начинали переходить пешком, что было очень впечатлительно. Кострома очень понравилась отцу, да и всем нам. Приезд на новое место, близко к Москве, омрачился печальным семейным событием — кончиной дяди Сергея Дмитриевича (19/VIII—1929 г.). Это был последний и очень любимый брат отца, и так надеялся он на свидание с ним, будучи в далекой Якутии. Папа был один в Костроме в эти дни, мы же все были в Москве на похоронах. Очень, очень тяжело было отцу, но опять в его письме звучит непоколебимая вера. Он пишет сестрам своим: «...думаю о нашем Сереже без всякого уныния и, наоборот, ощущаю душевный мир... Вместе с телесными страданиями постепенно отходило от него все земное, плотское; думаю, что и внешне осталась только одна оболочка прежнего Сережи. Зато все становилась чище и чище, освобождаясь, очищаясь от «уз плоти», а причащением Святых Тайн душа еще в этой жизни все ближе и ближе становилась к Богу, и теперь я с неизменной надеждой на милость Божию молюсь о вселении души Сережи в вечные блаженные обители!».

Очень скоро после печального события было и радостное семейное событие — свадьба моего брата, и опять

⁹³ Семья бывшего предводителя дворянства г. Костромы М. Н. Зузина. — *Рег.*

отец был лишен возможности быть в Москве и принимать участие в этом семейном торжестве. По письмам можно проследить, как принимает он все к сердцу, как близок по-настоящему к нему мой брат, несмотря на долгую разлуку и оторванность. Подлинная внутренняя близость нерушима благодаря единомыслию в основном — в вере в промысл Божий.

Жизнь в Костроме постепенно вошла в колею. День шел за днем, месяц за месяцем. Все было очень однообразно, и похож был один день на другой. Первые полтора года жили там отец и тетенька наша. Папа ежедневно по утрам уходил рано в церковь. Очень скоро по приезду он стал посещать храм Всех Святых, красиво стоявший в конце Муравьевского бульвара, высоко над Волгой⁹⁴. Там был чудесный священник отец Сергей Никольский, скромнейший, достойный всякого уважения иерей. По возрасту он был близок к отцу, но производил впечатление древнего старичка, убеленного сединами. С моим отцом они хорошо поняли и искренне полюбили друг друга. Отец стал незаменимым чтецом, певцом и регентом. Дочери о. Сергия принимали постоянно участие в церковной службе, особенно милая Наталья Сергеевна. У нас сложились очень тесные дружеские отношения с семьей Никольских, куда нас всегда приглашали в уютный патриархальный домик в дни праздников и семейных торжеств. Тут же, в церкви, познакомились мы и очень близко сошлись с Анной Владимировной. Это была удивительная русская женщина-подвижница, со сложною, трагической судьбой, принявшая в конце жизни монашество с именем Магдалины. Она была верной почитательницей и хранительницей могилы моего отца, сохранившая ее и в самые тяжелые годы войны и разрухи. После войны мы с братом были у нее, она

⁹⁴ Впервые деревянный Всехсвятский храм упоминается в костромской писцово-войсковой книге 1628 года. Впоследствии на этом месте, традиционно именовавшемся костромичами Муравьевкой, в 1756-1757 годах, взамен деревянных храмов попечением прихожан был построен каменный пятиглавый, двухэтажный, одноабсидный, в традициях архитектуры допетровского времени. На первом этаже церковного здания находился зимний Никольский храм, на втором – летний Всехсвятский. Освящение церкви состоялось в 1757 году. Причт храма в начале XX века состоял из священника и псаломщика. Церковь во имя Всех святых была закрыта в 1930 году и вскоре разрушена. По свидетельству очевидцев, при разборке храма бригадир высотников горкомхоза погиб под развалинами рухнувшей колокольни (Костромские святыни. Изд-во Костромской епархии РПЦ. Изд-е 2-е. Кострома, 2004. С.147).

как бы передала нам могилу, но и там, в Костроме, поручила наблюдение за могилой одной святой душе, до сих пор неопустительно наблюдающей за могилой⁹⁵.

Постоянное посещение храма, участие в богослужении, жизнь в церкви составляли суть жизни отца, он жил этой жизнью и горел ею.

Дома он делал всю физическую работу: носил воду из колонки, довольно далеко, колот дрова и приносил их на 2-й этаж, ходил в магазин, где бывали очереди. Так проходили будни; радостными вторжениями в эти будни были приезды из Москвы. Приезжал брат, один или с женой своей Катенькой; приезжала я (работала я в Москве и жила у Васнецовых), изредка приезжал кто-либо из близких, родных — тетья Аня, двоюродные мои сестры Варя Комаровская с Тоней, Маня Мансурова, вдова дяди Сергея Дмитриевича Ульяна Михайловна с маленьким сыном Николаем. Это была большая радость для отца. Он очень охотно и много говорил, рассказывая и вспоминая, и не менее охотно слушал приехавших; он любил и умел показывать приехавшим старую Кострому, с которой скоро сроднился. О себе я и не говорю: как радостно встречал меня отец, как умел выразить свою любовь, столько тепла никогда в жизни я не видела. Как было уютно в этих убогих комнатках, как надо было ценить то, что так скоро от нас ушло.

Отец жил в крошечной комнатке-каюте, отгороженной от общей кухни. Там было одно небольшое окно, и едва помещалась кровать — она была деревянная с сеткой, наша абрамцевская⁹⁶. Против кровати к стене был приделан простой дощатый откидной столик, очень небольшой — это был его «письменный» стол, за которым он мог писать, *сидя на кровати*. Иконы были над кроватью. Над столиком на стене висели фотографии — моей матери, родителей отца и вообще самых близких людей. При входе просто на гвозде висела одежда и кое-что из вещей,

⁹⁵ Александрово-Невское кладбище превращено в парк в 1980 году. Территория сохраняется как мемориал Воинской славы «Вечный огонь». Место могилы по ходатайству митрополита Феропонта (Кашина) будет отмечено каменным крестом по решению городской думы Костромы от 29 сентября 2017 года. — *Рег.*

⁹⁶ Очень прочная и удобная кровать сделана для раненых воинов в лазарете, который Александр Дмитриевич развернул в семейном имении Абрамцево. Она и сейчас используется по назначению его внуком. — *Рег.*

книги лежали на полу. Ничего больше поместить в этой полутемной и полухолодной каморке было невозможно. За стеной, с дверью из коридора, была наша с тетей комната *в два* окна, квадратная. Она была значительно больше и лучше, но тоже небольшая, только много выше и светлее, чем папина каморка. У нас в углу стоял киот с иконами, между окнами обеденный стол, кровать и диван вдоль стен. Вещи были из Абрамцева, и было уютно. Если кто приезжал или приходил, то всегда сидели в этой комнате.

В эти годы, с 1929-го по 1932-й, было очень много волнений и расхождений в церковных вопросах. Все это очень волновало отца, ему хотелось все знать. Он понимал и сочувствовал тем из духовных лиц, кто решался смело высказывать свои взгляды, не соглашаясь с заявлениями митрополита Сергия — заместителя местоблюстителя Патриаршего Престола. В это время углублялся раскол; одни поминали митрополита Сергия и власть, другие продолжали помянуть митрополита Петра, который был оставлен местоблюстителем самим покойным патриархом Тихоном. Но митрополит Петр был все эти годы в ссылках, и неизвестно было даже, жив ли он. Было время, когда, остро воспринимая весь этот раскол, многие очень приверженные к церкви православные люди переставали посещать храмы, поминавшие и подчиненные митрополиту Сергию. Тетя рассказывала, что после долгих колебаний и отец пришел к решению — не ходить в храм. Но, как она говорила, «с первого же дня своего отхода он затосковал, впал в уныние (чего с ним никогда не бывало) и сказал, что без храма, без богослужения он жить не может, и будет ходить». Внутренне он был на стороне «непоминающих» (так тогда называли отделившихся, и их было очень много).

Весной 1931 года мне срочно дали знать в Москву (я тогда жила у Васнецовых и работала в статистике), что и отец и тетя арестованы. Я немедленно выехала в Кострому и нашла их обоих в Костромской тюрьме. Это было время многочисленных арестов «за золото». Изымали золото у прежних богатых людей, и ГПУ предположило, что мой отец и тетя скрывают какие-то ценности хозяев дома, в котором мы жили. Самих хозяев Зузиных уже не было в Костроме: он был выслан на Урал, жена и кто-

то из детей уехали за ним, остальные рассеялись по разным городам. Я ходила в ГПУ, носила передачи в тюрьму и, приведя в порядок жилище наше, после обыска перевернутое вверх дном, поехала в Москву, чтобы уволиться с работы и переехать в Кострому. Все было оформлено очень быстро, но, к великой моей радости, в день отъезда из Москвы я получила телеграмму об освобождении отца и тети. Как же мой брат и я были счастливы! Все же я решила не менять своего намерения, и, видимо, так было нужно. Бог привел меня пожить около отца последние месяцы его жизни, с июня 1931 года по январь 1932 года. До сих пор принимаю и понимаю это как великую милость Божию ко мне, да и не только ко мне, но и ко всем нам.

Я очень скоро поступила на работу счетоводом в торговую организацию водного транспорта. Работы было чрезмерно много, и она была невероятно нудная, но выбора не было, надо было и этим быть довольной, а дома было тепло и уютно. В ноябре 1931 года кончился трехгодичный срок «минус шесть», данный отцу после Якутии, и мы стали ждать с нетерпением дальнейшего сдвига. Я все надеялась, что папа получит разрешение приблизиться к Москве. Его вызывали неоднократно в ГПУ, вызывали и меня и, по-видимому, ждали каких-то указаний из Москвы. Помню, как один раз я развивала какие-то мечты и планы о переезде в скором времени, и папа, слушавший меня, вдруг сказал с грустью: «Ну, вы поедете, а я уже здесь останусь». Я разгорячилась и стала возмущаться такими словами, говоря, что он прекрасно понимает, что мы без него никуда не поедem, и т.д., а он грустно умолк. Было ли у него какое-то предчувствие? — не знаю. Зима была суровая, морозная. Плохо было с едой, особенно для отца. Его больному желудку надо было бы есть легкую пищу, но ее не было. Хлеб тяжелый, картошка, льняное масло и чечевица — вот основная пища. На базаре покупали молоко.

Перед Рождеством, помню, как отец говел и сказал: «Как хорошо, в этот раз я за всю жизнь исповедался».

Празднично прошли дни Рождества Христова и Святки, все ждали приезда моего брата. Наконец, он приехал в крещенский сочельник утром, пришел в церковь и принимал участие в чтении паремий и пении.

Папа был очень доволен, но и критиковал его чтение. У брата был блестящий слух, но настоящего голоса не было. Он мог руководить хором, помогать в любой партии, но сам переходил, любил переходить из голоса в голос. По тембру у него скорее был баритон. Он очень любил и знал хорошо церковную службу. В последние приезды его ко мне в Поленово я всегда просила его поиграть на фисгармонии, и он с любовью наигрывал «Тебе одеющегося» Турчанинова или киевского распева «Егда от древа».

В это время церковь Всех Святых на Муравьевке была уже закрыта, и о. Сергей, а с ним и отец мой, перешли неподалеку, тоже над Волгой, в церковь святых Бориса и Глеба⁹⁷.

Иногда в будние дни мы с отцом пели вдвоем, если мне удавалось пойти в церковь до работы. Особенно помню, как любил он две херувимские песни: одна называлась «На разорение Москвы» (другого названия ее я не знаю) — печальная, минорная, тягучая, и вторая «Софроньевская» — очень красивая по мелодии и простая. Я-то была далеко не первостепенной певицей, но на фоне его прекрасного голоса и опоры — получалось. И как я это любила! Еще очень часто пели мы канон Божией Матери «Скорбных наведение» московским распевом.

Приезд брата моего на Крещение был последним при жизни отца, и как он радовался свиданию с сыном, как был оживлен, как много говорил! Никто и поду-

⁹⁷ Церковь свв. Бориса и Глеба находилась на углу Всехсвятской улицы и Борисоглебского переулка. Первое упоминание о Борисоглебской церкви относится к 1628 году, когда на ее месте располагались деревянные храмы по имя свв. Бориса и Глеба и прп. Симеона Столпника. В конце XVII столетия вместо деревянных храмов на средства петербургского купца И. Д. Белянкина и костромского купца С. И. Котельникова был возведен пятиглавый каменный храм с двумя приделами (правый – во имя Трех святителей, левый – во имя преподобного Симеона Столпника), освящение которого состоялось в 1800 году. В начале 40-х гг. XIX столетия, после перемещения резиденции костромского губернатора в непосредственную близость с Борисоглебской церковью, она приобрела неофициальный статус «губернаторского храма». Большая часть периода ее истории связана с именем прот. Алексия Андронникова (1831–1918), происходившего из старинного священнического рода (его отец был настоятелем Преображенского собора г. Чухломы). В 1918 году он был убит прибравшимися в дом грабителями ножом в грудь. В начале тридцатых годов XX века хором Борисоглебской церкви управлял А. Д. Самарин (1868–1932). Здесь состоялось его отпевание. В ноябре 1934 года Борисоглебская церковь была закрыта «по требованию студентов Текстильного института», а осенью 1935 года – разрушена. При ее разборке предполагалось получить 700 кубометров камня и 200 тысяч штук красного кирпича. В 50-е годы XX века на месте храма построен жилой дом (ул. Крестьянская 12/7). (Костромские святыни. Изд-во Костромской епархии РПЦ. Изд-е 2-е. Кострома, 2004. С. 142–143).

мать не мог, что всего несколько дней остается ему жить на земле.

БОЛЕЗНЬ. КОНЧИНА

Отец болел всего два дня. 28 января, по-видимому, у него уже начались боли в кишечнике, но сначала не сильные. Кажется мне, что еще 29-го утром он ходил в церковь, но придя слег. Боли усиливались. Вернувшись с работы вечером, я нашла его сильно осунувшимся. Лежал он еще у себя. Принимались всякие домашние меры, но боли усиливались, и была явная непроходимость кишок. На 30-е, утром, мы вызвали доктора частного, к которому отец не раз обращался. Очень хороший врач, почтенный старик. Он пришел 30-го утром и нашел положение очень серьезным. Полная непроходимость кишок и необходимость срочной операции. В это время отец лежал уже не у себя, а на диване в нашей комнате. Боли становились у отца невыносимыми, он так изменился и осунулся, что видно было и нам, насколько положение тяжелое.

В это утро приходила Анна Владимировна, и вот ее запись, хранящаяся у меня: «Что было говорено в первые моменты после моего прихода — я не могу вспомнить. Я, вероятно, даже не слышала, так как была совсем убита, поражена видом Александра Дмитриевича, долго не могла прийти в себя.

Первое, что вспоминаю, сказал Александр Дмитриевич: «Уж очень сильные боли, утром хоть отпускали на время, теперь не переставая; меняю положение, ничего не помогает», — и в это время он все двигал то руками, то ногами, натягивал одеяло, все стараясь как будто утишить боль. «В больницу я решаюсь, может быть, там хоть немного успокоят боль». Александра Саввишна стала приготовляться к принятию батюшки, я встала, хотела уйти, боясь помешать. Александр Дмитриевич сказал: «Какая же может быть от Вас помеха». Я сказала, что надо собраться в больницу, на это Александр Дмитриевич сказал: «Нечего собирать, мне хотелось бы взять с собою только образок преподобного Серафима, Вы знаете порядки больницы, разрешается ли это или нет? Взять еще разве

маленький кусочек мыла, да нет, не надо, попрошу, когда понадобится». Александра Саввишна вышла, и Александр Дмитриевич сказал: «Чувствую, что силы мои все слабеют, слабеют. Если будет операция, я уже не вернусь, не перенесу я, тогда Вас прошу — за меня молитесь, Анна Владимировна, и простите меня». На это я сказала, что прощать мне не приходится — нечего, что скорее я раздражала Александра Дмитриевича. Он мне ответил: «Если когда я и говорил Вам что, то только любовно, а не раздражаясь». Затем вошли о. Сергей и Александра Саввишна. Я вышла».

Отец Сергей с любовью причастил отца Святых Тайн. Я побежала доставать «скорую помощь», чтобы немедленно везти отца в больницу. Когда все ушли, я вернулась, заказав «скорую помощь». Мы остались втроем. Боли у отца были сильнее, и он говорил совсем спокойно: «Я, вероятно, не выживу — умру». Он пожелал благословить меня иконкой преподобного Серафима и сказал, думая о моем брате и обо мне: «Мне пора умирать. Вы теперь взрослые, должны жить своим умом. Я жил последнее время только молитвой и вашей любовью. Спасибо вам за все».

Около 2-х часов пришла машина «скорой помощи», и отца на носилках вынесли со 2-го этажа. Я поехала с ним. В больнице начались долгие процедуры приема, ванны и так далее, а боли не ослабевали. Я понимала, что операция нужна немедленно, что может быть уже поздно — доктор еще утром сказал о крайней ее необходимости. Я страшно волновалась, ходила к хирургу, говорила, что атропин спасал раньше отца, но получила суровый ответ, что они знают лучше меня, что делать, и, видимо, считали, что этому (авторское подчёркивание. — Е. С.-Ч.) больному операции делать не следует (его положение ссыльного в больнице знали). Отец видел мое волнение и возбужденность и сказал мне: «Главное — не надо раздражаться!» Сколько раз говорил он это мне, и насколько умел он сам никогда не раздражаться, а все принимать от руки Божией! Оставив отца в палате, я почти бегом направилась в переговорную телефона, чтобы дать знать в Москву брату и другим родным. На обратном пути я забежала в церковь Бориса и Глеба, где все пере-

живали с нами волнение, начиная с о. Сергия. В больницу мы пришли с тетей Шурой, и врач нам объявил, что операция сделана, но это было бесполезно, и надежды нет, поэтому нас тут же допустили к папе, который лежал один в каком-то служебном помещении. Вскоре пришла Анна Владимировна. Отец лежал неподвижно и спокойно на спине, он был очень слаб. Вот что потом записала тетья Шура: «В больнице, до операции, слова Саши приблизительно: «Больно очень сильно, все хуже, если доживу до утра, принесите для питья кружку, здесь пьют из своих. Когда сел в ванну, было облегченье. Прощай. Когда придете узнавать, не удивляйтесь, если скажут вам, что я умер». После операции слабым голосом, почти шепотом, на вопрос мой ответил: «Болит не так сильно, но всё-таки схватки есть». Пожелал поцеловать Лизу и меня. Операции не чувствовал. «Болят мускулы плечей, — потому что неловко держали, когда несли»; «Удачно ли сделана операция?» (По-видимому, мы ответили что-то неопределенное.) Он продолжает: «Холодно. Зябнут ноги. Левая пятка. Хотел бы глубоко вздохнуть, но не могу. На руках немеют пальцы. Анна Владимировна, читайте канон Божией Матери. Он есть в толстой книге». (Читать стала я на память, по-моему, «Скорбных наведение», что мы так любили петь. — Е. С.-Ч.) Отец поправлял слова молитв, в которых Лиза ошибалась».

Потом поднял вверх широко-широко открытые глаза, как бы увидев что-то невидимое для нас, и сказал: «Днесь благовернии людие светло празднуем...»⁹⁸ Конец... Ни агонии, ни вдоха, ни смятения, торжественный покой. Мы замерли и долго стояли на коленях в эти удивительные минуты тишины.

Скончался отец мой 30 января 1932 года в 11 часов вечера.

ПОХОРОНЫ. ЛЮБОВЬ И ДАНЬ БЛИЗКИХ. МОГИЛА

Бедный брат мой приехал рано утром 31 января с первым возможным поездом. Он нашел нас с тетенькой дома и все понял.

⁹⁸ Тропарь Покрову Пресвятой Богородицы. — *Рег.*

На следующее утро приехала тетя Аня, Катя (Юшина жена), Нина Фудель, Дмитрий Васильевич Поленов⁹⁹ — вот все, кого я помню из приехавших близких. Бесконечно много помогала в эти дни Марина Матвеева (Беляева)¹⁰⁰, жившая тогда в Костроме («минус шесть»), она и тогда была верным, искренним другом. Анна Владимировна, семья Никольских, были все около. Прямо из больницы гроб привезли в храм Бориса и Глеба. Как удивительно, что жизнь отца с самого раннего детства и до кончины была связана с храмами во имя этих святых. Отпевали отца три священника; кто был кроме о. Сергия Никольского, который глубоко переживал кончину моего отца, я не помню, но кто-то местный, костромской.

Не один раз при жизни отец говорил, что ему хотелось бы, чтобы при его погребении пели Софрониевскую Херувимскую и запричастный стих «Чертог Твой» Бортнянского. Это исполнил маленький и скорбный хор, потерявший свою опору, своего регента. Скромнейший отец Сергей сказал над гробом такое же, как он сам, скорбное слово, полное глубокого понимания и уважения к отцу моему (сам он своими умелыми руками сделал к полугоду чудесный деревянный крест с крышей, и в том же году и сам скончался, и похоронен недалеко от моего отца). По моей просьбе отпевание служили полное. Я решила покрыть лицо после отпевания «воздухом», присланным ему с мощей преподобного Серафима в ссылку (чем смутила многих женщин, решивших, что он имел сан иерея, а сана он не имел, но это было в последние годы самым заветным его желанием). Затем гроб везли на санях, на лошади, на кладбище.

До 40-го дня приезжали еще близкие; кончина была настолько неожиданной, что на похороны попасть было очень трудно. А сколько писем я тогда получила! Они и сейчас хранятся у меня, как многоголосый хор, провожающий уход отца моего в иной мир.

В том же 1932 году весной мы с тетенькой покинули Кострому, но могила отца охранялась любовью и забо-

⁹⁹ Поленов Дмитрий Васильевич (1886–1967) – сын художника, первый директор музея-усадьбы В. Д. Поленова. – *Рег.*

¹⁰⁰ Беляева Марина Александровна (сконч. 1979 г.) – супруга прот. Алексия Беляева (сконч. 1987 г.), духовного отца Е. А. Чернышевой. – *Рег.*

той почитавших его память людей. В дни войны и разрухи уничтожены были деревянный крест (сделанный о. Сергием) и ограда, но тогда Анна Владимировна своими руками поставила маленький, как бы детский железный крестик. Позднее мы с братом были вместе в Костроме, и Анна Владимировна, уже совсем старая и больная, рассказала, что пришлось ей пережить, охраняя могилу отца. Брат поставил тогда металлический крест и деревянную ограду, которые стоят и сейчас. Кладбище старое, давно закрытое, заросло не только огромными деревьями, но и кустарником, но могила цела и сейчас, охраняема доброй душой, получившей этот завет от Анны Владимировны, и помнящей отца.

Прошло с тех пор 42 года. Годы необычайно трудные, мучительные, сложные, но ничто не может изгладить из «памяти сердца» всего, что связано, срослось для нас, моего брата и меня, а теперь уже только для меня, со светлым, мужественным, всегда бодрым и чистейшим образом нашего отца.

Его заветы, его твердая вера в Бога и промысл Божий, его образ мыслей и отношение к жизни и людям и его поистине христианская кончина до конца дней моих останутся для меня самым дорогим, незабываемым образом.

Закончить мои записи мне хочется, дерзновенно поместив слова апостола Павла о себе самом: «Подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды... и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его» (2-ое послание к Тимофею, глава 4).

*День Покрова Пресвятой Богородицы.
14 октября 1974 г.*

А. И. ЖИРКОВА-АСТАПОВА

ВОСПОМИНАНИЯ АНТОНИНЫ ИОСИФОВНЫ ЖИРКОВОЙ,

ДОЧЕРИ ПРОТОИЕРЕЯ ИОСИФА, ПОСЛЕДНЕГО
ПАСТЫРЯ СПАССКОГО СОБОРА ГОРОДА
ОЛЁКМИНСКА, СЛУЖИВШЕГО РАНЕЕ
В ГРАДОЯКУТСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.
20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА¹

МОЙ отец Иосиф Николаевич Жирков² в 1916 году окончил Якутскую духовную семинарию³. В этом же году он женился на дочери крестьянина села Покровска Припузовой Ольге Васильевне и от епископа Евфимия⁴ получил назначение вторым священником в Никольскую церковь⁵, в которой настоятелем был отец Алексей Охлопков⁶.

¹ Текст записок А. И. Жирковой был опубликован в журнале «Полярная звезда», 2002 г., № 6.

² Священник Иосиф Николаевич Жирков († 1941). – *Рег.*

³ Якутская духовная семинария — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священно- и церковнослужителей. С 1858 по 1870 и с 1884 по 1920 годы действовала как среднее духовное учебное заведение, ставшее первым профессиональным учебным заведением на территории Якутии и сыграло очень важную роль в распространении грамотности. Возобновлена 5 октября 2011 года решением Священного синода РПЦ. – *Рег.*

⁴ Епископ Якутский Евфимий (Лапин, 1873–1938). – *Рег.*

⁵ Ныне действующий ГрадоЯкутский Никольский храм. «Известно, что первая деревянная Никольская церковь была построена в 1718 году. По прошествии времени, в 1791 году, стали строить каменную церковь, которая из-за сильного землетрясения, повредившего фундамент, была разобрана. В 1851 году все основные строительные работы были завершены. В 1930-е годы церковь была закрыта. Несмотря на то, что церковь была разорена, само здание не было разрушено». ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rivertourist.ru/viewtopic.php?t=2395&p=66937>). «Из всех существовавших в Якутске православных храмов только одна церковь сохранила свой первоначальный вид и объемы. Такое необычное для советского города обстоятельство объяснялось тем, что в ней, как ни странно, до конца 1970-х годов размещался партийный архив областной организации КПСС». ([Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yakutskhistory.net/духовная-жизнь/никольская-церковь/>). – *Рег.*

⁶ Охлопков Алексей Прокопьевич родился в 1872 г., Якутия, Намский улус, Модутский наслег. Проживал: г. Якутск. Арестован 28 сентября 1931 г. Приговорен: особое совещание при Коллегии ОГПУ 2 декабря 1931 г., обв.: ст.58-10 УК РСФСР. Приговор: выслан в Северный край на 3 года. Реабилитирован 14 февраля 1991 г.

Я, Жиркова Антонина Иосифовна, родилась в 1918 году. Кроме моих родителей окружали меня любовью, заботой и лаской моя бабушка Жиркова Параскева Николаевна и дядя Коля – брат моего папочки.

Со временем круг моих знакомств расширился. Появились у меня друзья – сверстники, дети отца настоятеля, с ними жили мы в одном дворе, в ограде Никольского храма, в причтовых домах.

Постепенно росли мои знания об окружающем мире. Я слышала тревожные разговоры среди окружающих меня людей, понимала, что близкие чего-то боятся, и уже сама ощущала страх, но, как и все дети, любопытствовала. Я узнавала от своих родителей, что очень было беспокойное время, но лишь позднее, в 1924 г., моя мама решилась мне рассказать о происшествии, случившемся в 1918 или в 1919 году.

Однажды, когда папа был дома, мама увидела в окно идущих в сторону нашего дома двух вооруженных солдат. Она сразу позвала папу в спальню и, убрав с кровати перину, заставила его лечь на доски кровати, сверху накрыла периной, а на перину положила меня, маленькую. Солдаты вошли в спальню и начали требовательно спрашивать: «Где поп?» Мама ответила, что его нет дома. Вот таким образом она спасла нашего папу.

Наступил 1920 год. Я стала больше прислушиваться к разговорам взрослых, и мной, как и всеми в доме, овладевало чувство страха.

Как-то летом все вдруг засуетились, засобирались, стали выносить вещи в телегу. Папа с дядей Колей запрягли лошадь Савраску, закрыли дом и все мы поехали. Я, конечно, не понимала, куда едем. Оказалось – в лес. А когда возвратились, все в доме было раскидано, открыты сундук, гардероб. Исчезла мамина свадебная фата с венцом и белые женские туфли. Что можно было взять с молодой пары в то время? Это были солдаты. Напакостили, как говорили взрослые, и скрылись. Я догадалась, что мы ездили в лес скрываться от солдат.

Время шло, моя тревога нарастала. Временами я забывалась, как все дети, отвлекалась, летом играла с соседскими ребятами. Возле храма росла зеленая трава и цветы, и еще помню красивые памятники на могилах. Я была младше всех.

Вспоминаю, посетил нас священник Николай Нифонтов⁷. Он походил на якута. Был одет в рясу, волнистые волосы были распущены. Батюшка обратил на меня внимание, погладил по голове. А через некоторое время я услышала, что его арестовали, привязали к дереву и издевательски убили штыками. Недалеко от нас, ближе к горам, был лес. Мы пребывали в страхе и боялись за нашего папочку. Чем я становилась старше, тем больше за него переживала.

Меня уже тогда трогало папино терпение, выдержка, спокойствие, внимательное отношение к людям, как к детям, так и ко взрослым. В 1921 году, после закрытия Якутского монастыря жил у папы в кабинете монаха, отец Варлаам. Он кушал с нами за одним столом и был мне другом. После того, как нас выселили из дома, я его больше не встречала.

Приближался 1922 год. Со стороны властей шла мобилизация грамотных граждан для работы в государственных учреждениях. Наш папа был направлен работать секретарем в ветеринарную лечебницу. Я с мамой встречала его у ворот ежедневно в три часа дня. Однажды в его отсутствие к нам в дом ворвались вооруженные солдаты со штыками наголо и криками: «Собирайтесь! Освобождайте немедленно дом!». Эта сцена запечатлелась в моей памяти на всю жизнь. Дядя Коля стал запрягать лошадь в телегу, бабушка с мамой собирали вещи, а я складывала свои игрушки и книжки. В этот момент один солдат подхватил штыком мою куклу и отбросил в сторону. Я заплакала. Мама стала успокаивать меня и поить сладкой водой (так раньше было принято успокаивать детей).

Наша семья тяжело перенесла неожиданное переселение. Но я оказалась у своих родных – в большой семье Жирковых – деда Порфирия Порфирьевича, бабушки Сани, дяди Порфиши, тети Милы и их детей Лизы и Нюры. Я хорошо и интересно провела лето. За это время наша семья нашла дом для житья на следующую зиму.

Папа продолжал служить в Никольской церкви и одновременно работал в ветеринарной лечебнице. Переехали мы в небольшой дом, недалеко от Якутского

⁷ Нифонтов Николай Иннокентиевич (ок. 1867-?), член Собора Православной Российской Церкви в 1917.08.17-1918.04.07/20. Протоиерей, инспектор Якутской духовной семинарии. – *Рег.*

кафедрального собора, куда мы с мамой ходили теперь молиться. Там служил священник Константин Некрасов⁸. Батюшка называл меня «симпатией». Я всегда старалась к нему подойти, и он давал мне держать свой служебник. Он был очень внимателен к детям, видимо, потому, что у него была большая семья. Отец Константин и его матушка запомнились мне на всю жизнь.

Прошло немного времени, и мы услышали страшную весть о том, что отца Константина Некрасова схватили, а затем утопили в проруби реки Лены⁹. Мы все переживали это и не хотели верить, но никогда больше батюшку не встречали. Светлой памятью вспоминали мы и многие люди отца Константина Некрасова. Я до сих пор рассказываю о нем своей дочери.

Шла весна, наступил Великий пост. С Божией помощью дожили мы до Страстной седмицы. Пасхальная служба планировалась лишь в одном кафедральном соборе, там должны были собраться все верующие. И вот до нашей семьи дошли страшные вести. Говорили, что во время крестного хода вокруг собора расстреляют идущего впереди священника. Поскольку отец наш был младше всех, он должен был идти первым.

Он не испугался, мы все пошли в собор на Пасхальную службу. Колокольный звон не мог разогнать всеобщего страха. Люди верили в то, что при таком гонении на православие может произойти самое страшное. Мне было всего года четыре, я очень боялась, что первая пуля попадет в папу. Но, слава Богу, все прошло спокойно. После Пасхального крестного хода вокруг собора мы вернулись в храм с радостью, что папочка был живой. Никто из нас не мог и предположить, какие еще гонения и страсти предстоит испытать нам за веру Христову.

Бабушка с дядей Колей освободили от квартирантов свой дом (сейчас это ул. Орджоникидзе, д. 40) и, проски-

⁸ Священник Некрасов Константин Иванович (1889–1930). Тройкой при Якутском облотделе ОГПУ 11/04/1930 г. обвинялся в том, что «являлся помощником архимандрита Серафима во всех его к-р действиях», «вел к-р работу, направленную к свержению сов. власти». Статья ст. 58-2, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Виновым себя о. Константин не признал. Приговор: высшая мера наказания — расстрел. Групповое дело «Дело Якутской контрреволюционной группировки. Якутск, 1930 г.» (См.: Архив УФСБ по Республике Саха (Якутия). Д.3303-р).

⁹ По данным Национального архива РС (Я), священник Константин Иванович Некрасов был расстрелян в 1930 г. – *Рег.*

тавшись год по людям, мы переехали в него. Дядя Коля перевозил вещи на Савраске в телеге, а затем перевез и нас. Мне в своем доме и во дворе очень нравилось. В другом доме жил дядя Митя, папин брат. У него были дети, с которыми я любила играть во дворе, зимой мы с двоюродными сестрой и братьями катались в санках.

Молиться я с мамой ходила в ближайшую к нам Предтеченскую церковь¹⁰. Настоятелем в ней был отец Михаил Охлопков¹¹.

В 1924 году в нашей семье родилась сестренка Галя. Нас теперь стало четверо. Ближе к весне папа с дядей Колей ездили на пашню (она находилась там, где сейчас расположен аэропорт), готовились к посеву зерновых. В те времена пекарен было очень мало, поэтому люди имели свои земли. Кроме зерна, сажали также картофель. Папа брал меня с собой, мы добирались туда на своей Савраске.

В августе этого же года архиерей Евфимий¹² благословил папу на службу в Спасский собор¹³ г. Олек-

¹⁰ Предтеченская каменная церковь построена в 1820 г. на средства купчихи Н. М. Колесовой. — *Рег.*

¹¹ Протоиерей Охлопков Михаил Прокопьевич (1871–1939). С 1923 по 1931 год служил священником в Предтеченской церкви Якутска. В 1926 г. был завербован ОГПУ, но о «к/р деятельности служителей культа» не информировал, а доносил, что священники занимаются только служением Богу и восхваляют соввласть. О том, чем интересуется ГПУ, периодически сообщал близким ему священникам, читал проповеди антисоветского характера каждую службу, по-видимому, считая, что теперь за ним наблюдения не будет. До 01.03.1931 г. был священником, позже работал регистратором в трахоматозном диспансере. Арестован 04.11.1938 г. Обвинение «участие в к/р церковно-монархической организации». Статья ст.58–2,58–11 УК РСФСР Групповое дело «Дело прот. Михаила Охлопкова и др. Якутск, 1939 г.» 15.05.1939 г. было принято решение дело прекратить, содержание под стражей отменить и немедленно освободить. Дальнейшая судьба неизвестна. (Архив УФСБ по Республике Саха (Якутия). Д.1490-р.).

¹² Епископ Евфимий (Лапин (1873–1938)) – управлял самостоятельной Якутской и Вилюйской епархией с 26 января 1916 по июнь 1920. Якутская епархия в 1912: церквей – 122, часовен и молитвенных домов – 141, монастырей – 2. Духовная семинария, 2 духовных училища, епархиальное женское училище, миссионерское училище, 58 церковных школ. Библиотек при церквях – 110. Принимал участие в Священном соборе Российской Православной Церкви в Москве 1917 – 1918 годов. На Соборе отказался участвовать в избрании кандидатов в Патриархи, т.к. его не устраивал порядок избрания за его недоработанность. По некоторым сведениям, проживал в Новосибирске, где был арестован в конце 1937 года. Расстрелян в марте 1938 года в Новосибирске и погребен в безвестной могиле. См.: Галкин А. К. Евфимий (Лапин Евгений Николаевич). Православная энциклопедия, Т. 17, С. 417–418.

¹³ До строительства каменной в г. Олёкминске действовала деревянная Спасская церковь. Каменный двухэтажный, с двумя престолами (по одному на каждом этаже) храм с колокольней был построен и освящён епископом Якутским и Вилюйским Дионисием (Хитровым) в 1870 году. Возведённая на средства прихожан и частных жертвователей церковь

минска на место усопшего настоятеля отца Иоанна Рождествина.

Я шестилетняя была рада предстоящему путешествию, и в то же время мне было грустно расставаться с родными, с моей дорогой бабушкой и с дядей Колей. Мы спешно собрались в дорогу. Простившись с родными и знакомыми, заняли каюту на пароходе. Название корабля было написано на колесе: «Диктатор».

С Божией помощью мы отправились вверх по течению реки Лены. До самого села Табага плыли среди множества островов. Миновав Табагинский мыс, мы стали ждать мамин родной Покровск. Когда корабль приблизился к селу, первыми на высоком ленском берегу показались три церкви – «три сестры» (так называла их мама, когда мы ездили раньше на пароходах в гости к бабушке и всем родным). На первом плане возвышались две деревянные ветхие церкви, а за ними виднелось белое здание кирпичной церкви, освященной в честь праздника Покрова Божией Матери.

Я и моя дочь имеем большое желание, чтобы вновь открывшаяся церковь носила бы прежнее название «Покрова Пресвятой Богородицы». Как и раньше, отмечали бы мы ежегодно 14 октября престольный праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Я замечаю, что большинство коренных жителей Покровска помнят этот праздник и в настоящее время¹⁴.

Мы с папой стояли на палубе и любовались чудесными пейзажами, пока матросы грузили дрова; не могли

стала украшением и духовным центром Олёкминска. Указом Синода в 1883 г. она была переименована в Олёкминский Спасский собор. При нём имелась библиотека с книгами церковно-нравственного содержания. А с сентября 1902 года действовала двухклассная церковно-приходская школа. В ограде храма находилось кладбище. В годы советской власти в святом храме устроили сначала общественный клуб, затем – Дом культуры. Купола и кресты сняли, сделали пристройку. В середине 90-х годов здание собора было передано Якутской епархии, и архиепископ Якутский и Ленский Герман принял решение о восстановлении Олёкминского храма.

¹⁴ Покрoвск — административный центр Хангаласского улуса Республики Саха (Якутия). 26 сентября 1997 года ему присвоен статус города. В Покровске в XIX веке побывали русские писатели: Иван Александрович Гончаров, автор романов «Обломов» и «Фрегат Паллада»; Владимир Галактионович Короленко, описавший в своих рассказах «Государевы ямщики», «Ат-Дабан» быт и нравы местных ямщиков; известный путешественник, автор книги «Поездка в Якутск» Николай Семенович Щукин; писатель, этнограф Вацлав Леопольдович Серошевский, автор знаменитого фундаментального труда «Якуты», и многие другие. – *Рег.*

оторвать глаз от Ленских столбов, которые возвышались по левому борту. Команда парохода и капитан относились к отцу Иосифу уважительно, никто нас не обижал. За Покровскими владениями показалось село Саньяхта, его еще не разрушенная церковь, затем мы проплыли мимо церкви села Харанцы Олекминского района. Обе церкви были деревянной постройки. Потом миновали село Урицкое, где тоже стояла церковь.

Преодолев 800 километров, на седьмые сутки мы увидели город Олекминск. У большой сопки на пологом берегу Лены расположились деревянные административные здания и жилые дома, а по середине, между ними величественно красовался Олекминский Спасский собор.

Когда мы выгрузились с парохода, нас повезли на лошади к новому жилью. Комната была приготовлена у одной доброй хозяйки – Вологдиной Анисии Алексеевны, с которой мы дружили до самого отъезда из г. Олекминска. Только через год мы нашли вблизи храма домик-флигель, хозяевами которого были Седалищевы. В нем наша семья прожила 7 лет.

Иногда церковное правление собиралось у нас дома, и я начала понимать, какую ответственность за храм и людей нужно было нести отцу. Он поручал членам правления продажу во время богослужения свечей, крестиков, все необходимое для церковных нужд сам выписывал из Москвы. Папа вел приходо-расходную книгу. По ней он отчитывался перед правлением.

Главным хозяйственным делом была заготовка дров. За их вывоз отвечали уполномоченные по деревням. Во время ежегодной летней ярмарки закупались необходимые для ремонта храма материалы, мука для приготовления просфор и хлебцев, специальные материалы для поделки цветов и гирлянд к праздникам. На летней ярмарке все было дешевле, так как торговые организации заранее заготавливали товары в верховьях реки Лены, и потом самым недорогим водным путем они спускались вниз по течению до г. Якутска, останавливаясь в населенных пунктах.

Подготовка к празднованию Святой Пасхи начиналась с первой недели Великого поста. Женщины в свободные вечера собирались по квартирам и из заготовленных

материалов делали цветы для украшения храма, в назначенное время мыли высокие потолки, мужчины соорудили леса для удобства выполнения работ. Посмотрите на фото, и вы увидите, какая высота. Отец наш отвечал за жизни людей и следил за безопасностью.

Батюшка наш Иосиф придерживался всех старинных обычаев олекминского храма, заведенных отцом Иоанном Рождественным. Во-первых, по просьбе прихожан, отец выезжал на запряженной в сани лошади, приготовленной верующими, в окрестные деревни и населенные пункты для совершения всех треб православных христиан: крещения младенцев, исповеди, причастия, соборования больных, венчания, молебнов о всяких нуждах. Из-за отдаленности храм для многих верующих был недоступен. Отец доезжал даже до деревни Саньяхтах и возвращался только к празднику Сретения Господня. Во время поездки подводы подавались без задержки. Нужно отметить организованную работу уполномоченных во всех деревнях. Возвращался отец удовлетворенным своим трудом перед Богом и перед прихожанами.

Во-вторых, по завершении посевной, после службы в Духов день, из деревень приходили верующие, брали иконы и уносили их, чтобы помолиться перед ними у себя дома. В начале несли иконы в самую ближнюю деревню Юнкюр к молебному месту, где стоял большой крест, огороженный заборчиком. После окончания молебна верующие из других деревень уносили иконы к своим молебным местам. Священник и диакон, следуя от одного молебного места до другого, преодолевали расстояния от пяти до пятнадцати километров. Отец брал меня с собой. Для передвижения подавались подводы.

В один из таких дней, после перенесения икон к молебному кресту села Юнкюр, было совершено нападение на основного организатора молебнов Копылова Алексея Гавриловича. Он ехал на велосипеде к молебному кресту, который находился возле его дома, на встречу верующих. Неожиданно на дороге на него напал некто Жвакин, вооруженный ножом. Он был пьян. Алексей Гаврилович сумел увернуться от нападавшего и заехал во двор ветеринарной лечебницы. Там его спасли и оказали первую медицинскую помощь. А Жвакин появился возле молеб-

ного креста, но, не обнаружив там Алексея Гавриловича, скрылся. Его мать Александра Николаевна, старенькая бабушка очень испугалась. Но Жвакин больше не появлялся, а вскоре, к нашей радости, приехал Алексей Гаврилович на велосипеде – своем «спасителе». Нужно отметить, что и седок на нем был героем. Этот случай был преднамеренным, кто-то специально готовил его, чтобы сорвать православный праздник, но благодаря Господу Богу все кончилось благополучно.

Отцу Иосифу по просьбе прихожан приходилось выезжать в деревни для совершения христианских треб, например, к тяжелым больным для причастия или отпевания на похоронах. Часто, после возвращения домой, папа просил маму, чтобы она собрала что-нибудь из «обмалившейся» одежды детей и отправила какой-то нуждающейся семье, что она всегда выполняла. Однажды, возвратившись с похорон, отец попросил маму собрать посылку детям и передать через ямщика. Я была очень довольна посланной нами посылкой. Но в скором времени отца Иосифа «прописали» в стенной газете райисполкома и нарисовали вдову умершего с двумя мешками, наполненными пшеничным зерном, которые она отдавала батюшке «за труды». Его обвинили в том, что он обирает вдов. Райсовет находился близко от нашего дома, я побежала туда, чтобы убедиться в том, что это правда. Зарисовку я увидела своими глазами и, вернувшись домой, все рассказала родителям. И мы, и наши соседи — все были удивлены. Реагировать на это никто не имел права, так как наша семья в то время была лишена гражданских прав. Вот какая сильная была в то время антирелигиозная пропаганда!

В 1925 году я поступила в 1-ый класс. После молебна папа меня проводил в школу. Как и следовало ожидать, с первого же дня меня стали дразнить: «Дочь попа, попадья!». Особенно донимали мальчишки, хотя и утихомиривал их учитель Порфирий Григорьевич. Я старалась не обращать на них внимания, но все же было очень обидно. Родители мои тоже мне внушали, что нужно учиться, поэтому не следует обращать на это внимания и все терпеть.

Во втором классе продолжалось то же самое, но я старалась наказы родителей выполнять. За меня ча-

сто заступалась учительница Анна Леопольдовна. Великим постом, в Великий Четверг, когда я вышла в коридор, мальчишки из третьего или четвертого класса схватили меня, потащили к стене, прижали к ней, раскинув мои руки по обе стороны туловища, голову тоже придавили к стене и начали кричать: «Иисус Христос». Я стояла так, что как раз могла видеть свой дом и храм. Мне было страшно, но я не сопротивлялась, так как было бесполезно, только ждала, что кто-нибудь из учителей появится из учительской. Вышел учитель и разогнал мальчишек.

Родители меня успокоили, сказали: «Христос терпел и нам велел». Я меньше стала переживать оскорбления сверстников и старалась все свободное от уроков время быть со своим отцом. С ним я чувствовала себя спокойной и была спокойна за него.

В 1926 году у меня появился братик Виталик. Мне доверяли качать его колыбель. У отца церковные дела были налажены хорошо, он пользовался большим уважением у прихожан. А я была очень довольна, что папа всех жалел, был внимателен ко всем нуждающимся. Однажды зимой отец наш пришел с монахом, отцом Димитрием, объяснив, что он поживет у нас, в зале, где спал папа. Оказалось, что монах освободился из тюрьмы. Привезли его из города Витима, и мы его прозвали отцом Витимом. Он с нами занимался, качал малышкой Галю и Витю на качелях, которые смастерил сам, кушал вместе с нами, мы его любили и дружили с ним. Я отцу Витиму заплетала волосы в косу. Нам с ним было весело.

Яркие воспоминания оставили у меня встреча (1927 г.) и проводы (1928 г.) архиеерея Гурия¹⁵, который

¹⁵ Архиепископ Суздальский Гурий (Степанов) (1880–1937), доктор церковной истории, профессор, духовный писатель, лингвист-монголовед. В январе 1918 г., после декрета Советской власти «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», архимандрит Гурий вместе с епископом Феодором (Поздеевским) составил проект устава Высшей церковно-богословской школы и принял деятельное участие в ее организации при Свято-Даниловом московском мужском монастыре. Архиепископа Гурия (Степанова) сослали в Якутию в 1926 году. 20 августа/2 сентября 1926 г. осужденные архиепископ Гурий и А.Д. Самарин прибыли в Якутск. В ссылке архиепископа сопровождала его племянница Елизавета Ивановна Кочеткова. Архиепископ Гурий в Якутске, по разрешению властей, иногда служил в соборе. Он совершал также богослужения на дому. В Якутске архиепископ Гурий работал внештатным сотрудником якутского научно-исследовательского общества «Саха Кэскилэ». Сначала он жил в столице, а в 1928 году был отправлен в Вилуйск. Перевел с немецкого языка классический труд академика О.Н. Бетлинга «Якутская грамматика» (совместно с А.Д. Самариным), подготовил

проездом останавливался в Олекминске. Отец наш договорился с пароходством о продлении стоянки теплохода. Было очень празднично, корабль подходил к берегу под торжественный колокольный звон. Владыка служил молебен в храме, посещал нашу семью и всегда обращал внимание на нас – детей. Прихожане собирали по деревням гостинцы в долгий путь. Проводы были печальные, но тоже торжественные – звонили колокола.

На следующее (1929 год) лето пришло сообщение из Якутской епархии о приезде из Москвы епископа Синезия¹⁶. Власти снова разрешили отцу Иосифу колокольный звон и продление стоянки теплохода. Владыка Синезий отслужил молебен и после краткой беседы с при-

2-томник «Чукчи и их занятия» и «Духовная культура чукотского народа» по материалам книги В. Богораза «Чукчи». 8 октября 1928 г. приговорен Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ дополнительно к 3 годам ссылки. 28 июля 1930 г. по постановлению ОСО при Коллегии ОГПУ СССР досрочно освобожден. 25 июня/8 июля 1930 г. был назначен на Костромскую кафедру. От управления епархией отказался. 13 августа 1930 г. назначен архиепископом Суздальским, викарием и временным управляющим Владимирской епархии. Архиепископ Гурий был близок к архиереям из даниловской группы непоминающих, не принявших «Декларацию» 1927 г. митрополита Сергея. Однако он сохранял лояльность к Заместителю Патриаршего местоблюстителя. 13 января 1932 г. архиепископ Гурий был арестован по делу «ИПЦ» и заключен в Бутырскую тюрьму. Дело № 121396 было групповым. С июля 1934 г., после возвращения из сибирской ссылки, проживал в Арзамасе. Архиепископ Гурий был вновь арестован 16 сентября 1937 г. Обвинение: «активный участник контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-фашистской организации». Статья ст.58–10 УК РСФСР. Приговор: высшая мера наказания — расстрел с конфискацией лично принадлежащего имущества. Был расстрелян 1 ноября 1937 г. в Горьком. Племянница архиепископа Гурия Кочеткова Елизавета Ивановна и сестра митрополита Сергея (Страгородского) Архангельская Александра Николаевна были расстреляны по тому же делу 4 ноября 1937 г. (Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2-х частях/ Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С.61,402,416,855–856,970).

¹⁶ Синезий (Зарубин,1886–1937), епископ Ижевский и Вотский. С 1926 по 1928 годы был викарием Якутской епархии, а в 1927–1928 годах занимал Якутскую и Вилуйскую кафедру. 12 декабря 1928 года был переведен на Ижевскую кафедру. 26 января 1932 года был осужден Коллегией ОГПУ СССР и приговорён к 10 годам концлагерей. В конце января был отправлен в Соловецкие лагеря. Отбывал наказание в Мурманском отделении Беломоро-Балтийского комбината НКВД. 20 сентября 1937 года за «ведение повстанческой контрреволюционной агитации среди заключенных в лагере, выступление против стахановского движения» тройкой при НКВД Карельской АССР был приговорён по ст.ст. 58-2, 10,11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Был расстрелян 27 сентября 1937 года либо в Медвежьегорском районе Карелии, либо на Водоразделе (VII-VIII шлюз Беломоро-Балтийского канала). И в советские времена, и после, в Ижевской епархии почитался православными верующими как священикомученик. Многие как святые ни хранили его фотографии и наряду с молитвами об упокоении его души просили и его ходатайства пред Богом. См.: Архив УФСБ по УР, Д. 5261. Л. 35 об («Последнее слово по существу дела» еп. Синезия от 1.10.1931 г.). ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 72-74.

хожанами был у нас в гостях. Мы попили чаю и пошли все вместе провожать Владыку.

В этом же году епископ Синезий отбывал в Москву. Батюшка наш, уже имея опыт в проведении встреч архиереев, все подготовил, и проводы епископа прошли успешно. Так же под колокольный звон теплоход причалил к берегу, и владыка в сопровождении встречающих направился к храму, где отслужил молебен и наградил нашего отца Иосифа наперсным крестом и камилавкой. Наш папа стал протоиереем. После небольшой беседы с прихожанами владыка направился в нашу семью, где ждал его кипящий самовар с чайником и накрытый нашей дорогой мамочкой стол. Владыка немного пообщался с нами, детьми, и заторопился к теплоходу. Мы все пошли с грустью провожать его на пристань, где прихожане разгружали с телеги в теплоход гостинцы, собранные ими в деревнях. Владыка подарил нашему отцу свое фото с надписью: «Протоиерею отцу Иосифу в благословение. Владыка Синезий». Очень жаль, что я не смогла сохранить эту фотографию.

Сейчас многим трудно представить, какой жестокой и страшной была активно шедшая антирелигиозная пропаганда. Враги веры Христовой не просто издевались, но старались физически уничтожить всех членов Православной Церкви, церковнослужителей и даже высшее духовенство. Ознакомившись с моими воспоминаниями, вы, читатели, с этим вполне согласитесь.

В 1929 году наш отец получил сообщение из Якутской епархии о том, что на теплоходе проездом в Москву едет епископ, отбывший ссылку в Якутии в г. Вилюйске (не помню имя Владыки). К сожалению, отец не мог встретить его, так как за ним приехали из якутской деревни и позвали к тяжело больному для совершения таинства соборования. Отец не имел права отказать и поехал к больному. Он попросил нашу маму встретить и проводить Владыку. Мы, дети, пошли на берег для встречи теплохода, заранее собрав посылочку.

Но по трапу спуститься епископу не разрешили. Теплоход причалил так, что стоял близко, и мы разговаривали с ним с берега. Узнав причину, по которой папа решил не встречать его, Владыка одобрил его поступок. Моему братишке Вите он бросил через борт теплохода

конфетку, а нашу посылочку мама передала через команду. Когда корабль начал отчаливать, он благословил нас, а мы ему помахали платками. Итак, мы проводили в Москву трех архиереев.

Нашу семью часто посещал священник Сергей Никитин, настоятель Берденской Иннокентьевской церкви, что на левом берегу реки Лены, а на противоположном был Кыллахский Николаевский храм, в котором служил священник Вячеслав Васильевич Сучковский¹⁷. На масленицу отец Сергей поехал в Кыллах навестить бабушку, а вскоре его арестовали и увезли в тюрьму г. Якутска. Мы были очень расстроены и напуганы этим известием. О судьбе отца Вячеслава Сучковского я не знаю, помню только, что его семья переехала из Кыллаха без него. Жили они – матушка и дочка¹⁸ (постарше меня) недалеко от нас без своего батюшки. Думаю, что с ним случилось то же самое, что и с отцом Сергием¹⁹.

В скором времени в Олекминск прибыл обоз (так называли транспорт, состоящий из лошадей, запряженных в сани, на которых зимой возили почту и пассажиров между городами). С обозом ждали заключенных, которых перевозили из якутской тюрьмы на запад. Он остановился на Соборной площади возле нашего дома. Мы приготовили продуктовые гостинцы. Помню, поздно вечером наш папа среди множества подвод нашел сани, в которых был отец Сергей. Много говорить не разрешалось. Позволили передачу. Всем было понятно, куда везут нашего дорогого отца Сергия. Как нам всем было жаль его и оставшуюся его семью – матушку и сына Ванечку, моего ровесника! Больше от отца Сергия сообщений не было – с Соловков письма не приходили и люди не возвращались.

Тем временем приходская жизнь продолжалась. Шла подготовка к Пасхе. Прихожане раз в неделю соби-

¹⁷ Священник Сучковский Вячеслав Васильевич (1880–?). Родился в 1880 г., г. Якутск. Проживал: Якутия, Ленский р-н, с. Витим. Арестован 20 сентября 1930 г. Приговорен особым совещанием при Коллегии ОГПУ 3 января 1931 г. к трём годам концлагеря; обвинение по ст.58-10 УК РСФСР. Реабилитирован 13 июня 1989 г: прокуратура ЯАССР, Указ ПВС СССР от 16.01.89.

¹⁸ Её дочь, Феофания Вячеславовна Шахматова, жила в г. Якутске, работала в школе, вела уроки труда. До конца жизни оставалась верной Церкви, пела на клиросе. – *Рег.*

¹⁹ По архивным данным, священник Вячеслав Васильевич Сучковский был арестован в 1930 году. О нем подробный комментарий – ссылка 17. – *Рег.*

рались у кого-то дома и, не торопясь, готовили пасхальное убранство храма, делали цветы для украшения еловых гирлянд и для венков к иконам. Кроме этого прихожанки собирались на генеральные уборки, а их мужья устраивали леса для мытья окон и потолков, выносили и приносили ведра. В общем, работали все.

Приблизительно в 1929 году Господь послал нам неожиданную и большую помощь. Прихожанами нашего храма стали ссыльные москвичи – отец и дочь Самарины. Они организовали в храме хор. Александр Дмитриевич, бывший обер-прокурор Святейшего синода был регентом. Дочь его, Елизавета Александровна, пела. Количество певчих увеличилось, начали проводиться спевки, торжественнее стали службы, особенно праздничные. Папа подыскивал среди прихожан новых певчих. Нашел, например, ученицу старших классов Капу Карнапульскую – дискант. На клиросе уже не хватало места, особенно на двенадцатые праздники. В эти дни хор находился на втором этаже храма.

За короткое время Самарины очень сблизились с нашей семьей. После окончания службы они всегда заходили к нам, много рассказывали о старинной жизни Москвы, о поездке Александра Дмитриевича в Петербург на именины царя Николая II. Александр Дмитриевич преподавал первому секретарю райкома английский язык, Елизавета Александровна работала учителем английского в семилетней школе. Нам, детям, разрешали называть Александра Дмитриевича дедушкой, а Елизавету Александровну – тетей Лизой.

На Страстной седмице нашего отца вызвали в милицию и задержали. Меня к нему не пустили, объяснений не дали. Мы, конечно, очень испугались. Прихожане рассказали нам о причине ареста. Оказалось, что в деревне Юнкюр при обыске у купца А.Г. Копылова обнаружили пшеничное зерно, принадлежащее И.Н. Жиркову. Объяснялось это просто. В те времена в магазинах не было в продаже хлеба. Население имело свои участки земли для посева зерна. Не имеющим землю приходилось покупать зерно и отдавать его для посева владельцам земли под половину урожая. Совершенно понятно, что власти просто искали причину, чтобы сорвать службу в храме, и нашли.

Прихожане, члены правления немедленно подали телеграмму в Москву, в Верховный Совет на имя Калинина. Мы с нетерпением стали ждать ответа. Я понесла папе передачу, захватив с собой еще и подушку. Сначала меня к нему не пускали, но я настойчиво, со слезами просилась, и свидание все-таки разрешили. Папа попросил принести только Евангелие. Во вторник пришел ответ из Москвы, а в среду отца освободили.

Все мы были очень потрясены, но Господь Бог услышал наши молитвы, и отец оказался на воле. В субботу общими силами украсили весь храм. Внутри – гирляндами, цветами, а снаружи горящими вокруг храма плашками. На паперти висели разноцветные фонари. Подходя к храму, мы чувствовали торжественное настроение, которое усиливал колокольный звон, «разливаемый» умелыми звонарями Колей и Толей Рождествовыми. Обойдя крестным ходом вокруг храма, мы вернулись в украшенный храм. На люстрах горели все свечи, наш отец и диакон были облачены в блестящие белые ризы. Певчие в хоре, находившемся на верхнем этаже, пели замечательно. После окончания службы Самарины пришли к нам в гости разговляться. Отец поблагодарил их за организованный ими хор, а Самарины благодарили отца за торжественно проведенную пасхальную службу.

По старинному обычаю в первые три дня Святой Пасхи и Рождества Христова священнику еще нужно было обойти всех городских прихожан. Отдохнув, наш отец отправился исполнять этот благочестивый обычай. По разрешению райисполкома в течение трех дней исполнялся колокольный звон. На Радоницу наш батюшка с отцом диаконом целый день по просьбам прихожан служили на кладбище у могил умерших.

Прошла весна, наступило долгожданное лето. Самарины продолжали отбывать свою ссылку. Дедушка Самарин занимался со мной музыкой, учил нотной грамоте, а тетя Лиза – вышиванию. Они очень интересовались жизнью и обычаями олекминцев. Тетя Лиза хотела познакомиться с людьми, которые жили в якутских селеньях. И мама организовала поездку в село Большая Черепаниха, в 15 км от города к нашим друзьям Лаврушкиным, у которых мы часто бывали в гостях и даже жили в летнее время.

Знакомые прислали нам подводу (так называлась лошадь, запряженная в телегу). И вот мы уже в пути, любуемся природой. Скалистые горы с пещерами, большой мост, далее – места, заросшие кустарником, первая деревня Юнкюр, потом Амгинская Куранда, а за ней уже и граница Большой Черепанихи. В этой семье хорошо говорили по-русски. День мы провели за беседой, купанием в речке Большая Черепаниха. Тетя Лиза осталась весьма довольна нашей поездкой. Ей очень понравилась природа.

Летом 1930 года у Самариных окончился срок ссылки, они получили разрешение вернуться в Москву. Мне было очень жаль расставаться с такими добрыми, любимыми, хорошими людьми, но все понимали, что для них это большая радость, ведь Самаринны оказались оторванными от близких, от родного города. Им предстоял дальний путь, продолжительностью почти в месяц: на теплоходе до Осетрово, потом до Иркутска, и дальше – по железной дороге. Мама постряпала в дорогу торт, который после молебна с речью преподнесла певчая Капа Карнапульская. Отец поблагодарил Александра Дмитриевича и тетю Лизу за большую работу в хоре. Так мы расстались с нашими добрыми друзьями Самаринными.

Прошло некоторое время, и мы получили из Москвы письмо и фотографию. Для продолжения отбывания ссылки Александра Дмитриевича отправили в г. Кострому, а Елизавета Александровна осталась в Москве.

Приближалась осень 1930 года. В нашей семье появился братик Сережа. Детей стало четверо. Усиливались гонения со стороны властей на нас и на храм.

Время шло, я продолжала учиться, ученики уже больше меня не дразнили. Учебный год окончила успешно, и меня перевели в шестой класс, начались каникулы. Неожиданно к нам явился нарком Дома обороны Кидалов. Отца дома не было. Он без приветствия обошел все комнаты и, обратив внимание на висящие детские чулки, с усмешкой сказал: «У них еще и детские чулки есть?» Наша мама ответила: «А что, мы не имеем права покупать одежду и одевать своих детей?» Он еще раз обошел дом и грубо произнес: «Немедленно приказываю освободить дом. Вы выселены за черту города, город нуждается в квартирах», и ушел. Представляете, в каком положении

мы оказались? Он даже не поставил в известность хозяев дома, живших в том же дворе.

Кидалов сам вселился со своей семьей в приглянувшийся дом. Наш отец был ошеломлен случившимся. Неожиданно собрались прихожане, они посоветовали обратиться к одному жителю ближней деревни. У него стоял незаселенный ремонтируемый дом, одна большая комната была частично готова, но без печи. Хозяин согласился поселить нас там до осени. Печь была во дворе. Самый младший, Сережа, только начинал ходить.

В это же время храм опечатали за неуплату налогов. Очень не хотелось нам уезжать из города, покидать дом, в котором прожили 7 лет. Но вот, с Божией помощью, переехали на новое временное место жительства. Было нам не совсем одиноко, рядом в ветеринарной лечебнице жили наши родственники Киренские с детьми.

Я, как и всегда, была первая помощница у мамы.

Осенью, когда начались холода, по приглашению Антона Федоровича Тирского, мы переехали к нему в деревню Куранда. Дети его стали жить отдельно, и он остался в доме один. Принял он нас радушно. Всем нам был как родной дедушка. В школу мне приходилось ходить 8 км, но иногда, в морозные дни, добрый дедушка возил меня до города на своей лошади. Уходила я в понедельник рано утром и возвращалась в субботу вечером, а в городе жила у знакомых, наших прихожан.

Однажды, 16 февраля 1932 года, учительница Суровецкая принесла на урок пачку бумаги, раздала всем по небольшому листу и сказала, чтобы каждый написал: «Верю» или «Не верю в Бога». С возмущением в душе я написала большими буквами: «ВЕРЮ». Меня исключили из школы. Как отвечали другие ученики, я не знаю, но еще шестерых мальчиков-якутов исключили, насколько мне известно, как детей кулаков. Я сразу же побежала к матушке отца Сергея, которого расстреляли на Соловках. Она была учительницей. Матушка написала мне текст телеграммы, мы сообщили в Якутский Наркомпрос о случившемся, но ответа так и не получили. Очень расстроенная, я понесла плохое известие домой в деревню. Родители стали меня успокаивать, им было уже привычно переносить несправедливые действия властей.

В классе моя парта была у окна, из него были видны купола нашего храма. И мне пришлось наблюдать, как какой-то человек пытался сбросить крест, но у него не получилось, и крест оставался на месте.

Горести шли одна за другой, в те времена мы жили с постоянным ощущением, что вот-вот что-нибудь случится. Отца вызвали в город для передачи храма властям. Он только попросил разрешения войти в алтарь, к жертвеннику. Как я поняла, он не хотел, чтобы надругались над Святыми Дарами.

Затем наш папа и отец диакон получили из сельсовета повестки. Каждому предлагалось вырубить в тайге по 240 кубометров строительного леса и доставить его в Якутск. Для нашего отца это была непосильная и незнакомая работа, поэтому два мученика объединились. У отца диакона была своя лошадь, на которой можно было возить бревна. Ранней весной выехали на указанное лесхозом место. На лошади волоком свозили бревна к берегу, там из них изготавливали плот. После окончания ледохода начался сплав. Представляю, насколько тяжело им было управлять на воде плотом. С Божией помощью они доставили лес на строительство города Якутска.

Только в начале лета мы встретили нашего дорогого отца-мученика, исхудавшего и измученного, коекак, неуверенно шедшего по дороге. Эта изменившаяся походка у него так и осталась. Наша дальняя родственница, А.И. Расторгуева, живущая в Покровске, сказала, что у отца Иосифа был паралич ног. Только нам не хотелось этого замечать, мы старались его не обидеть. Главное, дорогой папочка был с нами. Он продолжал помогать нашему хозяину дома заготавливать дрова к зиме и выполнять работы по хозяйству.

Из Якутска папа привез распоряжение Наркомпро-са о восстановлении меня в учебе. С большой радостью стала я учиться в седьмом классе. Мы, пять подружек, уже выбрали профессию и, не отрываясь от учебы, посещали в больнице подготовительные курсы для медсестер. Окончив Олекминскую семилетнюю школу, мы все подали заявления в Горздрав для получения направления в Якутск. Четверым девочкам выдали направления, а мне отказали как дочери человека, лишённого избирательных прав

(лишенца). В семье решили отправить меня к папиным братьям в Якутск для поступления на учебу. Но в техникум меня не приняли по той же причине. Я смогла поступить лишь на курсы медсестер, по окончании которых, через год, стала работать дежурной медсестрой, а потом – старшей сестрой хирургического отделения областной больницы.

После моего отъезда пришлось и бедному моему папочке вместе с семилетней сестренкой Галей выехать в Якутск, т.к. усилились гонения на нашу семью. У нас было 2 коровы и 2 теленка. Это наше хозяйство обложили таким подоходным налогом, на уплату которого мы не имели средств. Осталась у нас одна корова с теленком, хорошо еще, что у деда-хозяина была своя корова, питались с ним за одним столом.

Папа решил перебраться к родному брату, бывшему священнику, который снял сан и работал бухгалтером в больнице. Нашему отцу тоже предлагали в Олекминске снять сан и устроиться директором клуба, но он категорически отказался. Он был предан Богу и Церкви.

Отец Иосиф объединился с отцом Михаилом Бережновым, который ранее служил священником в селе Борогонцы по Намскому тракту. Отец Михаил жил со своими детьми, матушка его уже умерла. У него были рабочие руки и смекалка, он делал ремонтные работы по найму. Дочь его уже взрослая, подрабатывала шитьем, мальчики были еще малы, учились.

Оставшись одна в Олекминской деревне, мамочка много трудилась по хозяйству, дед ей помогал. Братишки были еще малы, Сереже было 3 года, а Вите – 6 лет. Шел 1933 год. Сельсовет потребовал подоходный налог и еще какой-то сельхозналог, но маме нечем было его платить. Отобрали последнюю нашу корову, правда, у бабушки не тронули, и хоть детям было молоко.

Я до сих пор не знаю, каким образом мамочка больная, с детьми, смогла приехать в Якутск. Приплыли они по Лене, на плоту, помогли верующие добрые люди – прихожане, которые помнили нашу семью. Отец Михаил нашел избушку по соседству, и все мы туда переехали. Мама по силе и возможности помогала папе и отцу Михаилу в ремонтных работах, которые они выполняли

по найму. Старшие дети посещали школу, а маленький Сережа, наш любимец, ходил с нами в Никольский храм. Он не выговаривал звук «С» и смешно молился: «Ш нами крешная шила», а когда чихнет, скажет, перекрестившись: «Ш нами Бог».

Жизнь была тяжелой. Единственную оставшуюся церковь посещало мало народа. В школе сестренка Галя и братишка Витя подвергались издевательствам, их обзывали, дразнили «попом-попадбей», но им все приходилось терпеть. За терпение Господь помог нам всем получить образование, специальность, мальчики отслужили в армии, старший, Витя, был участником Великой Отечественной войны.

Весь 1936 год от сильного истощения болела наша мама. В то время в Якутске обосновались бежавшие из Олекминска от непосильных налогов так называемые «кулаки» (труженики села, хлеборобы, тяжким трудом обеспечивавшие свои семьи, дававшие своим детям образование). Таким был и Алексей Гаврилович Копылов, у которого за подоходный налог все имущество описали и продали на торгах. Они с женой и его матерью переехали в Якутск еще до нас. Алексей Гаврилович работал в Якутске на кирпичном заводе рабочим и был первым помощником у отца в храме. В его ведении была продажа свечей и всего необходимого для верующих, он вел работу в церковном правлении, помогал по хозяйству, по ремонту, по заготовке дров.

23 ноября 1936 года наша мама скончалась. Кровать ее стояла рядом с курами хозяйки, в кухне у которой жила наша семья (впрочем, перейти к ней хоть в кухню мы были рады, потому что в избушке было совсем холодно). Гроб с телом хозяйка разрешила поместить в своей комнате, сама временно ушла. Мы с папой были очень расстроены, но я взяла себя в руки и с мамиными документами оформила погребение в паспортном столе, а еще мне удалось занять 200 рублей. Я выбрала на кладбище могилу для мамы, продолжила остальные приготовления к погребению. Марина Ивановна, супруга Алексея Гавриловича накормила детей. Дети были очень огорченные, будто больные. Особенно плакал Сереженька, ему тогда было 6 лет. Приходили олекминские прихожане,

якуты и русские, молодые и старые, прощались с мамой, очень плакали. Накануне выноса вечером маму повезли в Никольскую церковь. В тот вечер служили вечерню, ночь мама была в церкви, а утром была обедня. Отец наш не служил – он не мог. В эти дни Господь дал мне силы, а они были мне очень нужны – я чувствовала ответственность за похороны мамы, так как отец был совсем слабый. В эти дни шел большой снег, к могиле мне пришлось идти по глубокому снегу.

Отец наш продолжал работать вместе с отцом Михаилом по ремонту квартир. Дети учились, издевательства над ними продолжались, но им оставалось только терпеть. Годы шли. Нам с папой нужно было работать, поднимать и учить детей. В 1938 году мы переехали в Покровск, поближе к маминой родне. Я устроилась воспитательницей в детский сад. Отца взял на работу, охранником, управляющий Госбанком. Дали ему комнату, где он жил с детьми. Но долго он там не продержался: начальник милиции снял его с работы в охране как неблагонадежного. Тогда мне пришлось хлопотать о квартире, нам дали половину небольшого дома, где мы все и устроились. Материально жить было тяжело, дети все учились, старшему из братьев, Вите, пришлось идти в семью нашего фельдшера нянчить двух маленьких его сыновей. Утром он уносил их в детские ясли, а вечером приносил и одновременно учился в школе. Во время летних каникул работал на кирпичном заводе рабочим. Я тоже после работы подрабатывала дома на швейной машинке, брала небольшие заказы. Цены на шитье не устанавливала, платили кто сколько сможет и чем сможет. Нашему отцу-мученику отказывали даже в получении хлебной и иждивенческой карточки как «лишенцу», и не к кому было идти жаловаться. Отношение властей к нему было ужасным.

Наша семья жила дружно, старались папочку ничем не обижать. По возможности он помогал нам по хозяйству, ходил в магазин, помогал советами. Нам было с ним хорошо, дети его любили и слушались. Но ему, видимо, было не по себе, и он обратился к начальнику Дорожного отдела с просьбой о работе. Ему предложили работу водовоза. Папа согласился из-за получения продуктовой

и хлебной карточек. Не могу сказать, сам ли он запряг лошадь в телегу с бочкой, или кто помог, но когда он поехал на реку Лену по воду, не смог удержать лошадь и она ранила его в голову. Папа пришел домой с перевязанной головой.

С тех пор он от огорчения опять пал духом и начал собираться в Якутск к маме на могилу. Как мы его ни уговаривали, он настоял на своем, обещав мне, что остановится у А. Г. Копылова, не будет долго задерживаться и скоро вернется.

Я сочувствовала папе. Ему так нужно было посетить мамину могилу. И вот пришлось проводить его в Якутск. А через некоторое время мы получили известие, что папу положили в больницу. Вскоре пришла телеграмма от Копыловых: «Отец Иосиф скончался в больнице от инсульта 15 декабря 1941 года».

Как было пережить это горе? Я очень жалела, что не могла уберечь папу. В то время автобусы не ходили, и средств у нас совсем не было, детей нельзя было оставить одних. Похоронили отца Иосифа без нас. Все организовал и похоронил на свои средства Алексей Гаврилович.

Мы остались после смерти отца в большом горе. Перенести это горе мне помог коллектив детского сада, особенно заведующая, все окружающие, и соседи – добрые, внимательные люди. А еще придавали силы оставшиеся на мою ответственность сестра и братья. Они старались помогать по дому, понимая, что я осталась ответственной за их воспитание. Все дети учились, младший брат Сережа, которому было 11 лет, учился хорошо. Витя и Галя во время летних каникул работали на кирпичном заводе. Витя также продолжал нянчиться с фельдшерскими детьми. После окончания семилетней школы он поступил в ремесленное училище. По моей просьбе меня перевели на работу в город Якутск, мне необходимо было дать сестре и братьям возможность получить специальность.

Поселились мы в Мархе. Я получила назначение на работу заведующей Мархинским детским садом и детским домом, брат Витя стал работать слесарем в транспортно-конторской, сестра Галя поступила на курсы медицинских сестер, а младший, Сережа, учился в седьмом классе и готовился поступать в техникум связи.

Через год — в июне месяце 1944 года, проводили Витю в армию. Он служил на передвижных аэродромах. Очень часто приходили от него письма-треугольники. Войну закончил в Праге, затем прослужил семь лет в поселке Буштино Закарпатской области. Там Витя удачно женился. В 1998 году скончался от болезни сердца. Остались жена, два сына и дочь, с которыми мы переписываемся, а при жизни брата ездили к ним в отпуск. Он тоже дважды побывал у нас и даже один раз был в Олекминске, на своей родине.

Младший брат Сережа ушел в армию в 1948 году. Служил он в г. Хабаровске, потом там же работал, жил с семьей. В 1960 году, когда я работала в Покровске заведующей детским садом, он настоял, чтобы я переехала в Хабаровск, договорившись в краевом отделе народного образования о моем переводе. Я перебралась к нему и проработала в Хабаровске до получения пенсии по старости. В последние годы я решила вернуться в Покровск к своей дочери доживать свой век.

Немного расскажу о своей маме, Жирковой Ольге Васильевне, уроженке Покровска. Воспитывалась она в большой семье крестьянина-хлебороба.

По воспоминаниям мамы, в Покровске было три церкви. Две очень ветхие, деревянные, двухэтажные, а третья, кирпичная, выглядела хорошо. Недалеко от церквей находился женский монастырь. Монашки продавали вязаные изделия (у нас сохранялась красиво связанная ими скатерть). Вскоре, еще при маме, монастырь сгорел.

В причтовом доме жила семья священника Гавриила Павлуцкого²⁰. В то время в Покровске было всего одиннадцать дворов. Когда моя мама была девица, она подружилась с семьей Павлуцких. Отец семейства уже умер, остались матушка с двумя дочерьми и сыном, священником Иннокентием, который заменил отца, окончив Якутскую Духовную семинарию. В то время, в 1916 году,

²⁰ Согласно преданию, Павлуцкие были потомками шляхтича Яна Павлуцкого, который поступил на русскую службу в начале XVII века. В 1622 году его направили в Сибирь. Наиболее известные священники Покровской пустыни с. Покровское — Гавриил Павлуцкий и его сын Иннокентий Павлуцкий (1883–1959). В родстве с Павлуцкими (но уже якутскими) был и Серго Орджоникидзе. Павлуцкая (Орджоникидзе) Зинаида Гавриловна — жена Серго Орджоникидзе. Дочь якутского священника Павлуцкого, учительница церковно-приходской школы, познакомилась с ссыльным Серго Орджоникидзе в 1916 году, поженились в 1917 году.

приехал в Покровск в ссылку Серго Орджоникидзе. Он работал фельдшером, обслуживал весь район, объезжал больных по деревням, вел прием в больнице и пользовался большим авторитетом у жителей.

У Павлуцких собиралась молодежь, приглашали и Серго. Он ухаживал за Зиной, дочерью Павлуцких, подружкой моей мамы. В 1917 году приехал на пароходе мой отец со своей матерью, моей бабушкой. Он уже был знаком с мамой. Они встретились 19 августа 1916 года в г. Якутске, в день праздника Преображения Господня. Папа попросил руки у мамы и, получив согласие, вернулся в Якутск. Свадьба моих родителей была в Якутске.

В семье Павлуцких тоже произошло сватовство. Зинаида Гаврильевна ответила на предложение Серго Орджоникидзе согласием, но матушка ее не соглашалась выдать дочь свою без венца. Серго, будучи крещен в православной вере, согласился на венчание в церкви. Брат Зины, отец Иннокентий, обвенчал молодых при закрытых дверях. В этом же году они уехали в Москву. Серго обещал, что переведет в Москву всю семью, и слово сдержал. К 1924 году Павлуцкие жили в Москве. Он поступил с родными честно, дал возможность всем устроиться с работой и квартирой.

Покровский храм остался на замке, вскоре был разорен, здание переоборудовано под электростанцию, а две церкви приспособили под квартиры. Люди в них прожили до 60-х годов.

В пятидесятых годах, после смерти своего мужа Серго Орджоникидзе, приезжала в Покровск Зинаида Гаврильевна Павлуцкая. Была торжественная встреча земляков. Я в ней участвовала, очень радовалась, что мне пришлось встретиться с маминой подружкой, она рассказала много интересного.

Зинаида Гаврильевна пожелала посетить могилу своего отца, похороненного возле деревянной церкви. Могилы были в запущенном состоянии. Бывший с нами председатель райисполкома предложил ей привести могилу в порядок, но Зинаида Гаврильевна отказалась категорически, ответила: «Мы недостойны». Мне было очень обидно за нее и жаль ее. В то время нам были непонятны и неизвестны причины смерти Григория Константинови-

ча (Серго). Такие были времена. Встречу проводили в доме моего дедушки, в котором родилась моя мама, по ул. Орджоникидзе № 4. Дом стоит до сих пор, в нем живет моя двоюродная сестра.

Зинаида Гаврильевна успела мне рассказать, как они в юности проводили время в этом доме. У моей мамы было три сестры, один брат. Хозяйкой в доме была старшая сестра, тетя Ньюша, дед мой так и остался вдовцом, пожалев детей, чтобы им не расти с мачехой. Скончался он в 1941 году, летом, хоронил его наш папочка похристиански.

С. Н. ЧЕРНЫШЕВ

ВЗГЛЯДЫ А. Д. САМАРИНА НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА¹

ОТДЕЛЕНИЕ Церкви от государства² сразу и безоговорочно было выполнено большевиками, как только они пришли к власти. Революционная власть повернула колесо истории на 1000 лет назад, к тому времени, когда в первые годы правления князя Владимира безнаказанно убили мучеников Федора и Иоанна – христиан, не защищенных государством. В это время Поместный собор Русской Православной Церкви для установления отношений Церкви и государства направил в Кремль своих членов, включая А. Д. Самарина. Как бывший обер-прокурор, стоявший между Церковью и царским правительством, и как това-

¹ Опубликовано: Чернышев С. Н. Взгляды А. Д. Самарина на взаимоотношения Церкви и государства // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 3. М.: О-во сохранения лит. наследия; издательство ОРПК «Кадашевская слобода», 2008. С. 51–57.

² В Советской России отделение церкви от государства было провозглашено декретом СНК РСФСР от 23 января (5 февраля) 1918 года, содержание которого, однако, было гораздо шире.

Декрет провозглашал отделение церкви от государства (статья 1), свободу «исповедывать любую религию или не исповедывать никакой» (статья 3), в то же самое время запрещал религиозное образование «во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях», лишал религиозные организации каких-либо прав собственности и прав юридического лица (статья 12), объявлял о переходе «имущества существующих в России церковных и религиозных обществ» в «народное достояние» (статья 13), хотя они и без того принадлежали общинам, монастырским и приходским, то есть народу, а не частным лицам. Аналогично большевики «национализировали» Третьяковскую галерею, которая была Третьяковыми подарена Москве и принадлежала миллионному городу, то есть народу. Согласно историку Ричарду Пайпсу, несмотря на декларативные заявления о свободе вероисповедания, «действительный смысл декрета означал смертный приговор церковным учреждениям» (Пайпс Р. Русская революция. — М.: «Захаров», 2005. — Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. Наступление на религию. Гл. 7. С.110–115).

рищ (заместитель) председателя собора, он соответствовал этой миссии.

Вопрос о взаимодействии или невзаимодействии государства и Церкви всегда был основным для России вопросом государственного строительства, поскольку народ русский со времени княжения святого равноапостольного великого князя Владимира жил одновременно и в Церкви, и в государстве. Союз Церкви и государства был выражен перешедшим к нам из Византийской империи единственным в своём роде гербом – двуглавым орлом, у которого одно тело – народ, но две головы: Церковь и государство. Они не спорят между собой, глядя друг на друга, но в согласии смотрят в разные стороны, имея различные попечения. Немало государственных устройств нашей Родины разбилось, когда головы орла, как бы повернувшись друг к другу, начинали спор за первенство. Пресеклась династия Рюриковичей, когда Иван IV отверг право Церкви в лице митрополита Филиппа (Колычева) на свободу мнения. Рухнуло под ударами Петра I недостроенное здание российской государственности, заложенное патриархами Филаретом Никитичем (Романовым) и Никоном, после того как царь Алексей Михайлович отказался от духовного руководства патриарха и решил, по примеру западных королей и Ивана Грозного, сам управлять поставлением патриархов. Развалилось и последнее богоборческое советское государство.

Жизненно важным вопросом о взаимодействии Церкви и государства был и в период правления императора Николая II. Государь поставил А. Д. Самарина обер-прокурором, надеясь с его помощью выстроить новые церковно-государственные отношения в соответствии с кредо, выраженным в гербе – двуглавом орле. Вопрос о церковно-государственных отношениях обсуждался в беседе в Барановичах перед назначением А. Д. Самарина на министерскую должность (см. в данном сборнике). Особо острую актуальность этот вопрос приобрел в дни становления советской власти, когда А. Д. Самарину и специалисту по церковному праву Н. Д. Кузнецову Собором было поручено от лица Церкви установить контакт с Советским правительством и наладить взаимоотношение с новым государством, создаваемым революционерами. Таким об-

разом, вопрос о взаимодействии Церкви и государства для А. Д. Самарина был предметом размышлений не только теоретических, но и вполне практических. При его участии он был решен Поместным собором 1917-1918 годов в доступной по тому времени форме. Впоследствии при участии А. Д. Самарина строилось отношение Церкви к государству в краткий период пребывания на свободе Патриаршего местоблюстителя митрополита Петра (Полянского), о чём в данном сборнике статья священника А. Мазырина.

Сегодня вопрос о церковно-государственной симфонии, как всегда, актуален. В статье, по отдельным документам, мы осветим взгляды А. Д. Самарина на церковно-государственные отношения, не претендуя на полное их раскрытие ввиду недостатка материала.

Александр Дмитриевич Самарин был одним из немногих деятелей уже далекой предреволюционной эпохи, кто стремился к действенным реформам с сохранением монархии, отделением Церкви от государства (для блага государства и Церкви), с восстановлением патриаршества и установлением новых церковно-государственных отношений. Об этом он неоднократно и прямо говорил царю, излагая свою программу, которая принципиально не расходилась с линией императора. Точнее говоря, он всегда выступал с программой не только своей, но и своих единомышленников — патриотически настроенного московского дворянства и, прежде всего, своих братьев, Фёдора, Сергея и Петра, с которыми готовил публичные выступления.

В 1905 году московские дворяне, среди которых были братья Самарины, обратились к государю императору с письмом, в котором блестяще доказали гибельность для России выборной формы правления в любом виде, даже урезанном до совещательного парламента. Это замечательный документ. В нём авторы, среди прочего, признают, что не всё совершенно в Российской империи. Они пишут: «Законодательством и административною практикой возлагается немало совершенно излишних стеснений на духовную и экономическую жизнь народа, на его быт, на личную и общественную свободу [...] Так, давно пора освободить Церковь от государственной опеки, возратить ей свободу жизни, свободу внутреннего строения и снять

те путы и оковы, которые будто бы для пользы Церкви наложены на верующую совесть; надо же, наконец, понять, что от нынешнего порядка гораздо более страдает сама Церковь, чем люди, от неё уклоняющиеся, и что он является более сильною опорой неверия и индифферентизма, чем самая убедительная проповедь какого-либо модного учения»³. Здесь призыв к отказу от удержания людей в Церкви административными мерами и к воссозданию патриаршества.

В июне 1915 года император Николай II вызвал А.Д. Самарина в Ставку в Барановичах, чтобы предложить ему должность обер-прокурора Святейшего синода. Состоялась обстоятельная, на 55 минут, беседа, в которой был затронут вопрос и церковно-государственных отношений. А.Д. Самарин горячо желал отказаться от назначения, от которого перед тем уклонился его старший брат Фёдор Дмитриевич. Как аргумент, он назвал свою неподготовленность к работе в Синоде, но всем и Царю было известно его глубокое понимание проблем Церкви и знание её строя. Поэтому половина православной Москвы впоследствии на выборах митрополита Московского высказалась за митрополита Александра Самарина, а другая часть – за архиепископа Тихона (Белавина), который и был избран. Другим аргументом для отказа от назначения он выдвинул следующее: «Теперь скоро, Бог даст, Россия возьмёт Константинополь, и тогда возникнет чрезвычайно сложный вопрос о том, в какие отношения стать нашей Церкви к Церкви Константинопольской». А.Д. Самарин не знал, как решить этот вопрос. Государь ответил ему: «Этот вопрос уже разрабатывается в Синоде или в специально организованной для того при Синоде комиссии... Мне думается, что нашей Церкви не следует вмешиваться в дела Церкви Константинопольской, они обе должны жить совершенно самостоятельно, тем более, что наша Церковь — дочь Церкви Константинопольской. Может быть, я и ошибаюсь, но моё мнение таково». Трудно сказать, мыслил ли государь две церкви под одной короной или намеревался дать Константинополю политическую самостоятельность, как его дед дал Софии сорока годами раньше. Видимо, равенство

³ Имеется в виду, в частности, требование, обращенное к государственным служащим, исповедовать православие и ежегодно представлять справку о причащении Святых Таин. - *Рег.*

Церквей при одном императоре могло быть достигнуто только восстановлением патриархата у нас. Два патриархата в одной империи – такое не противоречило идеи империи как многонационального православного вселенского государства. К вопросу о возобновлении патриаршества и склонилась беседа. А.Д. Самарин сказал: «Наконец, государь, самая должность обер-прокурора мне представляется по существу не нормальной. Было бы вообще желательнее освободить Церковь от опеки государственной власти!» На что император ответил: «Я с этим совершенно согласен. Вы и старайтесь вести к этому». Здесь подразумевалась независимость Церкви от императора и его административного аппарата, несомненно, подразумевалась и ликвидация Синода как части государственного аппарата. Были рассмотрены ещё два аспекта свободы Церкви. А.Д. Самарина, как противника думской формы правления, крайне смущала зависимость Церкви от Государственной думы. Он сказал: «Зависимость церковной власти в финансовом отношении от людей или равнодушных к церкви или вовсе неверующих я считаю крайне ложной». Последовал ответ: «Я с Вами совершенно согласен». Последнее, что высказал А.Д. Самарин, — это желание оградить Церковь от влияния теневой власти, которая в то время, как многие тогда считали, включая А.Д. Самарина, была представлена фигурой Григория Распутина. При его влиянии была совершена хиротония епископа Варнавы на Тобольскую кафедру и удалён на покой епископ Гермоген (Долганов)⁴. Впослед-

⁴ Священномученик епископ Гермоген (Долганов) участвовал в заседании Святейшего синода, в котором выступил против предложенного московским митрополитом Владимиром (Богоявленским) и великой княгиней Елизаветой Фёдоровной введения чина диаконисс в православной церкви. Апеллировал в резкой форме по этому вопросу к императору — написал ему телеграмму, в которой утверждал, что Святейший синод учреждает в Москве «чисто еретическую корпорацию диаконисс, фальшивое подложное учреждение вместо истинного». Также в этой телеграмме критиковал проект введения особого чина заупокойного моления об инославных, заявив, что этим оказывается «открытое попустительство и самовольное бесчинное снисхождение к противникам Православной Церкви». 3 января 1912 года был уволен императором от присутствия в Синоде; ему было предписано выехать во вверенную ему епархию. Отказался подчиниться этому распоряжению, давал интервью газетам, в которых критиковал членов Синода. В результате 17 января 1912 был уволен от управления епархией и направлен в Жировицкий монастырь. Его увольнению способствовали ещё два фактора. Во-первых, он поддерживал деятельность черносотенного иеромонаха Илиодора (Труфанова), который первоначально был одобрен церковными и светскими властями, видевшими в нём успешного антиреволюционного пропагандиста. Но затем они дистанцировались от его демагогии (позднее Илиодор снял сан и объявил о разрыве с церковью). Гермоген же остался союзником Илиодора вплоть до сложения им

ствии государь помирился со священномучеником Гермогеном, сам находясь в тобольской ссылке. В 1915 году в беседе с А. Д. Самариным Николай II с большим для себя трудом дал согласие на меры по ограждению Церкви от влияния Распутина, который в тот период жил в Петербурге в квартире своего друга Даманского, на тот момент бывшего товарищем (заместителем) обер-прокурора Святейшего синода. Реализовать означенные договорённости по удалению Г. Распутина в реалиях Петрограда 1915 года в недолгие два с половиной месяца своего обер-прокурорства А. Д. Самарину не удалось. В развернувшейся политической борьбе по делу епископа Варнавы и нейтрализации влияния Распутина на петроградскую аристократию и через неё на дела государства и Церкви он — москвич по характеру общественных связей и мировоззрению — потерпел поражение и был отстранён от должности.

На строительстве церковно-государственных отношений сосредоточились усилия А. Д. Самарина в первые послереволюционные годы. Он возглавлял Совет объединённых приходов, который ставил себе целью мирными средствами создать ограду вокруг Церкви в разбушевавшемся житейском море (см. статью прот. Д. Сазонова). Совет боролся за право преподавания Закона Божия в школах или хотя бы в воскресных школах, за неприкосновенность патриарха, за сохранение церковного имущества, хотя бы того, что необходимого для совершения таинств. А. Д. Самарин был членом Поместного собора, одним из заместителей председателя. О своих взглядах и своей деятельности в тот период он сказал на допросе 8 октября 1918 г. в ЧСК в Брянске: «Взгляд Церкви, который я разде-

сана. Во-вторых, епископ вступил в конфликт с Григорием Распутиным, которого первоначально поддерживал. С 8 марта 1917 года — епископ Тобольский и Сибирский; назначен на этот пост как «жертва старого режима». Сохранил монархические убеждения, призывал паству «сохранять верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом». Резко критиковал Декрет об отделении церкви от государства. Принял мученическую кончину. (Мраморнов А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова), (1858–1918). Саратов: «Научная книга», 2006).

Священномученики епископ Гермоген и с ним протоиерей Ефрем, священники Пётр и Михаил и мученик Константин причислены к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания.

ляю, таков, что государство не должно быть безрелигиозным и что оно, признавая и оберегая внутреннюю свободу Церкви, должно установить законом благожелательное отношение к Церкви, имея даже возможность и право оказывать ей материальную поддержку. Декрет Советской власти 23-го января 1918 года (об отделении Церкви от государства. — С. Ч.), исходя из точки зрения иной, а именно из признания религии делом частным и из признания полного отделения Церкви от государства, поставил Церковь в очень трудное положение. Но в еще более трудное положение Церковь была поставлена оттого, что декрет, по мнению Поместного собора и по моему собственному, пошел дальше отделения Церкви от государства и уже вторгся в свободу совести и в свободу и на право внутренней жизни самой Церкви. К этому прибавлю и то, что представители Советской власти на местах [...] в осуществлении декрета шли еще дальше. Естественно, что такое положение не могло не вызвать возбуждения в Церкви, и естественно, что в ней возникло желание внутренне сплотиться для защиты своих прав и для создания возможности жить в новых условиях, созданных властью. В частности, в Москве образовалось объединение приходов, и я был избран председателем Временного совета. И в публичных выступлениях, и в частных беседах я всегда предостерегал от активных выступлений против Советской власти, от каких-либо действий силой оружия, убеждал, что это противно духу Церкви, но я считал, что Церковь имеет право заявлять власти о своем разномыслии, принципиальном по вопросу об отношении Церкви к государству [...] В числе нескольких членов Собора я был командирован в Совнарком в марте сего года для того, чтобы именем Собора отстаивать именно этот взгляд... По поручению председателя Ленина, с нами вели переговоры комиссары Курский, Елизаров и управляющий делами Бонч-Бруевич. Они заявили, что декрет 28 января был составлен спешно и даже односторонне (без всякого участия Церкви) и потому Советской властью уже решено подвергнуть его пересмотру, с приглашением представителей разных религий для внесения необходимых дополнений и разъяснений. Обо всех случаях нарушения декрета и отступления от него представители Советской власти проси-

ли немедленно им сообщать для восстановления законности. По делам Церкви я вместе с другими членами Собора отдельно имел переговоры с Бонч-Бруевичем, и мы постоянно просили о скорейшем приступе к обещанному пересмотру. О пересмотре мы, с согласия Советской власти, заявили на Соборе и призвали всех ждать с надеждой внесения дополнительных разъяснений. К сожалению, многократные обещания созвать комиссию и пригласить туда представителей Церкви не были осуществлены... Наоборот, власть еще более стала осуществлять без всяких изменений декрет, отнимая все материальное достояние Церкви, созданное как государством, так и в особенности самим народом, свободной волей целого ряда лиц, жертвовавших свои движимые и недвижимые имущества. Конечно, такое положение все более затрудняет жизнь Церкви в целом и, в частности, приходскую. Естественно, отсюда необходимость собрания по приходам, а также объединение приходов для организации внутренней жизни при новых тяжелых условиях». В этой пространной записи, сделанной в час, когда Александр Дмитриевич ожидал расстрела и писал родным, что дни его, а может быть, и часы сочтены, он является перед нами человеком ясных и твердых убеждений, практическим работником Церкви, которая тогда под главенством только что избранного Святейшего Патриарха Тихона входила в новые формы. Скрепляемое кровью мучеников здание Церкви чудом вращалось в архитектонику враждебного Православия и блокировавшего Церковь Советского государства. Церковь в те годы могла сказать текстом псалма: «Обышедша обыдоша мя, и именем Господнимъ противляхся имъ» (Пс. 117. 11).

Личность и деятельность А. Д. Самарина при всей их значительности не были чем-то исключительным в свое время. Напротив, людей с твердыми убеждениями, ясным от Бога умом и непреклонной волей было много. Именно поэтому неисчислимы сонм священномучеников, мучеников за веру, страстотерпцев и исповедников веры, явившихся перед лицом безбожной власти, возникшей на канонической территории Русской Православной Церкви после вынужденного отречения благоверного царя-страстотерпца Николая II.

А.Д. Самарин очень любил преподобного Серафима, после революции ходил в Саров поклониться его мощам. Преподобный являлся ему в тюремной камере, утешал и облегчал физические страдания. Преподобный Серафим считал целью жизни каждого человека спасение через стяжание Духа Святого здесь, на земле. Церковь – это объединение людей во Христе, ищущих спасения. Согласно утверждению, высказанному А.Д. Самариним в 1918 году, православное государство – это система управления теми же людьми. Главная цель такого государства – обеспечить людям возможность полноценной церковной жизни для достижения спасения в мирском или монашеском звании. Для этого государству необходимы его разнообразные и сложные институты, такие как система образования, здравоохранения, суды, хозяйственные структуры. Обеспечение здоровья, материального благополучия граждан и их защита, военная, полицейская, юридическая, являются необходимой функцией государства.

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН

«СЕРГИЕВСКАЯ» («САМАРИНСКАЯ») ЦЕРКОВНАЯ ГРУППА И ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ МИТРОПОЛИТ ПЕТР (ПОЛЯНСКИЙ) В 1925 г.

7 АПРЕЛЯ 1925 г. скончался Святейший Патриарх Тихон. В нормальных условиях жизни Церкви после этого на соединенном присутствии Священного синода и Высшего церковного совета должно было бы последовать избрание местоблюстителя Патриаршего престола, а затем, в срок не более чем через три месяца, должен был быть созван Поместный собор для избрания нового патриарха. Но условия жизни Русской Церкви к тому времени уже давно были ненормальными, и поэтому каноническую преемственность высшей церковной власти пришлось сохранять в экстраординарном порядке. В соответствии с завещанием Патриарха Тихона, тотчас после его кончины Патриаршим местоблюстителем стал его ближайший помощник – митрополит Крутицкий Петр (Полянский), исполнявший с января 1924 г. обязанности Патриаршего наместника. Съехавшийся на погребение Святейшего православный епископат лишь постфактум утвердил митрополита Петра в должности местоблюстителя.

Встав во главе Церкви, митрополит Петр оказался в крайне тяжелом положении. Он, конечно, не имел в церковных кругах того авторитета, которым пользовался почивший патриарх. Хотя митрополит Петр (1862–1937) возрастом был даже старше на три года сво-

¹ Опубликовано: Мазырин А., свящ. «Сергиевская» («Самаринская») церковная группа и Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в 1925 году // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Вып. 15. М.: Луг духовный; О-во сохранения лит. наследия; Кадашевская слобода, 2014. С. 5–16.

его предшественника, по своей епископской хиротонии он являлся одним из младших архиереев Русской Церкви. Монашество, священство и архиерейство он воспринял только в 1920 г. За пределами Москвы митрополит Петр был сравнительно малоизвестен. Не добавляло митрополиту Петру популярности и то обстоятельство, что в последние месяцы своей жизни святитель Тихон возложил на него малоприятную обязанность быть посредником между ним и ОГПУ. Частые визиты патриаршего наместника на Лубянку не могли не порождать определенные подозрения в его адрес в церковной среде. Беспочвенность этих подозрений доказывается уже фактом возбуждения против митрополита Петра следственного дела в марте 1925 г. (вместе с Патриархом Тихоном он был тогда привлечен по делу мифической «Шпионской организации церковников»²). Но в народе об этом деле не знали и опасались, как бы патриарший наместник не стал проводником влияния ОГПУ в Церкви.

Лубянское ведомство, разумеется, было заинтересовано именно в таком развитии событий, и подследственное состояние митрополита Петра, чреватое арестом в любой момент, являлось весьма удобным инструментом давления на него. От местоблюстителя власть требовала проведения в жизнь так называемого «Предсмертного завещания» Патриарха Тихона – подложного, как уже доказано³, документа, опубликованного в советских газетах «Правда» и «Известия» на девятый день после кончины святителя. «Завещание» содержало программу борьбы с «церковной контрреволюцией», как внешней, так и внутренней. В церковно-приходские советы «Завещание» призывало выбирать людей, «искренно расположенных к Советской власти». Также в нем намечалось создание особой комиссии, в задачу которой входило «обследование и, если понадобится, отстранение в каноническом порядке от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью,

² См.: Сафонов Д. В. В последние годы жизни Патриарха Тихона против него готовился новый судебный процесс // Церковь в истории России. Сборник 6. М., 2005. С. 218–243.

³ См.: Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 265–311.

предание таковых суду Православного Собора»⁴. ОГПУ могло надеяться, что митрополит Петр, не имея необходимой опоры в церковных кругах, не устоит перед оказываемым на него давлением, и высшее церковное управление превратится, по сути дела, в марионеточное учреждение в распоряжении богоборческой власти.

Подобного рода перспективу осознавали и пытались ее предотвратить и церковные ревнители, в особенности те, кого ОГПУ именовало «сергиевской черносотенной группировкой». Эта группа церковных деятелей аристократического происхождения сыграла в тот критический момент весьма важную роль в жизни Русской Православной Церкви. Об этом, собственно, и пойдет речь в предлагаемой статье.

В документах ОГПУ группа называлась также «Самаринской», по имени ее наиболее видного представителя, которым являлся бывший предводитель дворянства Московской губернии, бывший обер-прокурор Святейшего синода, едва не избранный Московским митрополитом в июне 1917 г., товарищ (заместитель) Председателя Поместного собора 1917–1918 гг. – Александр Дмитриевич Самарин (1868–1932) – фигура во всех отношениях выдающаяся. Местом проживания А. Д. Самарина в рассматриваемое время была бывшая усадьба Абрамцево близ Сергиева Посада. В Сергиевом Посаде тогда же проживали близкие Самариним и частью родственные им семьи Мансуровых, Истоминых, Челищевых, Комаровских, Мещерских, Трубецких и другие. Из духовенства в этот круг были вхожими священник Сергей Сидоров и диакон Михаил Шик. Из иерархов «самаринцам» был особо близок бывший ректор МДА архиепископ Феодор (Поздеевский) и возглавляемые им архиереи-«даниловцы» (именовавшиеся так по московскому Данилову монастырю, в котором они проживали), а также архиепископ Владимирский Николай (Добронравов).

Позиция «сергиевцев» и «даниловцев» по отношению к «Предсмертному завещанию» была вполне определенной. 15 декабря 1925 г. А. Д. Самарин показал на этот счет на допросе: «В этом документе я считал неправильным назначение следственной комиссии из церковников

⁴ См.: Правда. 1925. 15 апр.; Известия ЦИК. 1925. 15 апр.

для организации суда за антигосударственную деятельность над заграничными церковниками, ибо церковь не призвана судить за контрреволюционную деятельность, что является прерогативой светской власти»⁵. Можно заметить, что суд над «заграничниками» был вопросом важным, но все-таки частным. Главной проблемой было втягивание Церкви в пробольшевистскую политику вообще. Необходимо было донести мысль о недопустимости этого до местоблюстителя. Эту миссию на себя решил взять весной 1925 г. еще один видный «сергиевец» Павел Борисович Мансуров (1860–1932) – бывший дипломат и директор Главного архива МИД Российской империи, член Поместного собора 1917–1918 гг. (А. Д. Самарину он был не только единомышленником, но и довольно близким родственником: его сын – священник Сергей Мансуров – был женат на племяннице Александра Дмитриевича Марии Федоровне Самариной.) На допросе в марте 1926 г. П. Б. Мансуров показал (в записи следователя): «Я, действительно, вскоре после смерти патриарха Тихона, думал написать обращение к митр[ополиту] Петру, окончательная форма которого была для меня неясна; возможно, что я придал бы моим наброскам не форму обращения, а форму докладной записки.

Причины, вызвавшие во мне это намерение, следующие: смерть патриарха поставила православную церковь в очень тяжелое и трудное положение, которое усложнялось предсмертным посланием патриарха; это послание у меня вызвало недоумение в ряде пунктов, и мне казалось, что исполнение его верующими было необязательно. Патриарх не мог персонально, от имени всей церкви, заявить о политических воззрениях последней, да кроме того, очень возможно, что он и сам отказался [бы] от исполнения своего послания, такие случаи в перемене воззрений у патриарха бывали. Главным моментом для меня в послании Тихона, делавшим его для меня неприемлемым, было учреждение своеобразной церковно-политической инквизиции, намеченной в пунктах об изгнании контрреволюции из церковно-приходских советов и суд над заграничными церковниками по поводу их антисоветской деятельности.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 138.

По поводу моего проекта я говорил, насколько помню, с Истоминным П. В. и, возможно, с Сидоровым, но отвлеченно, об основных мыслях. Жена моего сына Сергея, и он, также, отсоветовали мне подавать мое обращение Петру, так как это небезопасно для меня лично, и действовать в пользу церкви я могу другими путями. [...] Отчасти я не закончил своего обращения по этой причине, хотя, полагаю, что особой опасности это для меня не имело: прочел, разорвал и кончено. Отчасти же, видя, что митр[ополит] Петр ведет совершенно правильную линию, я решил ему не делать никаких "указаний"⁶.

Петр Владимирович Истомин (1879–1937), с которым П. Б. Мансуров обсуждал проект обращения к митрополиту Петру, – еще один замечательный представитель «сергиевской» группы. В 1915 г., в бытность А. Д. Самарина обер-прокурором Святейшего синода, он был его товарищем (заместителем), до этого – вице-директором департамента иностранных исповеданий, а после – управляющим канцелярией Кавказского наместничества. На следствии в декабре 1925 г. П. В. Истомин заявил: «Подтверждая свое убеждение, что Русская Церковь, как союз верующих русских людей – мирян, пастырей и епископов, не виновна в контрреволюционных замыслах против Советской власти, ибо Церковь по природе своей стоит вне политики, я в то же время настаиваю на обязанности Церкви, в лице ее пастырей и иерархов, открыто, в сознании своей ответственности, заявлять государственной власти о взглядах церковного общества на те или иные вопросы государственной жизни»⁷. На вопрос об А. Д. Самарине П. В. Истомин ответил (эти слова подчеркнуты следователем в протоколе): «Мы знаем церковные убеждения друг друга и это-то нас сближает, я почти убежден, что он придерживается этих взглядов»⁸.

По поводу «Завещания» П. В. Истомин показал (в изложении следователя А. В. Казанского): «В противоположность некоторым другим лицам, утверждавшим, что «послание» это патриарх не подписывал, я стоял на той точке зрения, что Тихон это послание подписал, желая этим

⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 5. Л. 215 об. – 216.

⁷ Там же. Т. 4. Л. 56 об.

⁸ Там же.

[уберечь] церковь и пересоздать сложившееся у государственной власти представление о церкви как антисоветско-политической организации. Однако я считал, что, так как, несмотря на декларации Тихона, репрессии по отношению к церкви продолжались, то вряд ли патриарх смог бы приступить к осуществлению всего в этом документе изложенного, тем более что в нем был целый ряд моментов прямо антирелигиозного характера. Вследствие этого я считал, что это самое завещание или послание носит просто декларативный характер»⁹. Как видно, слова об «антирелигиозном характере завещания» весьма задевают следователя.

П. В. Истомину и П. Б. Мансурову был близок Федор Алексеевич Челищев (1879–1942) – внук знаменитого славянофила А. С. Хомякова, член Поместного собора 1917–1918 гг. На допросе Ф. А. Челищев, согласно следователю Казанскому, показал: «По смерти патриарха я с Истоминным, да и с другими, говорил о «завещании» или, вернее, послании патриарха и считал его, как и некоторые другие знакомые, необязательным для верующих, как написанный незадолго до смерти документ политического характера. Были у нас с Петром Владимировичем Истоминным и разговоры относительно митр[ополита] Петра. Его считали известным мало, не то он церковник, не то светский. Было интересно, как он себя поведет. Говорилось, будет ли он выполнять «завещание» Тихона или нет. Выражалось мнение, чтобы он относился к завещанию, как было уже выше указано» (то есть как к *необязательному*). На вопрос об отношении к А. Д. Самарину Ф. А. Челищев ответил: «Близко я с ним не знаком. Но меня сближают с ним, как и с Истоминным, мои славянофильские убеждения»¹⁰.

Самого А. Д. Самарина, разумеется, тоже допрашивали, обсуждал ли он с кем-нибудь приписываемый Патриарху документ. «Приходилось ли Вам обмениваться своим мнением по поводу завещания с Истоминным и Мансуровым? С Сидоровым?» – спросил его следователь Казанский 15 декабря 1925 г. «Не помню, говорил ли с ними на эту тему, но возможность такой беседы с Истоминным и Мансуровым не отрицаю, они люди церковные. Отно-

⁹ Там же. Л. 57.

¹⁰ Там же. Т. 5. Л. 164.

сительно Сидорова я могу твердо сказать, что разговора с ним на эту тему не вел, так как я с ним знаком гораздо менее»¹¹.

Священник Сергей Сидоров (1895–1937) – настоятель Петропавловского храма Сергиева Посада, потомок по матери грузинских царей – был также арестован и с пристрастием допрошен о проекте письма к митрополиту Петру. Согласно протоколу (составленному неизменным следователем Казанским), он 2 декабря 1925 г. показал: «Я беседовал с [архиепископом] Николаем о проекте написания местоблюстителю патриарха “мнения группы верующих” относительно подлинности так называемого “завещания” или “послания”, что вернее. Автором этого предположенного и ненаписанного, впрочем, проекта был я, и с ним были знакомы, относясь к нему различно, некоторые верующие, как, например, Истомин Петр и Мансуров Сергей Павлович, который был всецело против написания подобного обращения.

Что касается Истомина, то последний имел свой проект, как и я, причем некоторые моменты “завещания” Тихона возбуждали его решительное недоумение, как, например, подписи под препроводительным отношением в газету “Известия” о напечатании “завещания” патриарха (согласно газетной версии, документ попросили опубликовать митрополиты Петр Крутицкий и Тихон Уральский. – *свящ. А. М.*) и т. д., что сейчас не помню. Было ли им написано и отправлено это письмо или нет, я не помню или, даже вернее, не знаю.

Что касается моего проекта, то он содержал следующие основные мысли: 1) выражение сомнения в подлинности “завещания”, 2) выражение сомнения в возможности проведения в жизнь некоторых частей этого завещания, как, например, относительно изгнания контрреволюции из церковно-приходских советов с указанием на необходимость более широкого привлечения мирян к церковным делам»¹².

На другом допросе, по следовательской версии, священник Сергей Сидоров сообщил: «Я вспомнил, что Павел Борисович Мансуров показывал и читал мне письмо

¹¹ Там же. Т. 4. Л. 139.

¹² Там же. Л. 62.

к митрополиту Петру. Содержание письма – указание на неудобство публикации «послания» патриарха, подписанного им за несколько дней перед смертью, и указание на некоторые моменты неканонического характера, как, например, суд над церковниками (церковный) за антисоветскую деятельность. Вскоре после этого он мне заявил, что, боясь, что его письмо к митрополиту Петру будет сочтено контрреволюционным, он его посылать не будет. Это письмо должно было быть адресовано «от группы верующих христиан», таким же образом предполагал подписать свой проект Истомин, к тому же он, т.е. Истомин, склонял и меня; он мне говорил, что неудобно подписывать письмо «священник такой-то». Мой проект так и не был написан. [...] Подписывая или, вернее, предполагая подписать свой проект именем «группы верующих», я имел в виду группу спаянных между собой единством взгляда жителей г. Сергиева Посада; сюда я отношу меня, дьякона Шик, Истомина, Мансуровых. Устава эта группа не имела и обменивалась мнениями персонально»¹³.

Не обошли стороной допросы и архиепископа Николая (Добронравова). 1 декабря 1925 г. он показал: «В первый раз я услышал о послании Истомина и Мансурова от св[ященника] Сидорова из г. Сергиева Посада, приехавшего ко мне на квартиру в Москву на Кузнецкой улице. [...] Было это в апреле или мае месяце 1925 г. Тогда Сидоров сообщил мне в первый раз о том, что названными двумя лицами выпущено какое-то обращение, цель которого была доказать, что выполнение предсмертного завещания Тихона (патриарха) не обязательно с канонической точки зрения. Затем я ездил в г. Сергиев Посад и здесь, будучи у священника Сидорова, опять говорил на те же темы. Насколько я себе уяснил, со слов Сидорова, целью послания было использование его митрополитом Петром для аннуляции упомянутого завещания, но, как сказал Сидоров, в дальнейшем надобность в этом послании заглохла, так как завещание Тихона в жизнь не проводилось»¹⁴.

Спокойный тон протоколов не передает, конечно, следственной атмосферы. Сохранились воспоминания самого священника Сергия Сидорова о том, как проис-

¹³ Там же. Л. 64.

¹⁴ Там же. Л. 51 об.

ходило дело (установить точно, кто такой упоминаемый в них «С.», не удалось; известно, что в допросах принимал участие начальник Секретного отдела ОГПУ Т. Д. Дерibas, возможно, что «С.» – это и был он): «На первом моем допросе в ноябре 1925 года следователь потребовал от меня выдачи автора письма к митрополиту Петру. Я отказался его назвать, и Тучков потребовал очной ставки моей с архиепископом Николаем. Помню серую мглу сумерек, лицо Казанского, хриплый крик Тучкова и нечленораздельный возглас С., который все время целился поверх моей головы маленьким браунингом. Епископ Николай вошел, взглянул на следователя, на меня и остановил внимательный взгляд свой на С. [...] Встав со стула, С. разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон. Преосвященный Николай властно прервал его: “Выпейте валерьянки и успокойтесь. Я не понимаю звериного рычания и буду отвечать вам тогда, когда вы будете говорить по-человечески. И спрячьте вашу игрушку”. Чудо свершилось. С. спрятал револьвер и вежливо стал спрашивать Владыку, который давал ему, как и Тучкову, какие-то дельные показания. Во время этого допроса Владыке удалось совершенно обелить Сергея Павловича Мансурова и спасти его от ареста. [...]

Утомленный и нравственно и физически, я готов был сдать на требование следователей, я готов был наклеветать на себя и друзей. Часы прозвонили четыре часа утра, когда меня вызвали к Казанскому. [...] Его допрос вертелся на одном месте, он обычно требовал выдать людей, непричастных к письму митрополиту Петру. Привели епископа Николая. “Я требую, – сказал Владыка, – чтобы вы оставили в покое Сидорова. Я его знаю как нервно-больного человека, а вам, – обратился он ко мне, – я запрещаю говорить что бы то ни было следователю, властью епископа”¹⁵. В деле сохранился записанный Казанским протокол очной ставки между священником Сергием и архиепископом Николаем. Он весьма краток:

«Сидоров. Говорили ли Вы еп[ископу] Николаю Добронравову о том, что Истомин и Мансуров написали послание к митрополиту Петру?

¹⁵ Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999. С. 42–43.

Добронравов. Я не помню, говорил ли я. Сейчас у меня все перепуталось, я нездоров.

На этот же вопрос подтверждаю ранее данное показание, что Сидоров передавал, что послание Истомина и Мансурова было, что его некоторые читали и что цель его – показать необязательность выполнения этого завещания патриарха Тихона»¹⁶.

Сам архиепископ Николай, насколько можно понять, придерживался примерно тех же взглядов на «Завещание», что и сергиево-даниловские круги, иначе бы с ним не обсуждали необязательность этого пререкаемого документа. Между тем, архиепископ Николай был тогда одним из самых авторитетных архиереев, находившихся в Москве, в том числе и для митрополита Петра, местоблюститель даже рассматривал его как своего возможного преемника по управлению Церковью и указал его в завещании, составленном в мае или июне 1925 г.¹⁷

«Послание Истомина и Мансурова» не обрело законченного вида. Идею обратиться с ним к местоблюстителю не разделял и А. Д. Самарин. 17 декабря 1925 г. он показал: «Я категорически утверждаю, что Истомин и Мансуров, оба очень хорошо меня знающие, не могли написать от моего имени или со ссылками на меня какое-либо обращение или письмо по поводу завещания патриарха Тихона, да и самое такое обращение, по-моему, было бы нелепо и безрассудно»¹⁸. Однако и без «послания» настроение «сергиевской» группы оказывало свое воздействие на церковную среду. Хотя «мнение группы верующих», как назвал священник Сергей Сидоров предполагаемое письмо митрополиту Петру, не было отправлено адресату, Патриарший местоблюститель не мог не узнать о позиции церковных ревнителей в отношении «Предсмертного завещания». А зная эту позицию, он не мог ее проигнорировать. Хотя позднее (14 января 1926 г.) митрополит Петр писал Е. А. Тучкову, что «лиц из светской интеллигенции» он «почти не знал и сношений с ними не имел», он, тем не менее, признавал: «Правда, доносились пожелания,

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 63.

¹⁷ См.: Кифа – Патриарший местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). М., 2012. С. 741.

¹⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 140.

чтобы я был тверд на своем месте и строго охранял православную веру и церковные порядки. Признаюсь, пожелания эти для меня были безразличны, я к ним прислушивался и в некоторых случаях руководился ими»¹⁹. Как сетовали затем составители обвинительного заключения по делу местоблюстителя, «митрополит Петр не только не стал проводить суда над заграничниками, но и вообще оставил завещание патриарха в покое, за что он был немедленно признан самаринцами со всеми вытекающими отсюда последствиями»²⁰.

Особую роль А. Д. Самарин сыграл и в подготовке знаменитого антиобновленческого послания местоблюстителя. Это послание, датированное днем 28 июля 1925 г., стало самым значимым актом местоблюстителя за недолгий период непосредственного управления им Русской Церковью. Оно давало окончательный ответ на обсуждаемый тогда вопрос об отношении к обновленческому расколу и призывам обновленцев к «примирению». «Не о соединении с Православною Церковью должны говорить так называемые обновленцы, а должны принести искреннее раскаяние в своих заблуждениях, – писал митрополит Петр в своем послании архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви. – Присоединение к Святой Православной Церкви так называемых обновленцев возможно только при условии, если каждый из них отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви»²¹.

Позднее, в декабре 1925 г., митрополит Петр показал на этот счет: «[...] перед моим июльским посланием (вышедшем в августе с. г.) он, т. е. Самарин, мне передавал, что такое послание будет очень полезно. Инициатива этого послания была моя, набросочек ему, Самарину, я с Петром Шипковым посылал: проект или, вернее набросочек, этого послания. Самарин послание одобрил, и вышеупомянутый отзыв был дан им по прочтении проекта»²². Сам А. Д. Самарин в феврале 1926 г. подтвердил факт своего

¹⁹ Кифа – прозвище Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра (Полянского), выражающее твердость его характера. Кифа в переводе с еврейского – камень. С. 746.

²⁰ Там же. С. 768.

²¹ Церковные ведомости. 1925. № 21–22. С. 3–4.

²² Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 742.

участия в подготовке антиобновленческого выступления митрополита Петра: «Шипков приехал ко мне с проектом послания митр[ополита] Петра (против обновленцев). Я внес туда редакционные поправки и отправил обратно с тем же Шипковым. Окончания послания не помню. Я ничего к посланию не добавлял»²³. Из показаний секретаря митрополита Петра священника Петра Шипкова следует, что А.Д. Самарин вернул проект послания «исчерченным правками», однако «поправки эти были чисто стилистического характера»²⁴.

Выступление Патриаршего местоблюстителя против обновленцев окончательно расположило к нему тех, кто в нем еще сомневался. Примечательны, например, следующие показания А.Д. Самарина:

«Вопрос: Говорили ли Вы с Мансуровым, Истоминым и другими Вашими знакомыми, видными церковными деятелями о м[итрополите] Петре?»

Ответ: Не отрицаю, что в кругу близких мне лиц, возможно, что в вопросе о церковных делах говорил; возможно, что высказывалась мысль о том, справится ли м[итрополит] Петр с возложенной на него задачей при такой сложной и трудной для церкви ситуации, так как он мало подготовлен к такого рода деятельности. После того как м[итрополит] Петр выступил со своим противообновленческим августовским посланием, я начал его считать более подходящим к местоблюстительству, так как, с моей точки зрения, это послание правильно»²⁵.

Правильное, с точки зрения церковных ревнителей, было совершенно неправильным, с точки зрения ОГПУ. Твердая позиция, занятая Патриаршим местоблюстителем, обрекала на репрессии со стороны богоборческой власти как его самого, так и тех, кто помог ему эту позицию занять. В ноябре 1925 г. начались массовые аресты. В один день, 30 ноября, были арестованы архиепископ Николай (Добронравов), священник Сергей Сидоров, диакон Михаил Шик, А.Д. Самарин, князь И.С. Мещерский. На следующий день к ним добавились П.В. Истомин и Ф.А. Челищев. Последним из «сергиевской» группы задержали

²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 141.

²⁴ Там же. Т. 5. Л. 200.

²⁵ Там же. Т. 4. Л. 140.

П.Б. Мансурова. Сам Патриарший местоблюститель был арестован в ночь с 9-го на 10 декабря 1925 г.

После полугода напряженной работы, 5 мая 1926 г., следователь А.В. Казанский составил обвинительное заключение по делу митрополита Петра и еще 29 человек. «Желая удержать Петра от действий по завещанию, – писал Казанский, – самаринцы принялись за писание деклараций от имени “группы верующих”, причем под этой группой, как говорит СИДОРОВ [...], и подразумевалась Сергиевская самаринская группировка. Декларация должна была требовать категорически отказа от выполнения завещания. В проектах МАНСУРОВ, СИДОРОВ и ИСТОМИН старались, главным образом, отстоять заграничников от угрожавшего последним церковного суда за политическую деятельность, а СИДОРОВ, кроме того, намеревался включить в свой проект пункт о недопустимости изгнания контрреволюции из церковно-приходских советов [...]. Написанная и читавшаяся декларация Мансурова, по показанию СИДОРОВА, была настолько контрреволюционной, что сам МАНСУРОВ именно по этим соображениям не решился ее выпустить [...]. МАНСУРОВ объяснил, что декларация не была послана Петру просто потому, что Петр начал вести себя так, как и было нужно, игнорируя завещание, причем прибавил, что ни в коем случае не побоялся бы послать контрреволюционный документ Петру, так как последний прочел бы его, разорвал и все было бы кончено, не имея серьезных последствий»²⁶.

Конкретных обвинений более всего было предъявлено А.Д. Самарину:

а) Поставив целью сохранение церкви в качестве активной к[онтр]революционной организации, он с 1917 года все время старался держать церковь под властью и влиянием лиц, принадлежавших к черносотенной группировке, в которой САМАРИН играл руководящую роль.

б) Руководил антисоветской работой патриарха Тихона до раскаяния последнего перед Соввластью [...].

в) Руководил деятельностью им возглавляемой черносотенной группировки в гор. Сергиево-Посаде, состоя-

²⁶ Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий. С. 767–768.

щей из бывших людей, проводя в жизнь решения и постановления последней.

г) Подчинив себе гр. ПОЛЯНСКОГО Петра Федоровича (митрополита Петра), так назыв[аемого] патриаршего местоблюстителя, руководил работой последнего, корректируя и утверждая даже письменные распоряжения Петра, сносясь с ним через посредствующих лиц и отдав его под контроль черносотенного даниловского синода»²⁷.

На остальных представителей «сергиевской» группы вина была возложена общая:

а) Они составили вместе с лицами, скрывающимися, как наприм[ер] проф[ессор] НОВОСЕЛОВ и др. следствием не установленными, черносотенно-монархическую группировку, поставившую себе задачу борьбу с Соввластью при помощи церкви.

б) При встречах и специально собираясь, решали, обсуждали все церковно-политические вопросы, вырабатывая указания активным церковным деятелям по линии поведения, как напр[имер]: указание о поддержке и защите поповско-белогвардейской эмиграции, о сохранении контрреволюционных деятелей в составе церковно-приходских советов и т. д.

в) Через САМАРИНА и МАНСУРОВА сообщали свои решения и указания всем находившимся под их руководством церковным деятелям, поддерживая и помогая всех повинующихся (так. – *свщ. А. М.*) и борясь и терроризируя несогласных с монархическим направлением»²⁸.

21 мая 1926 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло приговоры всем фигурантам дела митрополита Петра, кроме него самого. Из представителей «сергиевской» группы самый суровый приговор получил П. В. Истомин – три года концлагеря. «Игравшего руководящую роль» А. Д. Самарина от концлагеря, по-видимому, спас сравнительно преклонный возраст: он получил три года ссылки в Сибирь. Такой же приговор был вынесен и архиепископу Николаю (Добронравову). В Зырянский край на те же три года был выслан Ф. А. Челищев; на два года в Казахстан – диакон Михаил Шик и И. С. Мещерский. Наиболее мягкие приговоры последовали в отно-

²⁷ Там же. С. 776.

²⁸ Там же. С. 777.

шении священника Сергия Сидорова и П.Б. Мансурова: они получили так называемый «минус шесть», т.е. запрет на проживание в Москве и других пяти крупнейших городах СССР сроком на года. Сам митрополит Петр дождался приговора только 5 ноября 1926 г.: три года ссылки на Урал²⁹. В действительности, как известно, приговор оказался для митрополита Петра бессрочным, вплоть до его расстрела в Верхнеуральской тюрьме в октябре 1937 г.

Могло показаться, что после репрессий 1925–1926 гг. «сергиевская» группа сошла с исторической сцены. Однако значение сделанного с ее помощью священномучеником Петром выбора огромно. Русская Церковь проявила силу духовного сопротивления безбожной власти, выбрав в его лице не соглашательский, а исповеднический путь. В конечном итоге богоборческий режим пал, а Церковь выстояла.

²⁹ Там же. С. 780–781.

ПРОТОИЕРЕИ ДИМИТРИЙ САЗОНОВ
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ
САМАРИН.
ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОЮЗА ОБЪЕДИНЕННЫХ
ПРИХОДОВ г. МОСКВЫ.
К ОЦЕНКЕ ЛИЧНОСТИ

ЛИЧНОСТЬ бывшего обер-прокурора Святейшего синода и товарища председателя Священногo Поместного собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. А. Д. Самарина¹ была бы показана неполно без освящения его деятельности на посту председателя Совета объединенных приходов г. Москвы, созданного 30-го января 1918 г. в ответ на репрессивные меры властей по отношению к Церкви после октябрьского переворота². Союз приходов, возглавляемый А. Д. Са-

¹ Репутация А. Д. Самарина, как строго православного деятеля, обеспечила ему влиятельное положение в московском земстве и назначение в 1915 г. на пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего синода. На посту обер-прокурора А. Д. Самарин проявил необыкновенную стойкость и принципиальность. Он был одним из самых популярных и уважаемых членов Государственного Совета и Правительства. А. Д. Самарин после революции, подобно ряду других — в прошлом высокопоставленных — лиц, сумел вполне отрешиться от всяких политических «надстроек» и целиком переключился в сферу религиозных, церковных интересов, всегда бывших ему близкими. Так, летом 1917 г. он фигурирует на епархиальном съезде духовенства и мирян, экстренно созванном для избрания Московского митрополита, как один из двух кандидатов на Московскую кафедру. Он получил одинаковое число голосов с архиепископом Тихоном. При повторном голосовании был выбран архиепископ Тихон (Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. М., 1994. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). Ч.2. С.273).

² В Москве в мае 1917 г. учрежден Совет соединенных общин православных приходов России для объединения деятельности местных приходских общин. 30 января на собрании представителей приходских советов Москвы под председательством преосвященного Иоасафа (Каллистова) было объявлено о создании Совета объединенных приходов Москвы. Его председателем был избран А. Д. Самарин, товарищами председателя — протоиереи С. В. Успенский и Н. В. Цветков, секретарями — свящ. А. А. Полозов и Г. В. Сапожников. Вместе с Г. А. Рачинским, М. Л. Богоявленским, М. А. Новоселовым, Н. Д. Кузнецовым они составили исполнительное бюро совета. От каждого благочиния в совет избирались по 2 представителя (духовных лиц или мирян). Совет координировал в Московской епархии действия по охране церквей от насильственного захвата, ходатайствовал о защите приходов и монастырей, Совет информировал о событиях церковной жизни, проводил

мариным, следуя вызовам времени, выработал тактику защиты от революционной власти³. Союз приходов был реальной невооруженной силой гражданского общества, противостоящей большевикам. Положение о приходе на Поместном соборе в 1918 году было дополнено статьями №№ 100 и 120 об учреждении Всероссийского союза приходов. Это показывает, что такое объединение стало признанной Церковью защитой от произвола революционеров и явилось своевременным в условиях декларированного большевиками народовластия. В 1917 году в России было 48 000 приходов, объединяющих 75% населения⁴. В Москве в 1917 г. было 848 приходских церквей, состоявших в духовном ведомстве⁵, на начало XX в. находилось 26 мужских и женских монастырей. В 1903 г. в Лиховом переулке был сооружен обширный двухэтажный Обще-епархиальный дом, куда переехали многие церковные братства, комитеты, общество любителей духовного просвещения, цензурный комитет, редакции журналов. Здесь устраивались епархиальные собрания, заседания, проводились беседы⁶. Согласно основным правилам для учре-

общедоступные лекции по церковно-общественным вопросам, на Троицком подворье организовал из прихожан невооруженную охрану святителя Патриарха Тихона. В ноябре 1919 г. Союз объединенных приходов был признан большевиками контрреволюционной организацией с привлечением к суду 19 обвиняемых, состоящих членами Союза. 16 ноября 1920 г. А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов по делу Союза объединенных приходов были приговорены к расстрелу. Приговор был заменен на заключение. Остальные обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т.2. (Протоколы соборного совета/ отв. редактор А. И. Мраморнов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2013; См.: Шарипов А. М. Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви (1917–1919)// Православная энциклопедия. М., 2005. Т.9. С.686–687).

³ Так, постановлением Соборного Совета 1/14 марта 1918 года Н. Д. Кузнецов, А. Д. Самарин, Н. И. Малыгина, А. И. Июдина, вместе с депутатами от Совета объединенных приходов г. Москвы уполномочены заявить представителям власти протест против конфискации церковного имущества. (Священный Собор Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия. / составители А. А. Плетнева и Гюнтер Шульц. Крутицкое Патриаршее Подворье М. 2001. С.189, 205).

⁴ Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.: сущность, принципы, эволюция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dislib.ru/istoriya/106147-1-politika-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoy-imperii-otnoshenii-pravoslavnoy-cerkvi-inoslavnih-konfessiy-avraamicheskikh-nehristianskih.php>. Дата обращения 26.07.2017 г.

⁵ Московские церковные ведомости. 1911. № 43.

⁶ ОР РГБ, ф. 175 (Московский епархиальный дом), ф. 206 (Общество любителей духовного просвещения). В настоящее время Епархиальный дом передан ПСТГУ, прекрасно отреставрирован и используется университетом.

дения православных церковных братств 1864 г., они создавались при церквях и монастырях и каждое братство имело свой устав. Церковные братства состояли из православных лиц разного звания и состояния для служения нуждам и пользам православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для распространения благотворительности, церковно-приходских школ. Достаточно сказать, что в ответ на требования большевистского Декрета отделить школу от Церкви, 25 февраля 1918 года, на собрании представителей московских приходов, было решено требовать сохранения преподавания Закона Божия в школах, а законоучителям преподавать его до тех пор, пока не выгонят оттуда штыками, затем продолжить обучение в храмах и по домам. Рассматривался также вопрос об охране Святейшего Патриарха. Постановили, что по 18–20 человек из духовенства и мирян будут неотлучно дежурить на Троицком подворье, где пребывал Святейший, т.е. были созданы так называемые «православные дружины», безоружные. Наряду с организованным противодействием агрессивной политике властей по отношению к Церкви, Соборным Советом 10 (23) апреля было постановлено просить товарищей председателя Собора протопресвитера Н.А. Любимова, А.Д. Самарина и члена Собора Н.Д. Кузнецова участвовать в дальнейшем ведении переговоров с народными комиссарами по делам, касающимся Православной Церкви⁷. Собор направил депутацию от приходских собраний, включая вышеназванных лиц, для заявления Совету народных комиссаров протеста против захвата принадлежащего Православной Церкви имущества и капиталов⁸. Не ограничиваясь крайними мерами, Союз православных приходов занимался просветительской деятельностью: организовал на приходах Москвы собеседования и издавал брошюры, в которых разъяснялось современное положение Церкви и состояние веры, а также объяснялась суть происходящих событий⁹. Мы должны быть благодарны, что за мирным от-

⁷ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.2. С.593.

⁸ Там же. Т.2. С.356-357.

⁹ Там же. Т.2. С. 305.

пором революционному наскоку на религию, во многом предотвратившему в 1917–1918 гг. «изъятие церковных ценностей» и надругательство над святынями, разгром церковной организации, стояла личность бывшего обер-прокурора А. Д. Самарина – принципиального, мудрого человека, прекрасного организатора, объединившего вокруг себя многих православных людей.

Возвращаясь к предыстории вопроса, отметим, что период захвата власти большевиками и удержание ее путем введения «диктатуры пролетариата» и «красного террора»¹⁰ характеризовался методами «бури и натиска»¹¹. В Политбюро партии большевиков в те годы считали, что «религиозные предрассудки» можно достаточно быстро преодолеть «целенаправленной системой воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного, что быстро приведет к отмиранию религии из сознания трудящихся. Религиозные общества были лишены права юридического лица и собственности, что было дискриминацией даже по отношению к гражданским союзам, которые этим правом владели. По декрету о земле и отделении Церкви от государства Церковь лишалась своего имущества и земель, права на церковные здания и предметы культа, которые передавались в бесплатное пользование церковной общине¹². Церковный приход, как основополагающее ядро церковной организации, ставился в опасную зависимость от гражданских властей, и вместе с тем такая постановка дел давала право властям вмешиваться в дела церковной общины¹³.

В ответ на красный террор, направленный в том числе против Церкви, провозглашенной «классовым врагом», постановлениями Синода и Патриарха в феврале 1918 г. была сделана беспрецедентная в истории Русской Церкви попытка собрать паству в единую силу, могущую

¹⁰ Красный террор — комплекс карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны в России (1917–1923) против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности. Служил средством устрашения как антибольшевистских сил, так и не принимавшего участия в Гражданской войне населения. (Волков С. В. Красный террор глазами очевидцев. — Москва: Айрис Пресс, 2009. — С. 6).

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 114.

¹² О религии и Церкви. С.97-98.

¹³ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М. 1996. с. 21–22.

противостоять антирелигиозному натиску, оформить и укрепить объединенные братства и приходские союзы по всей стране, чтобы при их помощи встать на защиту православных святынь и веры. Святейший Патриарх Тихон и члены проходившего в Москве в 1917–1918 гг. Поместного собора Русской Православной Церкви увидели в приходской общине реальную силу, могущую противостоять большевистскому натиску. На эту силу указал А. Д. Самарин, товарищ председателя и член Собора, внесший в разрабатываемый на Соборе Приходской устав много ценных и полезных предложений. В постановлении Синода и Патриарха от 15 (28) февраля 1918 года содержались конкретные указания относительно организации мирян в союзы при всех церквах, монастырях и учебных заведениях¹⁴: «При всех приходских и бесприходских церквах надлежит организовывать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательства». «Союзы эти должны иметь просветительные и благотворительные задачи и именованья, они могут быть под председательством мирянина или священника, но не должны называться церковными или религиозными, так как всякие церковные и религиозные общества лишены новым декретом прав юридического лица»¹⁵. Само время подсказывало пути защиты Церкви. Декретом об отделении церкви от государства церковная организация была лишена права юридического лица – таким образом, она была вытолкнута за рамки юридического и общественного поля, священники лишены гражданских прав¹⁶. После введения в жизнь Декрета об отделении

¹⁴ Постановление Святейшего Патриарха и Священного Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти №65. 15 (28). 02.1918 г. Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода об устройстве Организации объединенных приходов. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2-х частях/Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С.97-99; Священный Собор Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия./ составители А. А. Плетнева и Гюнтер Шульц. М.: Изд –во: Крутицкое Патриаршее Подворье 2001. С.141.

¹⁵ Там же. С.97

¹⁶ Лишёнec – неофициальное название гражданина РСФСР, СССР, лишённого избирательных прав в 1918–1936 годы согласно Конституциям РСФСР 1918 и 1925 годов. Конституция РСФСР 1918 года устанавливала статьей 65, что не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они входили в одну из вышеперечисленных категорий: монахи и духовные служители церквей и религиозных культов. (Красильников С. А. На из-

церкви от государства церковным «двадцаткам», объединявшим верующих граждан (прихожан), передавалось по договору в пользование все церковное имущество и здания храмов¹⁷. Временный управляющий Костромской епархией Севастиан (Вести) епископ Кинешемский в письме Патриарху в феврале 1918 г. об устанавливаемых отношениях церкви и государства писал, что, ожидая защиты Церкви от государственной власти, русский народ не может видеть в лицах, принявших на себя эту власть, истинных ее носителей, поскольку они выступают врагами Церкви Христовой. Верующие должны быть готовы не только оказать Церкви поддержку, но и понести на ее нужды и свои материальные средства¹⁸. В определенной мере слова епископа оказались пророческими. Группы верующих, заключая договоры с местными органами советской власти о передаче им во временное пользование церковных зданий, брали на себя все расходы по их содержанию, страхованию и т.д. При осуществлении декрета стали очевидны нарушения его принципов, когда представители органов власти, не считаясь с мнением и выражением воли подавляющего большинства населения, выносили иконы из общественных зданий, молитвенных домов, домовых церквей. В некоторых деревнях крестьяне давали взятки: за лики Христа – 25 рублей, за лики Богородицы меньше¹⁹.

Юридически верующий народ не являлся теперь хозяином церковного имущества, ставшего общенародной собственностью. «В крайних случаях, – указывали Синод и Патриарх, – союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти его от отобрания [...] Пусть храм и церковное достояние останутся в руках людей Православных, верующих в Бога и преданных Церкви». Были разработаны меры по предотвращению надругательства над святынями. В Поста-

ломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/soviet/krasiln1.shtml>.

¹⁷ О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат. 1977. с.99.

¹⁸ Епархиальный экстренный съезд духовенства и мирян церквей. – Кострома. 1917. С.77.

¹⁹ Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (По материалам Верхнего Поволжья), Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. С.79.

новлении указывалось: «В случае нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние следует призывать Православный народ на защиту Церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т.п.»²⁰ Колокол – язык Церкви, призывающий народ в храм, стал голосом, созывающим народ на защиту храма. Именно согласно этому Постановлению действовали прихожане Солигалича и Шуи, созывающие на защиту народных святынь людей через набатный звон колокола.

На плечи приходских общин легла основная тяжесть борьбы в чрезвычайно трудный для Церкви период 1918–1920 гг. Патриарх и Собор увидели в приходских общинах реальную легитимную силу, могущую заявлять от лица народа о правах Церкви. При Святейшем Патриархе образовывался Совет приходских общин, который должен был координировать их деятельность²¹. Такое внимание Церкви к вопросу объединения прихожан в союзы и братства показывает, какое значение придавалось им в то трагическое для Русской Православной Церкви время. Недаром приходской устав, принятый на Соборе, оговаривал автономию и самостоятельность приходов²². В автономности приходов был заложен определенный смысл, который был заложен и в автономности епархий. Устав определял, что приходское общество, состоящее не только из клира, но также из мирян – это был тот народ, для «блага которого (лозунги большевиков, – Д.С.) и делалась революция». Именно «благоденствием народа» и прикрывали большевики свои деяния.

Для сохранения церковного имущества (переданного по декрету в аренду двадцаткам, – Д.С.) и прав юридического лица Патриаршим Постановлением предлагалось не называть братства религиозными. Вплоть до начала тридцатых годов, уже после разгрома братств и союзов, как отголоски их останутся монастырские артели и коммуны, остатки разрушенных братств создадут тайные мо-

²⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С.98.

²¹ Рослоф Э. Советское правительство и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1922–1923). В кн. История России. Диалог российских и американских историков. Саратов 1992.

²² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.1. Кн.1. С.531.

настыри и уйдут в катакомбы²³. В Постановлении были определены цели и задачи приходских союзов: «Новые условия церковной жизни требуют от церковных деятелей [...] чрезвычайного внимания и напряжения усилий для того, чтобы надлежаще и с добрым успехом совершать духовное делание, невзирая на встречаемые препятствия и даже гонения»²⁴. В Открытом письме священнику Томской епархии Николаю Троицкому Святейший Патриарх писал: «Не теряйте же времени, собирайте вокруг себя стадо свое, наставляйте его благовременно и безвременно, не унывайте от временного неуспеха или даже гонения. По одному, по два, собирайте их на пастырские беседы, читайте им слово Божие, особенно пророческие писания [...] Отбирайте сначала лучших людей, не пренебрегайте беседами с благочестивыми женщинами, которые часто удерживают своих мужей и братьев от незаконных поступков и защищают Церковь Божию. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, союзы, советы, что найдете полезнее по местным условиям — и добрый

²³ С благословения последнего игумена Павло-Обнорского монастыря архимандрита Никона (Чулкова) в 1921 г. в с. Захарьево была организована женская община, включавшая в себя преимущественно дочерей священников, духовных чад старца. Надеюсь, что советская власть долго не продержится, о. Никон предполагал из этой общины в будущем создать монастырь. А пока — именовать «сельскохозяйственной коммуной». Первоначально составляли ее всего семь девушек. Но к 1931 г. было уже около 100 «коммунарок». Община, состоявшая исключительно из женщин, вскоре стала известна как передовое хозяйство. У сестер были и скотный двор, и пасека, они сами плотничали, строили дома. О «коммунарках» писали в газетах, к ним приезжали экскурсии по обмену опытом. Коммуне было присвоено имя Н.К. Крупской. Но внутреннее устройство общины было монашеское. В 1922 г. о. Никон благословил вступить в коммуну и Марию Алексеевну Благовещенскую. В общине она занималась пчеловодством, была счетоводом, заведовала «культурно-просветительской работой». По воспоминаниям некоторых насельниц общины, архимандрит Никон не благословлял принимать монашеский постриг, объясняя это тем, что слишком тяжелое время для верующих и Церкви. Но, видимо, это относилось не ко всем. Со времени вступления в общину Марию Алексеевну называют Анной. И во всех документах «коммуны», и в материалах следствия 1932 и 1937 годов она значится как Анна Алексеевна Благовещенская, что могло быть следствием тайного пострига. Со временем эта «коммуна» слишком много стала вызывать подозрений у властей: девушки не желали объединяться с местными колхозами, не принимали к себе всех желающих. Видимо, возникали и какие-то разногласия с партийными и комсомольскими местными комитетами. На общину стали собирать «агентурные сводки». Весной 1931 г. были арестованы почти все члены «коммуны». Началось следствие под кодовым названием «Непорочные», ведь община считалась тайным монастырем. (Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Ч.3. Священнослужители и миряне//Под ред. прот. Николая Лихоманова. Романов-Борисоглебск (Тулаев): Православное братство святых благоверных князей Бориса и Глеба, 2000. С.116–119).

²⁴ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С.96.

труд ваш благословит Господь успехом, и вы спасете вверенное вам стадо от расхищения и гибели, а себя от напрасных страданий»²⁵.

Призыв патриарха к созданию объединений был услышан. Как уже говорилось, 18 апреля 1918 г. на Поместном соборе Православной Российской Церкви был заслушан доклад Отдела «о благоустройении прихода» и принят проект «Об образовании Всероссийского союза приходов» для защиты Церкви от притеснений, затем предложено председательствовавшему на заседании митрополиту Арсению (Стадницкому) поручить Синоду и ВЦС составить проект устава союза. Именно с деятельности Собора по обновлению приходской жизни, объединяющей клир и мирян на правах общины, и началось так долго ожидаемое подлинное обновление Церкви. В принятом Приходском Уставе были заложены основы для создания приходских союзов и братств, которые незамедлительно стали создаваться в Москве, Самаре, Чите как союзы ревнителей православия²⁶. В феврале 1918 года в г. Кинешме Костромской губернии общее собрание приходских советов приняло решение о создании объединенного братства приходских советов, которое должно было выполнять функцию защиты Церкви²⁷.

Причт и представители приходов г. Петровска Ярославской губернии на собрании 21 февраля 1918 г. свидетельствовали перед Священным собором о «сыновней преданности Святой православной Церкви и готовности охранять святые храмы от посягательства на захват со стороны неверующих, святыни от осквернения, пастырей своих поддерживать, своих детей воспитывать в учении Христовом»²⁸. Церковно-благотворительное братство при Покровском монастыре г. Углича, возму-

²⁵ Там же. С. 89.

²⁶ Устав предусматривал «для большей успешности в деле достижения религиозно-нравственных и церковно-общественных целей» создание Союзов приходов, объединявших несколько епархиальных приходов. Почетным председателем Союза приходов был местный епархиальный архиерей, а vicарные архиереи состояли почетными членами Союза. Союз приходов также управлялся союзным Собранием и союзным Советом. (Трубецкой Г. Красная Россия и Святая Русь. Париж, 1931. С. 31–54; ГА РФ. Ф. 140. Оп.1. Д. 20. Лл. 1–4; Что такое православный приход. Красноярск, 1919. С. 1–7).

²⁷ Епархиальный экстренный съезд духовенства и мирян церквей. – Кострома. 1917. С.62–64.

²⁸ Там же. С.67.

щенное грубым насилием над свободой совести, обращалось к патриарху и «смирнейше испрашивало святых молитв и благословения стоять до смерти за веру Христову и церковное достояние»²⁹. Свою готовность встать на защиту церкви выразили и приходские советы, прихожане г. Костромы. Считали декрет неприемлемым и готовы были «пострадать за веру православную» прихожане Нерехтского уезда Костромской губернии; 14 приходов Вязниковского уезда Владимирской епархии в количестве 17 000 человек обещали Патриарху оказать поддержку в борьбе с врагами³⁰. Подобные задачи ставились в первую очередь перед уже существовавшими епархиальными собраниями и приходскими советами, а также перед вновь создаваемыми братствами и «дружинами крестовых братьев и сестер». Общее собрание прихожан храма Всемиловитого Спаса г. Шуи Владимирской губернии 28 января (10 февраля) 1918 г. подчеркивало, что вера как проявление внутреннего духа и совести не должна в свободном государстве подлежать никаким ограничениям³¹, и постановило объединиться для защиты храма и организовать крестный ход для сплочения и демонстрации своей позиции. Сходной деятельностью по организации «дружин крестовых братьев и сестриц», объединявших круг лиц от 18 до 40 лет, прославился архиепископ Костромской и Галичский Евдоким (Мещерский)³². В Верхнем Поволжье акции протеста в начале 1918 г. прошли в Воздвиженской церкви г. Иванова, Воскресенском соборе г. Шуи, Благовещенской церкви г. Кинешмы, в церкви Даниила Столпника г. Переславы, в церкви Иоанна Богослова г. Ярославля, в Архангельской церкви г. Костромы, в Николо-Кремлевской церкви г. Владимира. Священник г. Кинешмы, председатель собрания приходских советов Н. Юницкий, был удостоен грамоты патриарха, в которой говорилось: «С благодарением принимаем Вашу готовность встать на защиту попираемых ныне прав нашей Матери-церкви»³³. Причем выступлений духовенства про-

²⁹ Головкин А., Потапов М. Рясники и сектанты Ивановской области: Церковь в годы реакции и революции. Иваново. 1930. С.37.

³⁰ Епархиальный экстренный съезд духовенства и мирян церквей. С.82-89.

³¹ Епархиальный экстренный съезд духовенства и мирян церквей. С.37-48.

³² Майорова Н. С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. С.78.

³³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф.556. Оп.1. Д. 5052. Л.7.

тив власти в 1918 году почти не было, в основном, как уже говорилось, инициатива защиты церковных интересов принадлежала мирянам³⁴.

В особом циркулярном письме Совет объединенных приходов рекомендовал благочинным уездов Московской губернии примкнуть к Совету и прислать в Москву своих делегатов. Кроме того, Совет пропагандировал идею использования в случае чрезвычайных обстоятельств «набатного звона», по которому соберутся клир и прихожане храмов Москвы³⁵. Надо сказать, что на посту председателя Союза объединенных приходов А. Д. Самарин занимал взвешенную и мудрую позицию по отношению к большевикам. Недаром он был уполномочен Поместным собором вести переговоры с СНК. Там же, на Соборе, им было внесено предложение, благодаря которому удалось предотвратить вынос святынь кремлевских соборов на общемосковский крестный ход, что вызвало бы однозначно негативную реакцию соввласти. Им особо было подчеркнуто, что выступления в защиту святынь должны быть безоружными³⁶. Вместе с тем, власть провоцировала людей на сопротивление. Так, в Богоявленском Угличском монастыре в июне 1918 г. комиссар церковно-монастырских имуществ потребовал от игуменьи Богоявленского монастыря предоставить описание имущества и список насельниц с указанием рода занятий. По решению членов совета приходской общины, организованной при монастыре, список не представили, требование комиссара осталось без удовлетворения. Приехавшего для самоличной описи имущества комиссара в монастырь не допустили, а для разрешения назревающего конфликта совет приходской общины направил в Угличский исполком мирную делегацию. Переговоры прошли неудачно. Выслушивать аргументы противоположной стороны власти не стали, потребовав от монастырского руководства предоставить комиссару возможность выполнить свою работу. В случае отказа угрожали

³⁴ Журналы Костромского очередного Епархиального съезда духовенства и мирян 1917 года. Кострома, 1917. С.42-43.

³⁵ Трубецкой Г. Красная Россия и Святая Русь. Париж, 1931. С. 45–46.

³⁶ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.3. С.563.

изъяты у монастыря земельные угодья. Требования официальных органов вновь не были приняты. На угрозы ответили угрозой при совершении насилия над монастырским населением ударить в набат. 4 июля 1918 г. монастырь подвергся нападению. На колокольне ударили в набат. Один из проникших на монастырскую территорию красноармейцев в упор из ружья убил послушницу Варвару Кокореву, другой открыл монастырские ворота. Толпу, собравшуюся для защиты обители, разогнали выстрелами. В отчете местных властей события получили характеристику контрреволюционного сопротивления, хотя никаких насильственных действий по отношению к представителям власти, а тем более вооруженного сопротивления не было³⁷.

Был услышан голос Святейшего Патриарха Тихона, его Послание чадам Российской Церкви от 08(21).07.1919 года: «Чадца мои! Пусть слабостью кажется иным эта Святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, [...] но Мы умоляем вас, умоляем всех Наших Православных чад не отходить от этой спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщения. Не омрачайте подвига своего христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия Церкви, которое унизило бы Ее и принизило бы вас до уровня Ее хулителей»³⁸.

Позиция Самарина по отношению к новой власти была отнюдь не примиренческая, и когда было возможно, он с товарищами по Совету объединенных приходов выражал решительный протест. В частности, 28 (13) марта 1918 года Собор уполномочил его, Н. Д. Кузнецова, Н. Г. Малыгина и А. И. Изюмова с представителями московских приходов заявить решительный протест СНК в связи с захватом принадлежащего Православной Церкви имущества, что и было сделано³⁹. Самарин на заседании Собора 7 (20) апреля 1918 года подготавливает и оглашает проект постановления о недопустимости участия право-

³⁷ ГАРФ. Ф. р.-3431. Оп.1. Д. 567. Л. 83.

³⁸ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. С.160.

³⁹ Документы Священного Собора 1917-1918 гг. Т.2. С.356-357.

славных в торжествах по случаю 1 мая, приходящихся на Великую страстную среду⁴⁰. Такая позиция Самарина явилась отягчающим обстоятельством в деле «Самарина-Кузнецова») на суде, и при вынесении ему приговора (смертного) в 1920 году.

Время было жестокое и тревожное. Напомним, что вслед за военным переворотом в Петрограде, с 7 по 15 ноября 1917 года большевиками был захвачен Московский Кремль, артиллерийским обстрелом ансамблю соборов Кремля были нанесены повреждения. С мест в адрес продолжавшего свои заседания Поместного собора шли телеграммы об убийствах священников и разграблении церковного имущества. 27 января 1918 г. Поместный собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая верующих объединиться под церковными знаменами для защиты святынь: «Собор призывает весь народ православный ныне, как и встарь, сплотиться вокруг храмов и монастырских обителей для защиты попираемой святыни». Присутствующий на заседании А. Д. Самарин незамедлительно внес на голосование два предложения: 1) о принятии членами Собора участия в устройении крестного хода в Москве 28 января, 2) об издании брошюры для народа с разъяснением последствий для Православной Церкви декрета об отделении Церкви от государства⁴¹. В общественных местах устраивались богослужения в поддержку патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции⁴². В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые из них были расстреляны, что является доказательством их реальной силы. Во многих случаях, испугавшись широких народных выступлений, власть не отва-

⁴⁰ Документы Священного Собора 1917–1918 гг. Т.3. С.542.

⁴¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.3. С.254.

⁴² 9/22 февраля 1918 года – расстрел толпы верующих при реквизиции имущества Белогорского подворья (Пермская епархия). 7 марта расстрел манифестации в Солигаличе (Костромская епархия). (Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996 г. С.231). О готовности встать на защиту Церкви Православной и о состоявшихся крестных ходах заявляют управляющие епархиями, настоятели приходов, прихожане. В частности, на соборе 9 марта было оглашено заверение от временно исполняющего обязанности управляющего Костромской епархией епископа Кинешемского Севастиана, приходских советов и прихожан церковей г. Костромы. (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.3. С. 355).

живалась на полное разграбление церковного имущества в 1918-1919 гг. Верующие православные люди были полны решимости противостоять большевикам в их «наскоке на религию». В определении Собора от 30 авг./12 сентября 1918 года об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания, указывается, что церковная община, даже в случае лишения ее храма и его святынь, «объединяется вокруг своего пастыря, который с разрешения епархиального архиерея может совершать для общины Божественные службы, не исключая и литургию, в частном доме или ином приличествующем помещении», т.е., по замыслу Собора, жизнь церковной общины должна продолжаться и после изъятия или ликвидации церковного здания. В данном определении Собора видится серьезное обоснование нелегальной жизни Церкви в случае крайней необходимости⁴³.

В повседневной работе Собора непосредственное участие принимал А. Д. Самарин, который, согласно документам Собора, еще будучи членом предсоборного Присутствия 1906 г., внес в 1907 году конструктивные предложения в разработку Приходского устава и даже, как было отмечено, внес «альтернативный проект» Устава⁴⁴. На соборном заседании 5 (18) апреля 1918 года А. Д. Самарин вносит предложение в доклад комиссии о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни. В частности, он настаивает на дополнении п. 9, в котором соборяне провозглашают суровые меры (вплоть до закрытия храмов и удаления клира) над приходами, при содействии которых произошло осквернение храма, кладбищ, были допущены насилия над клириками, произошло изъятие приходских земель, разграбление церковного имущества. Как знаток приходской жизни и наделенный житейским опытом православный человек, Самарин вносит поправку, в которой говорится, что данные меры могут быть применены в том лишь случае, когда будет с «несомненностью дознанием установлено», что озвученные выше действия были результатом одобрения, либо дей-

⁴³ Цит. по: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. М.: Крутицкое Патриаршее подворье. 1996. С. 251.

⁴⁴ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т.5. С.883–884.

ствий приходского собрания, либо большинства прихожан⁴⁵, тем самым показывая свое знание природы человека, который под воздействием пропаганды и во «имя идеалов свободы» мог совершить чудовищные преступления. Действительно, документально подтверждено, что переориентация прихода на «обновленческий», насилию над клиром, разграбление церковного имущества проводились в основном зачинщиками и активистами, в большинстве случаев даже не принадлежащими к местной общине. Там, где приходская община была сплоченной, возглавлялась достойными пастырями, такие инициативы по захвату церковного имущества и святынь всегда встречали отпор.

Плоды деятельности собора, направленные к обновлению приходской жизни, реорганизованной в форме живой общины, не заставили себя ждать. Благодаря действительному обновлению Церкви, которое и должен был законодательно оформить проходивший в Москве Собор, в России начался массовый религиозный подъем. Епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов, † 1918) в начале февраля 1918 года прислал на имя епископа Забайкальского Мелетия из Москвы телеграмму, передающую его духовное настроение в условиях начавшихся гонений на Церковь: «Собор открылся двадцатого. Патриарх объявил Церковь гонимой, предал анафеме гонителей, призвал верных к защите и мученичеству. 28 января было всенародное моление: Красная, Воскресенская площади, прилегающие улицы переполнены молящимися, как в пасхальную утреню. Настроение восторженное»⁴⁶. В 1918 г. к Православной Церкви, «гонимой, а не господствующей, как ранее», пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции – ставший затем на путь священства С. Булгаков, А. Ельчанинов, Н. Бердяев, П. Струве, С. Дурыйлин. Последнему, благословляя его, оптинский старец Анатолий (Потапов), ныне прославленный в лике святых, пишет: «Да поможет тебе Царица Небесная вступить в ряды знаменательные в наше время лиц не духовного, учёного сословия, взявших на себя

⁴⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 годов. Т.3. С.528.

⁴⁶ Забайкальские епархиальные ведомости, 1918, №№ 1-2-3, – с. 67.

подвиг священства»⁴⁷, и тем свидетельствует нам о целом движении части интеллигенции в Церковь в противовес тому, что, по свидетельствам современников⁴⁸, уже в до-революционное время, к осени 1906 года «жизнь в приходах замерла»⁴⁹, что в рабочем кругу встречается «уже явное глумление и над обрядностью, и над нашим православным пастырством»⁵⁰.

Постепенно объединительное движение православных приходов и союзов стало охватывать Россию. Еще 11 января 1918 г. на собрании Пастырского союза священник Роман Медведь⁵¹ сделал доклад о создании при московских церквях и приходах особых братств. Позднее о. Роман явился вдохновителем основания такого деятельного объединения, как Братство союза ревнителей и проповедников Православия, целью которого была «жизнь по вере и проповедям Евангелия», объединяющим православных христиан, ревнующих о своем спасении и обновлении церковном⁵².

Благодаря призывам Святейшего Патриарха и соборян, оживилась деятельность старых братств, стали появляться новые. В провинции начали осознавать пагубность для России и Православия захвативших власть большевиков. В Харькове, при Покровском архиерейском монастыре, открылось братство святителя Мелетия; в Киеве, еще в декабре 1917 г., было основано братство Воскресения Христова. Во главе братства стоял псаломщик Василий

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп.1. Ед. хр. 412а.

⁴⁸ Дурьлин С. Н. В родном углу//Собрание сочинений: в 3 т. – Том 1.: Издательство журнала «Москва», 2014. – с. 11-354.

⁴⁹ Канингем Д. В. С надеждой на Собор. Лондон. 1990. С.272.

⁵⁰ Галкин М. Думы о пастырстве.// Приходской священник. 1912. №11. С.3.

⁵¹ Священноисповедник протоиерей Роман Ярослав Иванович Медведь (1874–1937) – видный деятель ревнителей православия и создания братств. 25 февраля 1919 года был назначен настоятелем храма святителя Алексия, митрополита Московского, в Глиницевском переулке. В 1919 году, по благословению Патриарха Тихона, организовал Братство ревнителей православия в честь святителя Алексия, митрополита Московского. 16 февраля 1931 года был арестован сотрудниками ОГПУ наряду с примерно тридцатью членами братства святителя Алексия, и все они были заключены в Бутырскую тюрьму. В 1931–1936 гг. находился в концлагере. Прославлен Русской Православной Церковью в 2000 году в лике священноисповедника. (Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. – Кн. 4. – Тверь: Булат, 2000. – С. 288–367).

⁵² Устав Московского Братства – Союза ревнителей и проповедников православия. Российская государственная библиотека (РГБ). № 52208. С.1.

Николаевич Попов. В Петрограде члены братства защиты Александро-Невской лавры во главе с председателем епископом Прокопием (Титовым)⁵³ перед ракой с мощами благоверного князя Александра дали обет защищать обитель до последнего вздоха. До 57 000 питерских прихожан вступили в союзы защиты православных храмов. И это при том, что только за восемь месяцев (июнь 1918 – январь 1919 гг.) в стране было убито митрополитов – 1, архиереев – 18, священников – 102, дьяконов – 154, монахов и монахинь – 94; закрыто 94 церкви; осквернено 14 храмов и 9 часовен. Тюремному заключению по обвинениям в контрреволюционности подвергнуты 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов и 5 игуменов. Запрещено 18 крестных ходов, 41 церковная процессия разогнана, нарушены неприкосновенностями богослужения в 22 городах и 96 селах⁵⁴. Всего в 1918–1920 гг. в стране были убиты 28 епископов, тысячи священников арестованы или убиты, 12 тыс. мирян заплатили жизнью за веру и защиту церковных интересов⁵⁵.

Очень важным событием в церковной жизни того времени было открытие 11 июня Союза православных

⁵³ Прокопий (Титов) (1877–1937), архиепископ Одесский и Херсонский, священномученик. В январе 1918 года при неудавшейся попытке захвата Лавры красноармейцами был объявлен арестованным, но по требованию верующих был освобожден. Указом от 26 января 1918 года был освобожден от настоятельства Лавры. Осенью 1925 года ни митрополита Петра, ни его окружение ОГПУ так и не удалось склонить к капитуляции перед обновленцами и полному подчинению богоборческой власти. В результате были арестованы Патриарший местоблюститель митр. Петр (Полянский) и многие выдающиеся архиереи, священнослужители и миряне. В обвинении архиепископов Прокопия (Титова), Пахомия (Кедрова) и Николая (Добронравова), епископов Дамаскина (Цедрика), Амвросия (Полянского), Парфения (Брянских), Германа (Ряшенцева) и Гурия (Степанова) говорилось: «Составили так называемый “Даниловский синод” и служили в качестве такового проводниками всех указаний двух бывших обер-прокуроров — Самарина и Саблера, устранивая совещания и советы между собой для обсуждения вопросов практического проведения самарино-саблеровской линии, как, например, в вопросе об оставлении Киевской митрополичьей кафедры за белогвардейским эмигрантом Антонием Храповицким, для обсуждения и корректирования готовящихся к выпуску документов митрополита Петра, как, например, декларации, и в придании этим документам антисоветского характера, для сообщения и распространения сведений о движении эмигрантской части церкви, зачатки контрреволюционных документов, для обсуждения вопросов о воздействии на непокорных самарино-саблеровской указке, как, например, о воздействии на митрополита Михаила и т.п., проделывая всё это для отвода глаз или за обедом, или тотчас после него». (ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-3677, т.5, л.254-255; ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-3677, т.2, л.158; т.3, л.473-а, т.4, л. 82).

⁵⁴ Владимирские епархиальные ведомости. 1917. №36-37.

⁵⁵ Цыпин В., прот. Поместный собор Русской Православной Церкви 1917-1918 (Актовая речь). Журнал Московской Патриархии. 1994. №3. С.26.

женщин как отдела Союза объединенных приходов. На 24 июня было назначено первое общее собрание православных женщин для выборов правления Союза. Совет объединенных приходов Москвы поддержал эту идею. Открытие Союза состоялось в Соборной палате Епархиального дома. Заседание было открыто председателем Совета объединенных приходов А. Д. Самариним. Председателем Союза православных женщин была избрана Софья Дмитриевна Самарина (1863–1934), фрейлина императрицы Александры Федоровны, сестра Александра Дмитриевича Самарина. Работа союза проходила в семи отделах: 1) осведомительном, в котором собиралась информация о деятельности приходов, в особенности участия в деятельности приходов женщин, 2) детского воспитания, 3) обучения и религиозно-нравственного просвещения женщин на курсах и в воскресных школах, сбора книг, одежды, помощи заключенным исповедникам веры и т.д.⁵⁶

Собор открыл огромный потенциал для участия женщин в приходской жизни. На огромный потенциал женского движения указывал, как было выше показано, и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Несомненно, и здесь мы укажем на заслугу А.Д. Самарина, своими инициативами открывшего поле деятельности женскому движению. Именно «белые платочки» будут «спасать» и определять церковную жизнь во все время пребывания у власти «руководящей и направляющей» коммунистической партии, вплоть до 90-х гг. XX века.

Конечно, вся страна смотрела на ситуацию в Москве и Петербурге. И тут мы видим значительную деятельность, которую проводил Союз православных приходов, возглавляемый Самариним. Приходская жизнь Москвы отличалась определенными контрастами. В целом ряде храмов сложилась безотрадная обстановка, так что местному причту приходилось для обеспечения своей семьи работать на гражданской (советской) службе. С другой стороны, во многих храмах приходская жизнь была налажена благодаря таким пастырям, как о. Алексей Мечев,

⁵⁶ 11/24 июня 1918 г. в Соборной палате Епархиального дома состоялось торжественное открытие Союза православных женщин как отдела Совета объединенных приходов. (Забота о братском посещении арестованных/ Вступительная статья, публикация, примечания Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. Серия II, 2011. №3. С.72-79).

о. Роман Медведь, таким мирянинам, как А.Д. Самарин и др., были созданы братства и сестричества. Приходские советы заботились о благолепии храмов и торжественности совершения богослужений. Во многих церквях были образованы приходские хоры, в том числе с участием профессиональных артистов, процветало диаконское искусство, по местам вводилось в практику общенародное пение. Как средство оживления церковной проповеди можно рассматривать приглашение по приходам известных проповедников, причем иногда таковыми были обеспеченные доверием миряне. Интересно заметить, что вопреки Декрету советской власти 1918 года об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и прямому запрещению властей преподавать Закон Божий детям, во многих храмах такое преподавание не только не было прекращено, но и развивалось. Часто беседы с детьми и народом переносились в квартиры членов причта.

По мнению некоторых московских благочинных, приходские советы подчас увлекались разрешением второстепенных задач церковной жизни, выступали с несогласованными с настоятелями инициативами, входили в контакт с епархиальной властью, которая порой шла им навстречу без учета мнения членов причта и т.д., что дало даже повод некоторым говорить о неоправданности надежд, которые возложил Поместный собор 1917–1918 годов на этот институт. Однако время показало, что в связи с началом широкомасштабной кампании по изъятию церковных ценностей и последующим новым всплеском гонений, созданием «обновленческого» раскола, именно приходские советы стали надежной опорой своих пастырей в борьбе с церковными нестроениями и в защите интересов Церкви.

Какой реальной силой обладали приходы? Отметим, что в марте 1923 года, незадолго до начала так называемого обновленческого «Поместного собора», руководство органов политического сыска СССР издало даже особое распоряжение о перевыборах приходских советов прежнего состава, так как именно они стали надежной преградой для распространения раскола и, в ряде случаев, только они оказывали «удерживающее влияние» на своих пастырей, готовых идти на недопустимые компромиссы.

Одним из важных вопросов, обсуждавшихся на Сибирском церковном совещании в Томске осенью 1918 г., накануне прихода к власти Верховного правителя адмирала Колчака, стал вопрос организации церковно-приходской жизни. Во время работы Южно-Русского поместного церковного собора в мае 1919 г. на территории, занятой Добровольческой армией, также особо обсуждались проблемы приходской деятельности⁵⁷. Такие решения были несомненно оправданы стремлением обратиться к народу и с его помощью организовывать власть на местах.

Приходские советы во многих случаях полагали предел произволу настоятелей – как в отношении наемных сотрудников храмов, так и духовенства, заботились о правильном распределении церковных причтовых доходов, боролись со злоупотреблениями церковной властью. Боролись с такими представителями верующих, которые именовались «захожанами» по привычке заходить в храм лишь в случае крайней необходимости, при этом оставаясь равнодушными к жизни прихода. С такими явлениями, уродующими приходскую жизнь, боролись приходские советы в тех местах, где забота о налаживании нормальной приходской жизни и братской взаимопомощи была не только фразой в годовом отчете, а действительной нормой жизни⁵⁸. Под гнетом тяжелых испытаний в недрах приходов, особенно в больших центрах, закипела жизнь. Люди, вчера еще между собой незнакомые, сплачивались в союзы под руководством своего священника. Не только забота о храме, но целый ряд других функций духовной и материальной взаимопомощи стал осуществляться приходами. Новый приходской устав, принятый

⁵⁷ В полном соответствии с решениями Всероссийского поместного собора Южно-Русский поместный церковный собор постановил: «Признать крайнюю необходимость скорейшего осуществления в жизнь мер, начертанных Приходским уставом, к подъему церковно-общественной деятельности приходских советов как в смысле усиления благотворительной и просветительской их деятельности, так и в смысле развития учреждений взаимопомощи, способствующих материальному благополучию прихожан, для чего установить: Образование приходских отделов при Высшем Временном Церковном Управлении и Епархиальных Советах и организацию приходских инструкторов; снабжение приходов уставами; открытие повсюду церковно-приходских советов и соединение их в союзы. Предпринять издание популярных брошюр о приходе с извлечением из приходского устава и практическими указаниями приходской работы». (ГА РФ. Ф. 3696. Оп. 1. Д. 1. Лл. 72–72 об.).

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 109. Л. 11-12.

Поместным собором в 1918 году, дал реальную возможность оживить и обновить приходскую жизнь, и одним из главных участников этого движения, напомним, был А. Д. Самарин.

Власть, конечно же, не могла терпеть сопротивление своей политике, она всеми методами боролась с оппозицией, которую представляла Церковь. Летом 1918 г. А. Д. Самарина обвинили в «разработке плана организации православного духовенства в целях борьбы с советской властью на религиозной платформе». С 25 сентября 1918 по 19 апреля 1919 г. и с 15 августа 1919 г. он находился под арестом. В январе 1920 г. Московский губернский ревтрибунал выдвинул против деятелей Совета объединенных приходов г. Москвы («дело Самарина-Кузнецова») обвинение в контрреволюции, в проведении политики Собора и Патриарха, направленной на создание по всей стране «советов объединенных приходов, которые организовали крестные ходы, звонили в набат, собирали народ для противодействия советской власти». А. Д. Самарин и Н. Д. Кузнецов, которые «правоохранительными органами» советской власти были признаны «главными вдохновителями всех контрреволюционных организаций, имевших цель [...] вызвать в самой гуще не совсем осознавших свое классовое положение крестьян и рабочих... активное сопротивление Советской власти, чтобы свергнуть ее [...] и вернуть власть царя, помещиков и капиталистов»,⁵⁹ были приговорены к расстрелу. В связи с выдвинутой по отношению к врагам Советской власти формулировкой обвинения, вмененной подследственным попыткой свергнуть Советскую власть, очень показательно о советском правосудии высказался в своем письме в 1920 году к председателю ВЦИК М. И. Калинину Святейший Патриарх Тихон: «Ныне я утверждаю, что образ действий VIII Отдела Народного Комиссариата Юсти-

⁵⁹ Приняв во внимание мощь пролетарского фронта, героические победы рабочих и крестьян над мировой буржуазией и амнистию ВЦИК от 5 ноября 1919 г., Самарину и Кузнецову расстрел заменили заключением в концлагерь до окончательной победы пролетариата над мировым капитализмом. Вскоре этот период конкретизировали — присудили заключение на 25 лет. По постановлению Ревтрибунала, Александр Дмитриевич был освобожден в марте 1922 г. (Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь: По материалам следственных и лагерных дел заключенных. М.: Серебряные нити, 1998. С.221–227. ЦГАМО. Ф.5062. Оп.3. Д.6, 7).

ции в лице Галкина и Шпицберга нарушает Конституцию РСФСР, декрет об отделении Церкви от Государства и при этом не может быть оправдан ссылкой на переходный момент, т.к. сама Конституция, стремящаяся обеспечить действительную свободу совести, рассчитана, по ее собственным словам (ст.9), на «настоящий переходный момент» [...] Я, во-первых, на основании постановления VI Всероссийского Съезда Советов, требую точного соблюдения касающихся религиозной свободы законов, содержащихся в Конституции и декретах РСФСР, а во-вторых, настаиваю на отводе в предстоящем расследовании «Моей деятельности» [...] следователя Шпицберга, как лица, производящего следствие и допросы «с пристрастием», что ярко выяснилось из предыдущих церковных процессов («Дело Самарина, дело архиепископа Палладия» и др.), и не обладающего требуемыми от судьи и следователя элементарными качествами в отношении справедливости, беспристрастия, спокойствия, знания права и т.д. и, наконец, как человека, публично оскорбляющего религиозные верования, открыто издевающегося над религиозно-обрядовыми действиями»⁶⁰. Конечно, его слова не были услышаны. Таковы были реалии тех лет. Со слов Святейшего Патриарха мы лучше понимаем цену тогдашнего правосудия. Еще ранее Святейший обращался в Послании от 25.09(08.10)1919 г. к обвинителям Церкви в контрреволюции: «Мы, служители и глашатаи Христовой Истины, подпали под подозрение у носителей современной власти в скрытой контрреволюции, направленной якобы к ниспровержению советского строя. Но Мы с решительностью заявляем, что такие подозрения несправедливы: установление той или иной формы правления не дело Церкви, а самого народа»⁶¹.

И хотя террором, действиями ОГПУ по созданию внутрицерковного раскола, кампаниями «по изъятию церковных ценностей» и «вскрытию мощей», расправами с «противниками коллективизации», репрессиями 30-х годов движение братств было ликвидировано, всероссийским союз приходов так и не стал, да и сама приходская община фактически прекратила свое существование в за-

⁶⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 173.

⁶¹ Акты... С.163.

думанном членами Собора виде, выродившись (под давлением КПСС) до определенной Архиерейским собором 1961 года формы, где клир отстранялся от финансово-хозяйственной деятельности прихода, деятельность движения Союза московских приходов и братств имела громадное значение. Они на протяжении ряда десятилетий показали силу Церкви, способность к самоорганизации, народную любовь и веру людей, могущих встать на защиту своих религиозных ценностей. Соборные постановления о приходской жизни и подлинном обновлении религиозного чувства не прошли даром. Наследники братств и союзов проявили себя позже, в 60-е годы. Вокруг таких представителей, как архимандрит Таврион (Батозский), протоиерей А. Мень, архимандрит Севастиан (Фомин), священники Анатолий Жураковский, Александр Толгский, Александр Егоров⁶² собирались целые монашеские общины или общины и сестричества из мирян, возглавляемых священниками.

История доказала правильность пути по обновлению Церкви, избранного на Поместном соборе 1917–1918 гг. при активном участии А. Д. Самарина. Прошедшее 100-летие показало, что Церковь невозможно разрушить, ибо она имеет во главе своего Божественного Основателя, в основе она имеет веру и является подлинно народной организацией. Ныне, в 100-летний юбилей Поместного собора 1917–1918 гг., в Русской Православной Церкви расцветает приходская жизнь, поощряемая документами Межсоборного присутствия и Священного синода⁶³, свидетельствуя о великой жизненности идей по оздоровлению и обновлению Церкви, над реализацией которых в начале прошлого века трудился Александр Дмитриевич Самарин, на которые он положил жизнь свою. В этом его великая заслуга перед Русской Православной Церковью, истин-

⁶² Смык В. Обыденский батюшка. Протоиерей Александр Егоров. М.: Издательство Зачатьевского монастыря. 2016 г. – 200 с.

⁶³ Устав Русской Православной Церкви. Глава XVI. Приходы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133141.html>. ЖУРНАЛЫ заседания Священного Синода от 25 июля 2014 года. Доклад Преосвященного митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Варсонофия, управляющего делами Московской Патриархии, секретаря Межсоборного Присутствия, о разработке в профильной комиссии Межсоборного Присутствия темы границ приходов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3695943>. Дата обращения 19.07.2017 г.

ным и верным молитвенником которой он был до конца своих дней.

Закончить статью о личности А.Д. Самарина хочется словами Святейшего Патриарха Тихона, очень ярко характеризующими людей, которые в те лихие годы положили свою жизнь на алтарь Божией любви: «О, тогда воистину подвиг твой за Христа в нынешние лукавые дни перейдет в наследие и научение грядущим поколениям, как лучший завет и благословение: что только на камени сем – врачевания зла добром созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви в Русской земле, и неуловимо даже для врагов будет Святое имя Ее и чистота Ее чад и служителей. Тем, кто поступают по сему правилу, мир им и милость. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие. Аминь (Гал. 6:18)».⁶⁴

⁶⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона. С.161-162.

Ю. Г. ТАИРОВА

ХРАМОЗДАТЕЛЬ

... Я за Бога!..

Из последнего слова А.Д. Самарина на суде

КОНЕЦ 1907 года и 1908 год стали скорбными для семьи Мамонтовых. Болезнь скоропостижно унесла из жизни двух прекрасных женщин, дочь и мать: Веру Саввишну¹ и Елизавету Григорьевну². Горе накрыло лавиной Александра Дмитриевича. Он, овдовев, до конца дней сохранил верность почившей супруге и отдался служению Церкви и её людям. Может, уже тогда Александр Дмитриевич задумал построить храм в память о ней и её матери. Став частью большой Мамонтовской семьи в 1903 году, он видел плоды общественной и просветительской деятельности своей тещи, которая организовала и наладила жизнь крестьян в окрестностях Абрамцева, воссоздала кустарные промыслы и занималась обучением и воспитанием подрастающего поколения. Именно там, в Абрамцеве, впервые была опробована модель инфраструктуры: храм, школа для крестьянских детей с профессиональной подготовкой, медпункт и пространство (участок земли) для праздников и народных гуляний. Эту же модель Александр Дмитриевич воплотил в Аверкиеве, а ранее Поленовы в своем имении на Оке тоже использовали опыт Абрамцева.

¹ Самарина Вера Саввишна (1875–1907), дочь С. И. и Е. Г. Мамонтовых, супруга А. Д. Самарина, широко известная по её портрету «Девочка с персиками» В. А. Серова. Благотворительная деятельность, художественная вышивка. – *Рег.*

² Мамонтова Елизавета Григорьевна (1847–1908), супруга Саввы Ивановича Мамонтова, владелица Абрамцева, одна из создателей Мамонтовского художественного кружка, которая превратила союз художников в союз семей и тем укрепила его так, что связи семей поддерживаются уже в четвертом и пятом поколениях. В 2017 году в Абрамцево на съезд семей участников Мамонтовского кружка собралось около 100 человек потомков. – *Рег.*

Недалеко от Москвы дворяне Самарины владели большими земельными угодьями, им принадлежало 16 деревень в Павлово-Посадском благочинии Богородского уезда Московской губернии. Осенью 1910 года крестьяне деревень Аверкиево, Дергаево и Бразуново обратились к землевладельцу А.Д. Самарину и благочинному Богородского уезда протоиерею Константину Голубеву³ с просьбой – построить каменный храм. Отца Константина и Александра Дмитриевича с 1899 года связывала крепкая дружба, усиленная общностью веры, взглядов и готовностью служить ближним. Протоиерей Константин Голубев был для Самарина не только духовным наставником и примером, но и помощником в делах служения Церкви и людям. Разрешение в консистории на постройку храма было получено в 1910 году. Выбрали прекрасный проект архитектора Василия Николаевича Башкирова⁴ – друга и помощника Виктора Михайловича Васнецова, в стиле храмовой архитектуры XVII века. К этому времени имя Василия Башкирова было уже хорошо известно в Москве. С 1900 по 1903 год по эскизам художника Васнецова Башкиров реконструировал фасад центрального здания Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке, в 1908 году выполнил архитектурный проект здания Городской центральной электрической станции на винно-соляном дворе, далее известной как ГЭС-2. В 1911 году Василий Николаевич Башкиров создал дополнительный объем – пристройку к зданию Кустарного музея в Леонтьевском переулке. Пристройку венчало «древнерусское» крыльцо с колонками – бочонками, а крышу – флюгер с игрушечным изображением. В.М. Васнецов и В.Н. Башкиров явились основоположника-

³ Священномученик Константин Алексеевич Голубев (1852–1918) – протоиерей; настоятель Богоявленского собора в Богородске. Прославлен в лике святых Русской Православной Церкви в 2000 году как священномученик Константин Богородский. Память святого – 19 сентября по юлианскому календарю (2 октября по новому стилю). Также в Соборе новомучеников Российских и в местном соборе новомучеников Богородских – 7 (20 ноября). (Священномученик Константин Голубев (1852–1918). [Коломна], Издание Московской епархии, 1996. Игумен Дамаскин (Орловский). Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Сентябрь-Октябрь. Тверь, 2003 г. С. 50-74).

⁴ Башкиров Василий Николаевич (1870 – после 1917 г.), архитектор, окончил в 1897 г. Академию художеств в Санкт-Петербурге с дипломом «художник-архитектор». Сотрудничал с В.М. Васнецовым, по эскизам которого выполнил три проекта. Построил несколько зданий в Москве в неорусском стиле. – *Рег.*

ми неорусского стиля в архитектуре. Основные средства на постройку храма, домов причта и сторожки пожертвовал Александр Дмитриевич Самарин.

28 августа 1911 года, в деревне Аверкиеве Богородского уезда, торжественно состоялась закладка храма во имя Святой Живоначальной Троицы. Александр Дмитриевич не мог не использовать и опыт постройки домово-церквей Спаса Нерукотворного в Абрамцево и опыт, накопленный за многие годы работы Абрамцевских кустарных мастерских. Да и художники, лично знавшие Веру Саввишну и Елизавету Григорьевну, старались участвовать в создании храма в память о них. К концу 1914 года Троицкий храм деревни Аверкиеве был построен. В январе 1915 года состоялось освящение главного престола, а в ноябре 1915 года были освящены два придела: один во имя святого благоверного князя Александра Невского – небесного покровителя Александра Дмитриевича Самарина, а другой – во имя святителя Мир Ликийских и Чудотворца Николая. Праздник собрал большое число крестьян, которые впервые участвовали в архиерейском богослужении. К внутренней отделке храма были привлечены мастера кустарных Абрамцевских мастерских. Резчики столярной мастерской выполнили иконостасы, киоты для икон, храмовую мебель, двери. Орнаментальные работы были выполнены по эскизам Василия Дмитриевича Поленова и Андрея Саввича Мамонтова⁵ – брата Веры Саввишны. Наружные стены храма украшало множество керамических изразцов, выполненных по эскизам Михаила Александровича Врубеля⁶ в технике восстановительного обжига в керамико-художественной мастерской «Абрамцево» Саввы Ивановича Мамонтова в Бутырках. Ни Андрея Саввича, ни Михаила Александровича во время строительства и отделки храма не было в живых. Но Савва Иванович Мамонтов хранил их работы, в том числе эскизы. Изготовленные на его заводе в Бутырках изразцы

⁵ Мамонтов Андрей Саввич (1869–1891), художник. Послужил моделью к образу Алеши Поповича для картины В. М. Васнецова «Богатыри», участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве под руководством В. М. Васнецова, художник Абрамцевской столярной мастерской. – *Рег.*

⁶ Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — русский художник рубежа XIX–XX веков, работавший практически во всех видах и жанрах изобразительного искусства: живописи, графике, декоративной скульптуре и театральном искусстве. – *Рег.*

для храма в Аверкиеве аналогичны изразцам, украшающим камин в кабинете хозяйки усадебного дома в Абрамцеве – Елизаветы Григорьевны Мамонтовой. Фасад колокольни Троицкого храма украшали майоликовые иконы Спасителя, Богородицы, Иоанна Крестителя, которые выполнялись в гончарной мастерской Саввы Ивановича Мамонтова в 1910-1913 гг. В аналогичной технике выполнена В.Д. Поленовым икона Спаса Нерукотворного, вмонтированная в стену над порталом церкви в Абрамцево. В период исполнения заказа для Аверкиева в мастерской работал талантливый художник-прикладник Николай Пашков. Возможно, им и выполнены иконы.

С конца 1915 года Троицкий храм открыл двери для прихожан. На большом поле совсем рядом с деревянной стояли и теперь стоят церковно-приходская школа, построенная Александром Дмитриевичем немного раньше, и красавец-храм. Началась православно-просветительская деятельность среди населения. На поле проводились крестные ходы, массовые гуляния и отмечались праздники. Ансамбль села Аверкиева, умело выстроенный Самариным, продолжил начатую семьёй Мамонтовых работу с подрастающим поколением и крестьянским населением близлежащих деревень.

Храмоздательская деятельность стала для Александра Дмитриевича началом нового трудного и очень важного периода в его жизни, периода Служения. В июле 1914 года А.Д. Самарин принял обязанности Главноуполномоченного Красного Креста. На него легли заботы по приёму раненых с фронта, по эвакуации их во внутренние районы империи и размещению по госпиталям, которые надо было создать и содержать на общественные деньги. Свои обширные связи А.Д. Самарин использовал для организации пожертвований и всяческой помощи пострадавшим на войне. В июле 1915 года Александр Дмитриевич Самарин, по личной настойчивой просьбе государя Николая II, стал обер-прокурором Святейшего синода, не снимая с себя обязанностей по Красному Кресту, дворянскому предводительству и многочисленным другим общественным должностям.

В годы лихолетий на долю церкви Живоначальной Троицы села Аверкиева выпало много испытаний. Благо-

чинный Богородского уезда – протоиерей Константин Голубев – миссионер, обративший к православной вере тысячи жителей Богородского уезда, уклонившихся в секты, один из первых пастырей встал на защиту православной веры. В 1918 году он был арестован, без суда и следствия приговорен к расстрелу и раненым закопан в могилу. Священник Николай Фелицын, принимавший участие в богослужениях в храме Живоначальной Троицы, был расстрелян в 1937 году. На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся в 2000 году, протоиерей Константин Голубев и иерей Николай Фелицын причислены к лику новомучеников и исповедников Российских. В 1930 году Троицкий храм был закрыт, разграблен и стал использоваться как склад для химических удобрений, а потом и ядохимикатов, агрессивное химическое воздействие которых сделало свое пагубное дело. Стены храма постепенно разрушались. В 1994 году храм был возвращен Русской Православной Церкви в руинированном состоянии. Началось медленное восстановление святыни на средства прихожан, начались богослужения.

Ансамбль Троицкого храма деревни Аверкиево с 2002 года является памятником культурного наследия региона. С 2007 года силами настоятеля храма и прихожан приход Троицкого храма стал проводить Фестиваль колокольного звона «Аверкиевские перезвоны», на который съезжаются звонари и фольклорные коллективы со всей России. Фестиваль стал любимым и знаковым мероприятием Московской области, площадкой для новых творческих открытий и выставок, мастер-классов. Колокольный звон, как молитвенная память о храмоздателе Александре Дмитриевиче Самарине и его благочестивой жене – Вере Саввишне, плывет по Павлово-Посадской земле, наполняя сердца людей благодатью и любовью. Продолжая просветительскую и культурную деятельность «Абрамцева», заложенную еще Елизаветой Григорьевной и Саввой Ивановичем, приход Троицкого храма занимается православным просвещением и воспитанием населения. За прошедшие годы были налажены тесные связи с Государственным историко-художественным и архитектурным музеем-заповедником «Абрамцево», проведены исследования, доказывающие принадлежность Троицкого

храма к уникальным объектам культуры России. Фестиваль колокольного звона «Аверкиевские перезвоны» включен в программу Славянского форума искусств «Золотой Витязь». В 2016 году начались реставрационно-аварийные работы на памятнике, продолжается воссоздание культурно-просветительного центра, созданного некогда А.Д. Самариним, теперь уже в форме православного туристического объекта Подмосковья.

В ансамбле Троицкого храма чудесным образом переплелись история, культура и православные традиции России. Из разных уголков нашей большой страны приезжают люди, чтобы воочию увидеть зримое продолжение одной из самых любимых народом картин Валентина Серова «Девочка с персиками» и воплощение в памятнике удивительной истории любви супругов Самариных, чтобы помолиться в храме и наполнить свои сердца светлой радостью и покоем.

ОБРАЩЕНИЯ, ПИСЬМА, ЗАПИСИ

ОБРАЩЕНИЕ МОСКОВСКИХ ДВОРЯН К ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II. 1905 ГОД¹

*Помяните одно: только кореню
основанье крепко,
но и древо неподвижно;
только коренья не будет, к чему
прилепиться?*

Окружная грамота Москвы 1611 г.

НЕОБЫЧАЙНОЕ возбуждение, которым наше общество охвачено с самого начала войны и особенно со времени перемены в направлении нашей внутренней политики, за последние два месяца приняло форму политической агитации в пользу введения у нас представительных учреждений, как един-

¹ В январе 1905 года в Московском дворянском собрании в деле о поднесении московским дворянством адреса государю в связи с возможными государственными преобразованиями вокруг Ф. Д. Самарина объединилась большая группа дворян и был принят именно самаринский, патриотический, консервативный адрес. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.btrudy.ru/resources/BT40/BT_40_274-354.pdf. В воспоминаниях В. Ф. Джунковского (М.: Изд. имени Сабашниковых, 1997. Т. 1. С. 40) значится организатором адреса не Ф. Д. Самарин, а А. Д. Самарин: «22 января 1905 г. состоялось в Москве чрезвычайное дворянское собрание. Брожение, царившее повсюду, не могло не отразиться и на общественных кругах. Дворянское собрание прошло с огромным оживлением, так как еще до собрания были составлены две записки противоположного характера и содержания. Одна записка была составлена группой дворян во главе с А. Д. Самариным и высказывалась за необходимость твердой власти и незыблемость принципов самодержавия, другая была составлена группой дворян во главе с князем С. Н. Трубецким, отражая на себе настроение либеральных кругов, которые высказывались за необходимые реформы в конституционном духе. Мысли этих двух записок были положены в основу двух адресов, которые и были прочитаны на дворянском собрании – адрес первой группы был прочитан А. Д. Самариним, второй группы – князем П. Д. Долгоруковым. После оживленных дебатов баллотировали оба адреса. Большинство голосов прошел адрес группы Самарина, который и был послан государю императору». Текст обращения: НИОР РГБ / Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки/ в фонде Шереметевых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004748265#?page=28>. Резюмируя приведенные сведения из двух источников, необходимо сказать, что это именно самаринский вариант, составленный коллективно при главенстве братьев Самариных, Федора Дмитриевича как старшего из братьев и Александра Дмитриевича, поскольку он выделен как главный автор текста. О коллективном стиле работы А. Д. Самарина см. «Конспект для составления моей записки о моей службе в должности обер-прокурора Синода 1915 г.» в данном сборнике. – *Рег.*

ственного будто бы средства, способного вывести наше отечество из переживаемого им трудного положения. Начало этому движению положено известным Петербургским Съездом²; за ним поднялись присяжные поверенные; в том же смысле высказалась Московская Дума и, наконец, ко всем этим заявлениям присоединились некоторые губернские земские собрания, в том числе и Московское. Все эти адреса, ходатайства и постановления с явным сочувствием принимаются известною частью нашего общества, получают широкое распространение и в значительной мере обостряют смуту и волнуют умы. Мало-помалу к этому движению начинают примыкать и такие лица, которые не отдают себе ясного отчета в его значении и в его конечных целях, а просто увлекаются господствующим течением. Может, таким образом, получиться впечатление, будто в требовании коренной политической реформы сходятся все слои и группы русского общества.

К такому движению нельзя относиться равнодушно. Кто не сочувствует ему, тот обязан решительно заявить это и определенно высказать свои политические убеждения. Поэтому мы, нижеподписавшиеся, относясь безусловно отрицательно к мнению, будто представительные учреждения могут в чем-либо помочь нашему отечеству выйти из переживаемого им кризиса, считаем своим долгом изложить свою точку зрения на этот вопрос и выяснить сущность и основание своего разногласия с тем направлением, которое так громко о себе заявляет.

Прежде всего, вопрос о представительных учреждениях возбужден в высшей степени несвоевременно. Война, для нас пока неудачная и во всяком случае тяжелая, всецело приковывает к себе внимание нашего правительства и народа. Во что бы то ни стало необходимо спасти честь и достоинство государства, сохранить целостность и неприкосновенность его территории, поддержать его политическое значение. К этой цели должны быть направлены все духовные и материальные силы нашего народа.

² Земский съезд 1904 года, известный как первый легальный Земский съезд — форум земства, представителей всех сословий России, на котором большинство этих выборных потребовало от царя конституции, свобод и парламента, аналога французских Генеральных штатов. Проходил 6–9 ноября 1904 года в Петербурге под названием «Частное совещание земских деятелей». Он выработал резолюции, которые распространялись в ноябре-декабре в виде петиций, публиковавшихся в печати. — *Рег.*

Сплотившись, как один человек, вокруг своего Верховного Вождя и заодно с ним, весь народ должен отстаивать унаследованное от предков достояние. И вот в такую минуту раздаются голоса, требующие коренных политических реформ. Выступать теперь с таким требованием значит ради борьбы с внутренней политикой правительства подвергать серьезной опасности международное положение государства, его честь и достоинство. Не значит ли это, с другой стороны, пользоваться затруднительным положением власти, чтобы исторгнуть у нее то, чего при других обстоятельствах от нее не надеются получить? Конечно, многие из сторонников представительных учреждений не желают политического унижения русского народа, но они должны признать, что именно наши военные неудачи дали им решимость выступить со своими заявлениями и создали благоприятную почву для их агитации. Не без основания можно утверждать, что решительный успех русского оружия на Дальнем Востоке заставил бы умолкнуть многие из голосов, которые теперь так смело и настойчиво обращаются к власти с своими требованиями. Простое непосредственное чувство должно бы, кажется, подсказать, что недостойно русского народа получить представительные учреждения при таких условиях. Наконец, можно ли зрело обдумать и тщательно подготовить коренную политическую реформу при том возбужденном настроении, которым теперь охвачено русское общество, при тех колебаниях, которые обнаруживаются в действиях правительства? Работая при таких условиях, составители нашей будущей политической хартии, как бы они ни были опытны, талантливы и добросовестны, не избегнут крупных ошибок, которые могут оказаться роковыми не только для новых учреждений, но и для политической судьбы самого русского народа.

Обращаясь затем к существу вопроса, мы безусловно отвергаем и осуждаем все попытки преобразовать наш государственный строй на началах, чуждых нашему народу и не соответствующих нашим общественным условиям. Мы твердо верим в жизненность самодержавия, как власти, выросшей на нашей народной почве и сродной нашему народу по духу и по основному своему началу. Всякие меры, клонящиеся к тому, чтобы умалить или ослабить самодер-

жавную власть, противоречат, по нашему убеждению, политическому сознанию русского народа и потому будут встречены им не только с недоверием, но даже враждебно.

Действительно, весь наш государственный строй покоится на вере народа в Царя; только на этой основе и зиждется авторитет власти. Не будь ее, суды и администрация, полиция и войско оказались бы бессильными. Веруя в Царя, обращая к нему все свои надежды, народ безропотно несет тяготу, возлагаемую на него государством, и беспрекословно подчиняется власти даже в тех случаях, когда ее требования и веления представляются ему непонятными. Он терпеливо ждет от Царя осуществления своих неясных надежд на лучшее будущее. Даже в тех случаях, когда народ стихийно-грубо нарушает порядок и открыто восстает против представителей государственной власти, он убеждает себя или его убеждают, что такова воля Царя, и он простосердечно верит, что действует во имя Царя. Только благодаря такому отношению к власти и могла совершиться мирно реформа 1861 г.³, несмотря на то, что некоторые ее стороны противоречили народному представлению о воле. В этом доверии народа к верховной власти заключается существенное условие успеха всех мер, направленных к дальнейшему устройению нашего сельского быта, и вернейший залог мирного развития всех духовных и вещественных сил нашего народа.

³ Крестьянская реформа в России (в просторечии — отмена крепостного права) — начата в 1861 году реформа, упразднившая крепостное право в Российской империи, явилась первой по времени и наиболее значимой из реформ Александра II; реформа возвещалась Манифестом об отмене крепостного права от 19 февраля (3 марта) 1861 года. Как указывал историк П. А. Зайончковский, представление о том, что «эта свобода не настоящая», разделялась после реформы не только частью крестьянства, но и либеральной интеллигенцией. Обнаrodование «Положений» сразу же вызвало подъем крестьянского движения. Сохраняя веру в царя, крестьяне отказывались верить в подлинность манифеста и «Положений», утверждая, что царь дал «настоящую волю», а дворянство и чиновники либо ее подменили, либо истолковывают в своих корыстных интересах; Герцен и Огарёв писали, что народу нужны «земля и воля»; Ю. Ф. Самарин (дядя А. Д. Самарина) в своём письме к тульскому помещику князю Черкасскому, оценивая значение манифеста, писал, что от него «веет скорбью по крепостному праву». (Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. — М., 1954. С. 161, 166, 181). К этому следует добавить, что текст манифеста был составлен Ю. Ф. Самариным, а затем существенно отредактирован. В цитированном высказывании Ю. Ф. Самарина можно видеть его несогласие с существенным изменением текста манифеста, которое не касается текста «Положений»; в составлении их Ю. Ф. Самарин принимал также ближайшее участие, но и этот коллективный труд, большой документ не вполне соответствовал его взглядам на необходимое содержание реформы 1861 года. В данной самаринской записке в силу семейной преемственности проскальзывает критическая оценка реформы. — *Рег.*

С этой основной чертой политического катехизиса нашего народа не мирится мысль об ограничении царской власти. Представительные учреждения никогда не получают в глазах народа и малой доли того авторитета, которым обладает Самодержец. Народ увидит в этих учреждениях не что иное, как орудие, изобретенное высшими классами для того, чтобы захватить власть в свои руки и воспользоваться ею в своих видах. А если бы такая мысль закралась в умы тех миллионов, на плечах которых стоит Русское Царство, то последствия были бы неисчислимы, и политическое крушение стало бы неминуемо. Когда народ узнает и поймет, что его Царь уже не Царь, что им завладели «господа», тогда не найдется в России той силы, которая могла бы удержать его справедливый гнев и его негодование; все будет сметено, и надолго задержится здоровый рост и правильное развитие Русской земли.

Итак, огромное большинство нашего народа не знает и не хочет знать иной власти, кроме власти самодержавного Царя, и с недоверием отнесется ко всякому представительному учреждению, которым самодержавие Царя будет ограничено. Было бы ошибочно видеть в этом недоверии только плод предубеждения и невежества. Оно коренится в глубоком разладе между массою народа и его верхними слоями, призванными к руководящей роли в государственной и общественной жизни. Разлад этот, если не вполне ясно всеми сознается, то во всяком случае ощущается народом как несомненный факт.

Действительно, если бы народу нашему были даны политические права, то он мог бы их осуществить, конечно, не иначе, как чрез посредство образованных классов. Но эти общественные классы у нас чужды большинству народа по своим понятиям, убеждениям и идеалам. Они живут своею, особою от остального народа духовною жизнью, и даже смотрят несколько свысока на эту «темную массу», у которой они не признают самостоятельных духовных основ. Может ли при таких условиях общество наше служить средоточием народного сознания, способно ли оно давать определенное выражение тому, что народная масса не умеет ясно высказать, хотя живо чувствует? Между тем общество наше имеет притязание просвещать народ, хочет даже руководить им, не справляясь с его собственными желани-

ями. Понятно, что представительные учреждения, в которых руководящую роль играла бы эта общественная среда, были бы лишь по форме представительством всего народа; в действительности же, по своему духу, по своим стремлениям, по цели, которую они себе ставили бы, они вовсе не выражали бы чувство, мысль и волю народа. Словом, это был бы обман, мистификация, а не представительство.

Обыкновенно говорят, что, пока низшие слои народа находятся в таком состоянии, как у нас, образованные классы непременно должны ими руководить по своему усмотрению; иначе будто бы и быть не может. Эту точку зрения мы безусловно отвергаем. Под бедным рубищем, под грубой внешностью в народе нашем несомненно таится своеобразная духовная жизнь. Невысок уровень его развития, не широк его умственный кругозор; но у него бесспорно есть нечто такое, чего не достает нашим образованным классам; он твердо верит в некоторые весьма простые, но полные глубокого смысла положительные начала. Они-то и служат ему путеводной звездой в его многотрудной жизни. Поэтому видеть в нашем народе лишь вещественную силу, которую можно направить куда угодно, — величайшая несправедливость и грубая политическая ошибка. Народ наш можно обмануть; можно над ним совершить насилие; но добровольно и сознательно он не пойдет за теми, кто его будет сбивать с его исконного пути. Таким образом, общество наше не может выражать народного сознания и уже по одному этому народное представительство у нас не имеет твердой почвы. Но русское общество и само по себе, по своему собственному внутреннему состоянию неспособно к руководящей роли, к которой оно было бы призвано, если бы были введены представительные учреждения. Оно само переживает тяжелый внутренний кризис. Значительная его часть постепенно утрачивает предания, которыми все общество до сих пор жило, и отрекается от унаследованных исстари верований и идеалов. Над всем, веками сложившимся политическим строем, над верованиями и идеалами народа, над всем его бытом произносится строгий приговор, и все это беспощадно осуждается как окончательно отжившее. Но для нового общественного строя не указывается пока никакой положительной основы в нашей действительности.

сти; в этом отношении все ограничивается личными взглядами и скоропреходящими мнениями. Это отрицательное отношение ко всем духовным устоям нашего общественного порядка в «передовых» кругах возводится на степень сознательного исповедования и громко провозглашается как основной принцип государственной и общественной деятельности; в слоях умеренных оно принимает характер известного настроения или тона, часто бессознательного. Но так или иначе в этом отрицании объединяются люди, далеко расходящиеся между собою в других отношениях.

При таких условиях общество наше не может создать что-либо жизнеспособное; оно не в состоянии вдохновлять власть, давать ее деятельности определенное направление и содержание. Нет никакого сомнения, что если оно будет призвано к власти, то в нем получат преобладание самые крайние элементы, и оно направит свои силы не на созидательную работу, а на политическую борьбу, конечной целью которой, может быть, еще не для всех ясной, — будет крушение всего нашего государственного строя.

Существует, правда, мнение, что представительные учреждения с неизбежно в них борьбой послужат наилучшей школой для политического воспитания нашего общества; мало-помалу у него выработаются политические традиции, сложатся и окрепнут партии и выяснятся положительные задачи политической деятельности. Пусть все это верно (хотя влияние парламентаризма на общество и его жизнь мы, с своей точки зрения, вовсе не считаем благотворным); но не падает ли тем самым главный довод, выставляемый теперь в пользу введения у нас представительных учреждений? Ведь эта мера рекомендуется как целебное средство, которое должно будто бы спасти нас сейчас немедленно. Если же общество наше должно еще учиться, воспитываться в политическом отношении, то, значит, в настоящую минуту оно не в состоянии орудовать властью, и уж, конечно, не в силах вывести наше отечество из его нынешнего трудного положения. А надо притом помнить, что курс обучения в политических учреждениях продолжается по крайней мере десятки лет, обходится народу не дешево и, в конце концов, приводит нередко к самым печальным результатам. Лучшим предостережением может нам служить пример таких стран, как Франция,

Австро-Венгрия, Испания. Там, несмотря на долголетнее существование представительных учреждений, до сих пор не выработался еще прочный политический строй, и народное представительство вместо плодотворной работы, требуемой от него общественным мнением, занято лишь бесплодной политической борьбой, в которой оно истощает все свои силы. Эта борьба стала здесь уже сама по себе целью. Есть ли основание подвергать такому риску политическую будущность русского народа?

Но, может быть, скажут, что все приведенные доводы имеют в виду только «конституцию» в строгом смысле этого слова, т. е. формальное ограничение самодержавия, а что общество наше (или по крайней мере значительная часть его) не идет так далеко в своих требованиях и желает только, чтобы выборные представители его имели совещательный голос при выработке законов. Мы полагаем, однако, что представительные учреждения с совещательным характером, сами по себе не противоречащие принципу самодержавия, при настоящих условиях окажутся столь же опасными, как и учреждения чисто конституционные. При современном настроении нашего общества никакое представительное собрание не удовольствуется правом высказывать свое мнение, если это мнение ни для кого не будет обязательно; оно неизбежно будет стремиться к расширению своих прав, и это создаст почву для постоянных столкновений с правительством, а в конце концов эти столкновения неминуемо перейдут в сознательную политическую борьбу. Общество, конечно, не останется при этом безучастным зрителем, и смута вспыхнет с новой силой. К тому же оппозиционная агитация будет тогда еще опаснее, чем теперь, ибо она получит организованное на законном основании средоточие, откуда будут исходить общие, руководящие указания и будет даваться всему движению единообразное направление. Словом, общественное возбуждение только усилится, и новые учреждения послужит лишь первою ступенью, чтобы привести нас быстрыми шагами к разрушению созданного веками государственного строя.

Считая, таким образом, создание у нас народного представительства мерою вредной и опасной при существующих условиях, мы полагаем вместе с тем, что такая ре-

форма не вызывается действительными требованиями нашей жизни. Мы убеждены, что если мысль о введении у нас представительных учреждений с таким сочувствием принимается в некоторых кругах нашего общества, то это зависит от того, что в этой реформе видят единственное средство, чтоб обеспечить обществу ту долю гражданской свободы, в которой оно уже так давно нуждается. Действительно, нашим законодательством и нашею административною практикой возлагается немало совершенно излишних стеснений на духовную и экономическую жизнь народа, на его быт, на личную и общественную свободу. Перечислить все эти стеснения здесь невозможно; это отвлекло бы слишком далеко от предмета настоящей записки. Достаточно указать на те из них, которые в настоящее время особенно привлекают к себе общественное внимание. Так, бесспорно, давно пора освободить церковь от государственной опеки, возвратить ей «свободу жизни, свободу внутреннего строения» и снять те путы и оковы, которые будто бы для пользы церкви наложены на верующую совесть; надо же, наконец, когда-нибудь понять, что от нынешнего порядка гораздо более страдает сама церковь, чем люди, от нее уклоняющиеся, и что он является более сильною опорою неверия и индифферентизма, чем самая убедительная проповедь какого-либо модного учения. Давно настало также время дать больше простора печатному слову и, главное, поставить его в такие условия, чтобы оно не зависело от произвола лица, стоящего в данную пору во главе администрации, или от его минутного настроения; без этого люди честные и независимые не могут вполне свободно защищать принципы, представителем коих является правительство. Наконец, борьбу с революционной партией и со всякого рода смутною необходимо так организовать, чтобы администрация, пользуясь предоставленными ей широкими полномочиями, не злоупотребляла своею властью и чтобы при этом не подвергались напрасным стеснениям лица, непричастные к революционному движению. Все эти вопросы и многие другие, не менее важные, несомненно назрели и требуют разрешения. Но действительно ли эти реформы не осуществимы без коренного преобразования нашего государственного строя? Обратимся прежде всего за справкой в страны с конституционную формую правления.

Вспомним английские законы против диссидентов и католиков, борьбу с католицизмом в Пруссии при Бисмарке, преследование религиозных ассоциаций в современной Франции, отношение правительства к печати при Наполеоне III, наконец стамбуловщину в Болгарии и правление Милана и Александра в Сербии. Не доказывают ли подобные факты, что представительные учреждения сами по себе далеко не всегда служат обеспечением свободы совести, свободы слова и неприкосновенности личности? С другой стороны, какие могут быть основания считать, что самодержавие по существу своему несовместимо с религиозной свободой, с ограждением личности от административного произвола и даже с свободой слова? Самодержавная власть стоит у нас выше всех классов, сословий и общественных групп и партий. Опираясь на всю массу народа и не связывая себя ни с какими частными интересами, она не имеет и не может иметь иных целей, кроме общего блага всего народа; поэтому ей нет причины опасаться критики правительственных действий. Действительно, Самодержцу нет никакого основания отождествлять себя с правительством и со всеми его органами. Обаяние царской власти только умалется, если на нее возлагается ответственность за все действия администрации, за всякий судебный приговор, за каждую ошибку в законодательной работе. Поэтому допустить свободное обсуждение правительственных действий и оградить подданных от произвола должностных лиц необходимо ради охранения в чистоте и неприкосновенности самого принципа самодержавия. Что касается стеснений в области веры, то они падут, несомненно, как скоро самодержавная власть убедится, что они только вредят Церкви, для ограждения и поддержания которой они установлены.

Но скажут, если бы даже самодержавная власть и решилась когда-либо дать народу те права, о которых теперь общество просит, то в этом выразилось бы лишь мимолетное настроение самодержца и ничто не ручалось бы за прочность и неизменность приобретенных прав. В представительных учреждениях и усматривают обыкновенно единственное обеспечение против возможных попыток власти отнять то, что ею же даровано. Позвоительно, однако, спросить: чем же будет обеспечена у нас

незыблемость самих представительных учреждений? Где верховной власти можно противопоставить какие-либо общественные классы, с которыми она волей-неволей должна считаться, там народному правительству есть на что опереться, и оно может отстаивать приобретенные народом права в твердом убеждении, что за ним стоит общественная сила, всегда готовая его поддержать. Ничего подобного нет у нас: те общественные группы, в которых могла бы сосредоточиться политическая оппозиция, слишком ничтожны по своей численности и слишком отчуждены от остального народа, который безусловно предан царю, вполне ему верит и никаких внешних формальных гарантий не ищет и не желает. Хорошо это или дурно — об этом можно судить различно; но, во всяком случае, это — бесспорный факт, с которым следует считаться. Поэтому нечего себя обманывать: существование представительных учреждений у нас было бы обеспечено лишь доброю волею Государя. Как же можно видеть в самих этих учреждениях какую-то преграду, которой не в состоянии была бы преодолеть верховная власть, если бы она, освободив печать, дав простор верующей совести, ограничив произвол администрации, потом опять захотела бы вернуться к прежнему порядку? Не лучше ли поэтому отказаться от неосуществимого у нас желания найти средство для принудительного воздействия на власть? Кто требует теперь коренной политической реформы, тот внушает самой власти несчастную мысль, что личная и общественная свобода неразрывно связана с так называемою свободою политическою и несовместима с самодержавием. Этим только отдалается удовлетворение действительных нужд общества и народа ради совершенно призрачной, неосуществимой цели.

Высказываясь таким образом против введения у нас представительных учреждений, мы однако отнюдь не думаем, что нынешнее положение самодержавной власти и ее отношение к обществу и народу у нас вполне нормальны. Мы хотим только сказать, что сторонники представительных учреждений неверно определяют сущность той болезни, которою страдает наш государственный организм, и предлагают такой способ лечения, который не принесет пользы и может даже оказаться крайне вредным и опасным. Не о представительных учреждениях нужно

нам теперь думать, а о том, чтобы руководящие общественные слои освободились от всякого попользования захватить власть в свои руки. Кто желает, чтобы русская земля получила возможность правильного и согласного со своей историей развития, тот должен теперь бороться не против самодержавия, а против политической агитации, которая старается поколебать власть и тем самым внушает ей справедливое недоверие к обществу; ибо несомненно, что чем более будет усиливаться в нашем обществе оппозиционное движение, тем более будет отдаляться возможность восстановить нормальные отношения между властью и землей.

Конечно, указываемый нами путь не может дать скорого исхода из нынешнего положения. Да и странно было бы думать, что возможно найти такое средство, которое одним махом руки, как бы по волшебству исцелило бы целый народ от долголетнего сложного недуга. Мы полагаем только, что в распространении исповедуемых нами убеждений заключается единственный надежный путь к возрождению нашего отечества. Всякие внешние средства, вроде немедленной организации народного представительства, внесут только новую ложь и смуту в нашу народную жизнь и могут даже поколебать ту власть, на создание которой русский народ положил столько веков упорного труда и для сохранения которой он не останавливался ни перед какими жертвами. При теперешних обстоятельствах важнее всего сохранить в неприкосновенности эту основу нашего политического строя. Только на этой основе, в живом единении самодержавного царя с землей и возможно здоровое политическое развитие нашего государственного строя. «Помяните одно: только коренью основание крепко, то и дерево неподвижно; только коренья не будет, к чему прилепиться?»

*Федор Самарин, Ив. Тютчев, К. Рукавишников,
Д. А. Хомяков, Н. М. Павлов, Н. К. Фон-Вендрих,
Кн. В. А. Голицын, Н. Пальчиков, Гр. Федор Уваров,
В. М. Васнецов, А. А. Корнилов, Сергей Самарин,
П. Б. Мансуров, Федор Тютчев, Александр Самарин.*
1905

П. Д. САМАРИН

РАССКАЗ САШИ О ПОЕЗДКЕ ЕГО К ГОСУДАРЮ В БАРАНОВИЧИ 19-21 ИЮНЯ 1915 ГОДА¹

В БЕХАЛ я из Москвы в пятницу 19² июня с поездом, отходящим в 7 часов вечера, и думал, что приеду в Барановичи на другой день в первом часу дня, но скоро по ходу поезда увидал, что мне придется быть в пути гораздо дольше. Это был пассажирский, а не скорый поезд, и мы должны были быть в Барановичах только в 10 часов вечера 20 июня. В вагоне первого класса я был один. Мысли мои невольно сосредотачивались на предстоящем мне приеме, я обдумывал все подробности предстоящего мне разговора с Государем и все надеялся, что меня минует то назначение, которое, по-видимому, было предрешено. Когда поезд дотащился, наконец, до Барановичей, среди толпы, которая была на станции, я скоро заметил флигель-адъютанта графа Д. С. Шереметьева³.

¹ Запись П. Д. Самарина о поездке А. Д. Самарина в царскую ставку в связи с его назначением в должность обер-прокурора. Личный архив С. Н. Чернышева. – *Рег.*

² По юлианскому календарю. – *Рег.*

³ Шереметьев Дмитрий Сергеевич (28 мая 1869, Царское Село — 25 ноября 1943, Рим) — граф, полковник Кавалергардского полка. Флигель-адъютант. Состоял в ближайшем окружении императора Николая II. Протопресвитер о. Георгий Шавельский так характеризовал его: «Из флигель-адъютантов самым близким... лицом к Государю был гр. Д. С. Шереметьев, сверстник Государя по детским играм, и однокашник по службе в лейб-гвардии Преображенском полку. Родовитость и колоссальное богатство, которым владел граф, в связи с такой близостью к Царю, казалось бы, давали ему полную возможность чувствовать себя независимым и откровенно высказывать ему правду. К сожалению, этого не было. Граф Шереметьев не шел дальше формального исполнения обязанностей дежурного флигель-адъютанта. На всё же прочее он как бы махнул рукой, причем при всяком удобном случае стремился выбраться из Ставки в Петроград или в своё имение в Финляндии, где у него была чудная рыбная ловля». (Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. — Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. Том I, гл. XVII. Репринтное воспроизведение издания 1996 г. С.333). – *Рег.*

– Ах, Александр Дмитриевич, а я, по приказанию Государя, уже второй раз сегодня выезжаю вас встречать.

– Извините, если почему-либо ввел вас в недоразумение, но я поступил, как мне указано было в Петербурге, я послал телеграмму начальнику квартиры Верховного Главнокомандующего о выезде из Москвы именно с этим поездом.

Когда мы сели с графом Шереметьевым в прекрасный придворный автомобиль, он сказал:

– Вас Государь ждет с нетерпением. У него из-за вас вышло даже столкновение с Великим князем. Великий князь⁴ желал, чтобы вы, прежде всего, явились к нему и остановились в его поезде, а Государь требовал, чтобы вы прямо ехали к нему в его поезд. А скажите, вы, конечно, не откажитесь от назначения в обер-прокурора?

– Нет, я думаю отказаться.

– Это невозможно, Александр Дмитриевич, вы поймите, что ваш отказ был бы в руку партии Распутина, которая действует через Императрицу, а Государь именно теперь как будто склонен порвать с этим влиянием. Должен вам сказать, что как раз перед вашим приездом Государь получил письмо от Императрицы, в котором она решительно высказывается против вашего назначения на должность обер-прокурора.

В каких-нибудь 10 минут проехали мы те семь верст, которые отделяют станцию Барановичи Александровской железной дороги от ставки Великого князя.

– Вот, мы подъезжаем к самому центру всей нашей армии, где бьется главный ее нерв, – сказал граф Шереметьев, – вот, это поезд Великого князя, окруженный забором, а вон, рядом с ним, поезд Государя. В отдалении – поезда прислуги и разных чиновников.

Наш автомобиль быстро подъехал к подъезду Государя и остановился у одного из служебных вагонов. В этом вагоне помещалась, между прочим, походная канцелярия министра Двора. Мне отвели отделение, которое занимал какой-то чин, я заметил, что он ночевал в общей комнате вагона. Введя меня в отделение вагона, граф Ше-

⁴ Великий князь Николай Николаевич Романов, в описываемое время Главнокомандующий в действующей армии на германском фронте. – *Рег.*

реметьев сказал мне, что министр Двора желал меня видеть по моему приезду в ставку.

— Так что же, я могу сейчас идти. Можно в этом ките- теле? — спросил я.

— Конечно.

Меня проводили в другой вагон, где помещался барон Фредерикс⁵. Я был принят очень любезно. Барон Фредерикс говорил больше по-французски. Он расспрашивал меня, соглашусь ли я принять должность обер-прокурора, убеждал меня не отказываться, расспрашивал о том, что я намерен говорить Государю. Я отвечал, что намерен отказаться, но отделялся фразами, не излагая того, что я думал сказать Государю.

— *Mai Vous parlerez de Raspoutin, n'est pas? J'ai dis aujourdui a l'Empereur, pour lui Samarin parlera de Raspoutin. A ca l'Empereur me repondit: "c'est l'affaire du famille."*⁶.

Простившись с бароном Фредериксом, я вышел из поезда и сел на скамейке. Ко мне подсели граф Шереметьев и князь Орлов⁷. Речь шла о влиянии Распутина при Дворе, о том, что есть признаки, что Государь желает освободиться от этого влияния, что необходимо его под- держать в этом и что поэтому мне нельзя отказываться от поста обер-прокурора Святейшего Синода. Недавно,

⁵ Фредерикс Владимир Борисович (Фридрикс, 1838–1927) — российский государственный деятель; последний в истории Министр Императорского Двора Российской империи (1897–1917); канцлер российских Императорских и Царских орденов; генерал от кавалерии, генерал-адъютант; граф (до 1913 года — барон). Присутствовал в Государственном совете с 6 мая 1897 года. С началом Первой мировой войны находился с Николаем II в Могилёве, сопровождал его во всех поездках. Пользовался исключительным доверием императора, о чём его подчинённый генерал А. А. Мосолов писал: «Моральное одиночество, наложенное на себя Царём с юного возраста, было тем более опасным, что Николай II относился недоверчиво даже к лицам ближайшего окружения. Один граф Фредерикс являлся исключением». (Мосолов А. При дворе императора. Рига. 1938. С. 23).

⁶ «Но Вы хотели бы говорить о Распутине, не так ли? Я сегодня сказал Императору, что Самарин будет говорить с ним о Распутине. На это Император мне ответил: «Это дело семейное» (фр.). — *Peg.*

⁷ Орлов Владимир Николаевич (1868–1927), князь, генерал-лейтенант, начальник военно-походной канцелярии Его Величества. Входил в ближайшее окружение Николая II. Через его руки проходили телеграммы с фронтов, фактически выполнял обязанности личного доверенного секретаря императора по военным делам. Крайне негативно относился к Г. Е. Распутину. По требованию императрицы Александры Федоровны вскоре после описываемого здесь момента был удален от Двора и 25.VIII.1915 назначен в распоряжение наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича. Владелец крупного состояния, принадлежал к высшей аристократии. Участвовал в Олимпийских играх 1900 года; управлял автомобилем и был личным шофером императора. Умер в эмиграции.

по словам моих собеседников, после доклада Джунковского о деяниях Распутина, Государь взял этот доклад себе и передал его потом Вырубовой⁸ со словами: «Возьмите, прочитайте и полюбуйтесь на своего кумира».

Эти два адъютанта Государя мне понравились, особенно симпатичен князь Орлов. Другой тип – это дворцовый комендант Воейков⁹. Этот служит и нашим, и вашим, по-видимому, передает партии Распутина все, что говорят около Государя противники его, и, вместе с тем, на вид заодно с графом Шереметьевым и князем Орловым. Как только он подошел к нам, разговор о Распутине прекратился и перешел на другое. Вечер был чудный, и было приятно сидеть на воздухе среди соснового леса. Часу в двенадцатом мы ушли каждый в свое отделение. Прислуживавший мне придворный лакей дал мне следующее наставление. «Государь Император, – сказал он, – ходят кушать кофе утром в соседнюю с их вагоном палатку. Так как Вы еще не представились Государю, то Вам подано будет кофе в этом вагоне». Я поблагодарил его за это указание и лег спать. Не спалось. Мысль о завтрашнем приеме, которым решалась моя

⁸ Вырубова (Танеева) Анна Александровна (1884–1964) – ближайшая подруга императрицы Александры Фёдоровны, мемуаристка, инвалид после тяжелейшей травмы при крушении поезда. Была одной из самых горячих почитательниц Григория Распутина, который помог ей выжить после травмы и шока, когда врачи от неё отказались; являлась прочным связующим звеном между ним и императрицей. Н. Д. Жевахов в своих мемуарах написал, что фрейлина Анна Вырубова оказалась единственным действительно верующим человеком в окружении государыни. После Февральской революции 1917-го Временное правительство арестовало Анну Вырубову. Она была обвинена в шпионаже и предательстве и на несколько месяцев брошена в Петропавловскую крепость. Следователю Николаю Рудневу, который в то время руководил одним из отделов ЧК (чрезвычайной комиссии, созданной Временным правительством А.Ф. Керенского), было поручено расследовать дела Распутина и Вырубовой. Приписываемые ей интимные связи с Распутиным, по данным медицинского обследования, оказались клеветой. А. А. Танеева-Вырубова написала мемуары, названные «Страницы моей жизни». Она приняла постриг с именем Мария. Последние годы жизни провела в Смоленском скиту Валаамского монастыря в Финляндии. (Верная Богу, Царю и Отечеству: Анна Александровна Танеева (Вырубова) – монахиня Мария / Автор-сост. Ю. Ю. Рассулин. – СПб.: Издательство Царское Дело, 2005. Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания и дневники. СПб., 1994. С. 173–234).

⁹ Воейков Владимир Николаевич (1868–1947) – русский военачальник, приближенный Николая II, дворцовый комендант (1913–1917), генерал-майор Свиты (1909). Деятель российского спортивного движения. По словам А. А. Мосолова, Воейков был «человек, безусловно, талантливый, не лишен светской любезности и юмора, равно как и придворной ловкости», но, когда из-за своей болезни граф Фредерик больше не мог его сдерживать, он став дворцовым комендантом, «пользовался своим влиянием и был полным и безответственным распорядителем полиции и первым лицом в окружении государя». (Мосолов А. А. При дворе последнего императора. – СПб.: Наука, 1992. – 262 с).

судьба, не давала мне покоя. Хотя я и заснул, но проснулся рано. Поглядел в окно. Уже рассвело. Жизнь прислуги уже началась. Бабы подметали вокруг вагона. Часов в 9, когда я уже был одет, я увидел в окно, что Государь прошел в палатку пить кофе, как мне накануне сказал лакей. Затем меня позвали пить кофе, и я отправился в общее отделение. После кофе лакей мне сказал, что Государь пройдет сперва в палатку, где выслушивает доклад о военных действиях (эта палатка – своего рода здешнее святилище: там находятся все планы, туда входит только Государь, Великий князь – главнокомандующий, и начальник его штаба генерал Янушкевич¹⁰), а затем примет меня.

Я надел мундир с орденами и стал ожидать приема у Государя. Мне пришлось ожидать несколько долее, чем я предполагал, так как Государь из палатки, где выслушивал доклад о ходе военных действий, направился в местный лазарет. Наконец меня позвали к Государю.

Вагон Государя имеет какое-то особенное устройство. В нем так же, как в других вагонах, идет сбоку коридор, но из этого коридора нет обычных дверей в отделение. В конце коридора лакей отворил мне дверь, и я вошел в небольшой кабинет Государя. Сбоку, у наружной стены, между окон, стоял письменный стол, а у стены, перпендикулярной к наружной, был диван и несколько кресел. Над диваном висело зеркало. Государь встретил меня приветливо словами:

– Здравствуйте, Александр Дмитриевич, вы приехали вчера?

– Да, Ваше Величество, я извиняюсь, что, по видимому, запоздал своим приездом.

Обращение Государя «Александр Дмитриевич» вместо прежнего «Самарин!» заставило меня сразу почувствовать, что решение назначить меня обер-прокурором уже принято Государем.

¹⁰ Янушкевич Николай Николаевич (1 [13] мая 1868 – 1918) – генерал от инфантерии (22.10.1914). Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской армии великого князя Николая Николаевича (19.07.1914–18.08.1915) в Первую мировую войну. Передоверив все вопросы оперативного руководства генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову, занимался главным образом административными и политическими вопросами. Фактически Н. Н. Янушкевич нес при великом князе своего рода придворно-дипломатическую службу, причём заслужил его особое благоволение. (Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. – М.: АСТ; Астрель, 2003).

Государь сел на диван, а мне повелел сесть на кресло против него так, что я видел себя все время в зеркале.

– Мне писал Горемыкин¹¹, что вы отказываетесь от предлагаемой вам должности обер-прокурора Святейшего Синода.

– Да, Ваше Величество, я нахожу для себя невозможным принять эту должность, и я просил бы Ваше Величество разрешить мне высказать те соображения, которые заставляют меня отказаться.

– Пожалуйста, высказывайтесь совершенно откровенно.

– Меня заставляет отказаться, Государь, прежде всего моя полная неподготовленность к этой деятельности. Моя служба протекала до сих пор в совершенно другой области. А между тем, деятельность обер-прокурора Святейшего Синода требует большой подготовки именно в области церковных вопросов. Теперь скоро, Бог даст, Россия возьмет Константинополь, и тогда возникнет чрезвычайно сложный вопрос о том, в какие отношения стать нашей Церкви к Церкви Константинопольской.

¹¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — русский государственный деятель, статс-секретарь (с 1910), председатель Совета министров Российской империи (1906 и 1914–1916), министр внутренних дел (1895–1899), член Государственного совета (с 1899), сенатор (с 1894), 13-й по счету и последний действительный тайный советник 1-го класса (1916). На важном заседании правительства 21 августа 1915 года обер-прокурор Св. синода А. Д. Самарин заявил: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идёт во вред России, то я не могу за ним покорно следовать». Рассуждения Самарина о болезненном конфликте между чувством любви к монарху и патриотическим долгом были направлены против утверждений председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, который ставил знак равенства между монархизмом и патриотизмом, понятия «Царь» и «Россия» были для него неразделимы. Самарин тем самым утверждал своё право любить царя по-своему, хотя и не отрицал за другими право любить его иначе. Горемыкин же, который сам характеризовал свои представления как «архаичные», не готов был рассуждать в духе монархического плюрализма, он отстаивал своё понимание любви к императору как единственно правильное: «Моё мнение сводится к тому, что воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутье, как бы лично ни было трудно». И для Самарина, и для Горемыкина разговор о монархии, о любви к царю – разговор особый, не только политический, но и религиозный. Для них обсуждение типов любви к царю – это проблема не только политической теории и практики, но и политической теологии. (Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С.13. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. Гл. 5. С. 84).

– Этот вопрос уже разрабатывается в Синоде или в специально для того организованной при Синоде комиссии. Как только возник вопрос о занятии Константинополя нашим десантом (теперь обстоятельства, к сожалению, изменились, и мы можем действовать только своим флотом), я велел заняться этим вопросом в Синоде, и, наверно, там этим уже заняты. Во всяком случае, материал для решения этого вопроса у вас будет. Мне думается, что нашей Церкви не следует вмешиваться в дела Церкви Константинопольской, они обе должны жить совершенно самостоятельно, тем более, что ведь наша Церковь – дочь Церкви Константинопольской. Может быть, я и ошибаюсь, но мое мнение таково. А что касается вашей неподготовленности к деятельности обер-прокурора Святейшего Синода, то скажите, кто же может считаться к ней подготовленным?

Я уже предчувствовал это возражение и, так как на него мне нечего было ответить, я перешел ко второму обоснованию своего отказа.

– Ваше Величество, недавно Вам угодно было удостоить меня благодарности за откровенное и правдивое слово¹². Государь, если я мог сказать такое слово, то только в силу своего положения как предводителя дворянства. Я выражал не свои личные мысли и чувства, а мысли и чувства дворянства, мысли и чувства, которые разделяются широкими кругами русского общества. А выразить эти мысли я мог потому, что служил на месте, в Москве, в среде местного общества. Я сросся с Москвой всей своей жизнью, я прирос к ее жизни как бы корнями. С переездом на службу в Петроград я потеряю эту связь с дворянством и Москвой, стану, если позволите так выразиться, простым чиновником. Я не говорю, чтобы чиновник не мог сказать правдивое слово своему Государю, но то будет уже его мысль, его мнение, а не мнение общества. Кроме того, своим уходом я поставлю в затруднение московское дворянство.

– Разве Вас некем там заменить? Кто там Московский уездный предводитель?

¹² Речь идёт о выступлении пред государем от лица московского дворянства против Распутина, о чём пишет Е. А. Самарина-Чернышева в воспоминаниях об отце в данном сборнике. – *Рег.*

– Князь Владимир Владимирович Голицын¹³. Он человек дельный и энергичный, но слишком молод. Вряд ли на нем остановились бы при выборе губернского предводителя. И трудно назвать кого-нибудь другого, кто мог бы объединить большинство дворянства. Между тем, в последние годы московскому дворянству удалось сплотиться, и его голос получил самостоятельное, определенное значение. Вряд ли было бы желательно, чтобы этот голос замолк. В некоторых случаях, в силу сложившихся обстоятельств, голос московского дворянства выражал Москву, и дворянство являлось объединяющим центром Москвы.

– Да, вы немало потрудились при открытии памятника моему отцу и в столетнюю годовщину войны 1812 года.

– Наконец, Государь, самая должность обер-прокурора Святейшего Синода мне представляется по существу ненормальной. Было бы вообще желательно освободить Церковь от опеки государственной власти.

– Я с этим совершенно согласен. Вот Вы и старайтесь вести к этому.

– А наряду с этим давлением обер-прокурорской власти на Церковь меня крайне смущает зависимость Церкви от Государственной Думы. Уже в силу моих основных политических убеждений мне было бы крайне неудобно являться в Думе в качестве члена Правительства, но, кроме того, самая зависимость церковной власти в финансовом отношении от людей или равнодушных к Церкви, или вовсе неверующих я считаю крайне ложной.

– Я с вами совершенно согласен.

Мои аргументы исчерпывались, а между тем цели они не достигали: Государь молчал и, видимо, не считал их достаточными для того, чтобы согласиться на мой отказ. Тогда, после некоторой паузы, я сказал: «Ваше Величество, есть еще одно обстоятельство, которое заставляет меня отказываться от должности обер-прокурора. Хотя мне крайне тяжело его касаться, но я просил бы Вас, Государь, позволить мне высказать и его.

– Пожалуйста, говорите совершенно откровенно.

– Я хочу сказать о Распутине. — При этих словах Государь опустил голову.

¹³ Голицын Владимир Владимирович (1879–1969), князь, камер-юнкер, губернский секретарь. – *Ред.*

– Государь, вот уже несколько лет, как вблизи Вас, вблизи Вашего Семейства находится человек недостойный. Жизнь его хорошо известна в России, а между тем этот человек влияет на церковные и государственные дела. Это сознают многие епископы Русской Церкви, но не решаются только высказать. Государь, это не пересуды, это твердое убеждение людей верующих, людей, искренно Вам преданных. Он сам об этом говорит, и есть факты, доказывающие, что его голос имеет значение для некоторых сановников. Он останавливается у товарища обер-прокурора Святейшего Синода Даманского¹⁴. Благодаря его влиянию посвящен во епископы тобольский архиерей Варнава¹⁵.

– Он был, кажется, у вас в Коломне.

– Да, Государь, он был там архимандритом, жизнь его недостойная всем там известна, и я уверен, что ни один архиерей не считает его посвящение во епископа законным, а его теперешнее управление Тобольской епархией возбуждает смущение среди православного народа. Благодаря его влиянию удален в монастырь бывший саратовский епископ Гермоген¹⁶.

¹⁴ Даманский Пётр Степанович (1859–1916), сенатор при Святейшем синоде. С 1 января 1912 по 10 августа 1915 года – товарищ обер-прокурора Святейшего синода. Тайный советник. – *Рег.*

¹⁵ Имеется в виду архиепископ Тобольский Варнава (в миру Василий Александрович Накропин; 1859–1924) — с 28 ноября 1913 года епископ Тобольский и Сибирский (с 5 октября 1916 года архиепископ), участник монархического движения, член «Русского Собрания». Находясь на тобольской кафедре, возбудил ходатайство пред Святейшим синодом о прославлении бывшего митрополита Тобольского Иоанна Максимовича в лике святых. До официальной канонизации 5 октября 1916 года, 27 августа 1915 года совершил молебное пение (имея Высочайшую телеграмму, противоречиво гласившую: «Пропеть величание можно, прославить нельзя»), помянув «Иоанна» как святого, что повлекло разбирательство дела в Святейшем синоде. Во время допроса в Синоде резко разговаривал с обер-прокурором А. Д. Самариным. Синод в сентябре 1915 года постановил уволить его от управления епархией. Император Николай II, по настоянию своей супруги, которая якобы требовала (по словам Шавельского Г. И.) карательных действий в отношении всех членов Синода, настроенных против Григория Распутина, уволил А. Д. Самарина (см. письмо к брату С. Д. Самарину в данном сборнике), а составленное при нем синодальное определение не утвердил. (Губонин М. Е. Современники о патриархе Тихоне. М., 2007, Т. I, стр. 231–234).

¹⁶ Епископ Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов или Долганёв; 25 апреля (7 мая) 1858, Херсонская губерния — 29 июня 1918, близ Тобольска) — 8 марта 1917 года Тобольский и Сибирский. Прославлен в лике святых Русской Православной Церкви в 2000 году, в РПЦЗ — в 1981 году. В период его ректорства семинарии из этого учебного заведения был исключён Иосиф Джугашвили, которого он лично исключил из семинарии за прогулы и низкую успеваемость. Находясь в Тобольске в период пребывания там ссыльной царской семьи, духовно поддерживал её, вел разъяснительную работу среди бывших фронтовиков. Большевики расценили это как стремление организовать их в контррево-

– Нет, удаление епископа Гермогена не находится в связи с Распутиным. Он был очень резок в своих речах.

– Да, Государь, он держался самостоятельно и высказывался смело и откровенно, но это, я полагаю, то, чего нужно желать, у нас архиереи отвыкли говорить смело и откровенно.

– Совершенно верно. Послушайте, Самарин, ведь вы признаете Ее Величество и меня людьми верующими?»

– Да, Государь, не только я, но вся Россия счастлива этим сознанием.

– Как же мы могли бы допустить возле себя человека такого, каким вы изображаете Распутина? Ведь мы не дети.

– Государь, это человек хитрый, несомненно он при Вас является не таким, каким его знает вся Россия. Ведь то, что он делает не при Вас, у всех на виду. Хотя бы то, что происходило в последний его приезд.

– Да, мне говорил Джунковский.

– А между тем близостью к Вам, Государь, он пользуется.

– Он у нас бывал только редко.

– Государь, если каждому русскому человеку трудно молчать, зная обо всем этом, то каково же положение обер-прокурора Святейшего Синода: молчание с его стороны было бы преступлением.

У Государя показались слезы.

– Можно было бы его удалить из Петербурга, – сказал Государь.

– Государь, к этой мере уже прибегали, и пользы от нее не было. Тут нужна мера коренная, решительная, необходимо, чтобы все видели, что этому влиянию положен окончательный, бесповоротный конец.

Помолчав немного, я сказал в заключение:

– Государь, я изложил Вам со всей откровенностью соображения, которые заставляют меня отказаться от должности обер-прокурора Святейшего Синода

люционных целях. Был арестован и утоплен в р. Туре. Тело епископа Гермогена обнаружено 3 июля 1918 года и на следующий день похоронено крестьянами села Усольское. (Мошненко А. В. Православное духовенство и Союз Русского народа: проблемы взаимоотношений // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 4. – С. 16–17).

и я снова обращаюсь к Вашему Величеству с усердной просьбой дозволить мне служить Вам, Государь, на прежней должности, где я чувствую, что могу быть полезным.

— Однако все указывают именно на вас как на самого подходящего кандидата на пост обер-прокурора Святейшего Синода.

— Позвольте, Государь, объяснить Вам, почему на меня указывают. Я имею честь носить фамилию, которая заслуживает известности в России трудами старшего поколения нашего рода.

— Да, еще бы.

— Это имя, по убеждению лиц, указывающих на меня как на кандидата в обер-прокурора Святейшего Синода, не позволит мне мириться с этим влиянием.»

— Вы говорите про Распутина?

— Да, Государь. Мое имя обязывало бы меня принять решительные меры, которые бы сразу всем показали, что прежнему значению Распутина в делах церковных положен конец.

Наступило молчание, Государь поник головой. Через несколько секунд, показавшихся мне большим промежутком времени, Государь сказал:

— Обдумав все, что вы мне сказали, я все-таки прошу вас принять должность обер-прокурора Святейшего Синода.

— Если, Государь, несмотря на все соображения, которые я привел, Вашему Величеству угодно, чтобы я принял должность обер-прокурора, мне ничего не остается, как подчиниться воле Вашего Величества!

Государь просиял. С одной стороны, ему было приятно, что я согласился, с другой, что кончился тяготивший его разговор. Он встал и трижды поцеловал меня. Я поцеловал его руку. Он снова поцеловал меня, а я вторично поцеловал его руку. Он не отымал ее. Я вышел, полный впечатлений пережитых мгновений, подавленный происшедшей перемене во всей моей жизни.

Пробыл я у Государя 55 минут. Когда я вышел из вагона, ко мне спешно подходит граф Шереметев с вопросом:

— Ну что?

— Да, пришлось согласиться.

– Слава Богу, слава Богу, слава Богу», – повторял он, крестясь. Затем подошедшему князю Орлову граф Шереметьев сказал: «Крестись». Тот стал креститься, понявши сразу, что я согласился. Вскоре после этого меня позвали к Высочайшему завтраку. Он происходил в палатке, где Государь утром пил кофе. Когда я вошел, ко мне подошел протопресвитер армии и флота Шавельский¹⁷. Красивая, привлекательная фигура. Тонкие черты лица, напоминающие отца Алексея Зосимовской пустыни, когда он был диаконом Толмачевской церкви. Густые волосы с легкой проседью осеняют его чудное лицо.

– Я только что узнал, что Вы изъявили согласие на принятие должности обер-прокурора Святейшего Синода, – сказал протопресвитер, – слава Богу, слава Богу. – В его словах чувствовалась искренняя радость.

Приехал Великий князь Николай Николаевич. Твердой походкой вошел он в палатку и, увидавши меня, сказал решительным военным тоном: «Честь имею кланяться. Вы вчера приехали?»

Когда пришел Государь, все расселись за столом. Кроме лиц свиты и меня, за столом находились протопресвитер и французский военный агент. Великий князь сидел против Государя. Мне указано было место наискосок от Государя. Разговор все время шел между Государем и Великим князем. Государь говорил, что его интересуют поездки в автомобиле по окрестностям с картой в руке. Между прочим, Государь сказал Великому князю: «Когда кончится война, ты, наверное, заглянешь сюда, ты ведь так уже привык к здешнему месту».

– Нет, Ваше Величество, моя мечта – после войны поселиться в своем имении и никуда не выезжать.

¹⁷ Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) – священнослужитель Православной Российской Церкви, член российского Святейшего синода (октябрь 1915 – апрель 1917). В царской армии и в армии Деникина занимал должность протопресвитера военного и морского духовенства. После эмиграции состоял в клире Русской Православной Церкви Заграницей, в 1926 году перешёл в Болгарскую православную церковь. Духовный писатель, автор мемуаров, деятель экуменического движения. Знавший его лично епископ (князь) Иоанн (Шаховской) писал о нём посмертно: «<...> В о. Георгии не было того, что так часто и в наши дни губит церковную жизнь – провинциализма. <...> В о. Георгии была, если можно так выразиться, духовная великодержавность. Он умел смотреть в сущность вещей. Дела «сего мира» не затмевали в нём веры». (Отец Георгий. // Епископ Иоанн [Шаховской]. Письма о вечном и временном. Нью-Йорк, 1960, стр. 204–205).

Среди разговоров Великий князь обратился ко мне с вопросом: «Где у вас имение?»

– В Ефремовском уезде Тульской губернии, Ваше Высочество.

– Недалеко, значит, от моего имения, у меня в Орловской губернии. Урожай, кажется, предвидится хороший в нынешнем году?

– Да, Ваше Высочество, пока повсеместно виды на урожай благоприятны.

Завтрак царский был очень скромный. По окончании его Государь, обходя всех, подошел ко мне и пожелал доброго пути. Мне оставалось перед отъездом явиться к Великому князю. Но прежде я зашел к протопресвитеру Шавельскому, который пригласил меня к себе. Здесь разговор был на тему о том, как нужна для Церкви перемена в высшем ее управлении.

– Много есть у нас иерархов весьма достойных, но которые никогда не вызываются в Синод, например, высокопреосвященный Тихон Виленский¹⁸. Из служащих в Синоде заслуживает доверия директор канцелярии обер-прокурора Яцкевич¹⁹. Коренные реформы нужны и в строе духовных учебных заведений.

Про Великого князя Шавельский говорил, что он сильно изменился во время войны.

– От прежнего грубого, вспыльчивого Великого князя не осталось и следа. Он стал смиренным полководцем. Утром и вечером он продолжительно молится, у него завелся точно монастырский чин. И как твердо переносит он тяжелые испытания за эту войну: разгром

¹⁸ Будущий Святейший Патриарх Тихон (Белавин). С 1914 по 1917 гг. – архиепископ Виленский. См.: Губонин М. Е. Современники о Патриархе Тихоне. М., 2007. Т. I, стр. 492–493.

¹⁹ Яцкевич Виктор Иванович (1861–1924) – кандидат богословия, церковный историк. Автор статей по истории и актуальным проблемам Российской Православной Церкви. В 1910–1917 гг. – директор канцелярии обер-прокурора Святейшего синода, тайный советник, член статистического комитета Министерства внутренних дел, почетный член Московского археологического института. С 1912 г. – сверхштатный член Учебного комитета при Святейшем синоде. Член Романовского комитета. С 1917 г. – директор Департамента по делам Православной Церкви Министерства вероисповеданий, образованного Временным правительством, член Государственного совета. Арестован Петроградской ЧК в марте 1922 г. по делу митрополита Вениамина (Казанского). (Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. СПб., 1999. С.123).

армии Самсонова, разгром 10-й армии, отход наш из Галиции. Вообще за эту войну в русском народе, в армии произошёл глубокий религиозный переворот: такая жажда явилась веры у людей, отдалившихся от церкви. Вот это настроение необходимо всеми силами поддержать и упрочить. А сколько замечательных явлений произошло за время этой войны! То явление Богоматери, о котором писали в газетах, несомненно было. У меня собраны свидетельства от многих лиц, удостоившихся видеть это явление.

При прощании протопресвитер пригласил меня ко всенощной (это было в субботу вечером), а после нее к молебну: «Мы отслужим благодарственный молебен по случаю вашего назначения».

Когда я вернулся к себе в отделение, мне подали великолепный придворный автомобиль, чтобы ехать к великому князю, хотя поезд Великого князя стоит невдалеке от царского. Подъехав к вагону Великого князя, я тотчас же был принят. Великий князь пригласил меня сесть в кресло, а сам, стоя, стал говорить:

– Ну-с, я буду говорить просто, без обиняков, я не привык говорить комплименты, я вас в первый раз имею удовольствие видеть, но вас знает вся Россия, и я вполне вам доверяю. Когда мне сказали, что Государь вас назначил обер-прокурором, я не верил сперва своим ушам. Ведь Вы должны знать, что Государь сделал сверхчудо. Никто от него не мог этого ожидать. Я предан Государю (при этом великий князь ударял себя в грудь), я люблю Государя, и я должен вам сказать, что он несчастнейший человек. Он одинок. Он приезжает сюда, чтобы отдохнуть, но и здесь он находится под влиянием Императрицы. И я не думал, что он решится в конце концов на ваше назначение. Это положительно сверхчудо.

Я смутился, и на моем лице Великий князь заметил слезы. Тогда он ласково положил свою руку мне на плечо и сказал:

– Чего вы смущаетесь и падаете духом? Вам нужно радоваться. Вы сегодня счастливейший человек в России. Вы спасли Царя, вы спасли Россию. Скажите, что Вы сказали Государю про Распутина?

Когда я передал великому князю свои слова, обращенные к Государю, он сказал:

– Прекрасно сказали. Вы знаете, это человек действительно удивительный. Я сам находился под его влиянием, я изучил все его учение, и мог бы в Синоде разъяснить это хлыстовство²⁰. Особенно сильна в этом моя *belle soeur*²¹. Она может очень скоро познакомить вас с этим учением. Но я раскусил потом, что это за человек, и от него отвернулся. Тогда он мне стал угрожать, что поссорит меня с Государем. И действительно, он поссорил так, что мы одно время не виделись. Нет, вы счастливейший человек в России. Вы знаете, когда у меня сегодня был Государь и рассказал о том, что ваше назначение состоялось, я не верил от радости, и когда Государь уходил, я на прощание поцеловал у Государя руку два раза. «Знаете, Государь, – сказал я, – почему я во второй раз поцеловал у Вас руку?» – «За Самарина». – «Да, Государь», – ответил я.

– Когда же это было?, – спросил я великого князя.

– Да вот сейчас, перед вашим приходом. Государь сидел тут же, на том кресле, на котором вы сидите. Знаете, вчера я был расстроен, было много неприятного, и тут же мне сказали, что вы отказываетесь принять должность обер-прокурора. Мне стало так тяжело. Но сегодня совершилось чудо. Говорят теперь много об ответственном мистификаторстве. Но мне все эти толки не страшны, если каби-

²⁰ 6 сентября 1907 году по доносу от 1903 г. Тобольской консисторией заведено дело на Распутина, который обвинялся в распространении лжеучения, подобного хлыстовскому, и образовании общества последователей своего лжеучения. Первое «Дело о хлыстовстве», несмотря на то, что оно оправдывает Распутина, вызывает у исследователей неоднозначную оценку. В январе 1912 г. Дума заявила о своем отношении к Распутину, а в феврале 1912 г. Николай II приказал В. К. Саблеру возобновить дело Святейшего Синода о «хлыстовстве» Распутина и передать для доклада Родзянко, «и дворцовый комендант Дедюлин и передал ему Дело Тобольской Духовной Консистории, в котором содержалось начало Следственного Производства по поводу обвинения Распутина в принадлежности к хлыстовской секте». В приложении к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова) на архиерейском соборе, состоявшемся осенью 2004 года, говорится следующее: «Дело об обвинении Г. Распутина в хлыстовстве, хранящееся в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области, основательно не исследовалось, хотя пространные выдержки из него приведены в книге О. А. Платонова. Стремясь «реабилитировать» Г. Распутина, О. А. Платонов, не являющийся, кстати, специалистом по истории русского сектантства, характеризует это дело как «сфабрикованное». Между тем даже приведённые им выписки, в том числе показания священников слободы Покровской, свидетельствуют о том, что вопрос о близости Г. Распутина к сектантству гораздо сложнее, нежели кажется автору, и во всяком случае, нуждается ещё в специальном и компетентном анализе». См.: Боханов А. Н. Григорий Распутин. Мифы и реальность. М.: Русский Издательский Центр, 2014. С. 14; Кокковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. – Париж, 1933. – Т. I и II.

²¹ Невестка – (франц.) – *Peg*.

нет министров представляет нечто цельное. Это должен быть монолит, — эти слова Великий князь произнес, отчеканивая, с особенной силой. — В нем не должно быть прорех. А такой прорехой был Саблер²².

Откланявшись Великому князю, я вернулся в автомобиле в свой вагон. Переоделся и вышел на свежий воздух. На скамейке рядом с поездом сидел барон Фредерикс. Я подсел к нему. Он выражал свое удовольствие по поводу моего назначения. Между прочим, я ему сказал, что странно покажется, как обер-прокурор будет являться в егермейстерском мундире, что лучше было бы, поэтому, произвести меня в гофмейстеры. Барон ответил, что это, конечно, возможно. Но при этом спросил: «А вам не жаль будет расстаться со шпорами?»

В конце разговора я услышал благовест и сказал, что пойду ко всенощной.

— Идите, идите, — заметил барон с добродушной улыбкой. — Это теперь по Вашей части.

Походная церковь Великого князя помещалась во временном деревянном здании. Она очень скромна. Богослужение совершал протопресвитер, а на полиелей выходило все наличное духовенство. Было 6 человек придворных певчих, пели очень стройно. Народу было очень мало. Несколько дам и детей служащих, какой-то генерал. Когда кончилась всенощная, открыли снова царские двери и вышло опять все духовенство для молебна по случаю моего назначения. Я испугался этой торжественности и, подошедши к протопресвитеру, сказал:

— Я боюсь, что выйдет слишком официально, ведь указа еще не было.

— Нет, не беспокойтесь, все будет просто.

— Пожалуйста, во всяком случае без многолетия.

²² Саблер Владимир Карлович (1845, Тульская губерния — 1929, Тверь) — государственный деятель Российской империи, почётный член Императорского Православного Палестинского Общества. В 1911—1915 годах занимал должность обер-прокурора Синода. Консервативная газета «Московская Вѣдомости» о Саблере писала: «<...> Никогда за двести лет существования Синода обер-прокурор не доводил своей власти до такой мелочной, завистливой и мстительной деспотии, до такого произвола, как именно при Саблере и в его лице, и всё это при мягких улыбках, приятных словах и обещаниях. <...> Нужно было дойти засилью обер-прокуратуры и гипертрофии её власти до абсурда, словом, нужен был именно Саблер, чтобы, наконец, открылись у всех глаза на положение дел». См.: Великий акт доверія. // «Московская Вѣдомости». 6 (19) марта 1916, № 54, стр. 1.

Начался молебен, какой-то особенный, без обычных благодарственных молитв. Поминали раба Божия Александра.

По окончании молебна, когда я вышел из церкви, я собирался уже ехать на станцию, мне объявили, что поезд мой опаздывает на два часа, и пригласили к царскому обеду. Пришлось снова надевать мундир. Обстановка обеда была та же, что и за завтраком, только вместо французского агента был, кажется, бельгийский. Когда вышел Государь, он сказал мне:

– Ваш поезд, кажется, опоздал.

– Да, Ваше Величество, на два часа, – ответил я.

Во время обеда Государь снова разговаривал с Великим князем, вспоминал про одну из поездок своего отца на охоту в Польшу. Когда кончился обед, Государь всех обошел и, дойдя до меня, сказал:

– До свидания, счастливого пути.

Я вышел, собрался и вскоре уехал в автомобиле на вокзал. Севши в вагон, я с трудом мог опомниться от всего, что пережил в этот день, и ночью, проснувшись, не верил, что уже окончательно решена моя судьба, и предназначенная перемена в моей жизни действительно совершилась.

1915 г.

ПИСЬМА И ЗАПИСИ А. Д. САМАРИНА ПЕРИОДА ОБЕР-ПРОКУРОРСТВА

Конспект для составления записки о службе в должности обер-прокурора Синода. 1915 г.¹

..... —

Июнь 5, пятница.

Тревожное положение с 2-й половины мая в связи с нашими неудачами, недовольство Маклаковым², Щегловитовым³ и, особенно, Сухомлиновым⁴; в Москве особенно

¹ Составлен А. Д. Самариним, но прекращен на первой записи за 5-6 июня 1915 года. Очевидно, он связывал начало своей службы в Синоде с этим моментом. Конспект находится в личном архиве С. Н. Чернышева. — *Рег.*

² Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — российский государственный деятель, министр внутренних дел. С 21 января 1915 года — член Государственного совета и 5 июня 1915 года был уволен от должности министра. Участвовал в Петроградском совещании монархистов 21–23 ноября 1915 года, на котором был избран в состав Совета Монархических Съездов. См.: Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. — 1-е. — Москва: Март, 1996. — С. 84. — 336 с.

³ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — русский криминолог и государственный деятель, действительный тайный советник, министр юстиции Российской империи (1906–1915). Последний председатель Госсовета Российской империи (в 1917 году). Известен своими антисемитскими взглядами. За время управления министерством Щегловитов стал жупелом для либеральной общественности и 6 июля 1915 г. был уволен от должности министра в рамках курса «на общественность». Он не потерял при этом расположения императора и 1 января 1917 г. был назначен председателем Государственного совета. См.: Крыжицкий И. Г., И. Г. Щегловитов: (Из воспоминаний) // Былое. 1925. №2.

⁴ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — русский генерал от кавалерии, военный министр, генерал-адъютант. В обстановке войны, когда к весне 1915 г. обнаружился большой недостаток снарядов и другого военного снаряжения, Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. 8 (21) марта 1916 г. Сухомлинов был уволен с военной службы, в апреле исключен из членов Государственного совета. 21 апреля (4 мая) 1916 года он был арестован и находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. См: Морис Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Москва: Международные отношения, 1991, с. 79.

тревожно в связи с назначением кн. Юсупова⁵; беспорядки, погромы 28, 29 мая. Газеты начинают намекать на безответственность. Съезд Земского союза в своей резолюции признал необходимым созвать Думу, то же говорят газеты; то же Московская Городская Дума. Приходили ко мне отдельные предводители: А. Д. Голицын, Катков, говорили о настроении в деревне – все убеждены в измене приближенных к Государю лиц, начиная с гр. Фредерикса (сам я слышал о том же от простого извозчика). Я решил созвать на частную беседу [действующих. – *Ред.*] уездных предводителей и некоторых бывших.

5-го [июня – *Ред.*] днем в 3 часа у меня на Спиридоновке собрались Варженевский, Катков, В. Голицын, Румянцев, Оболенский, Олсуфьев, Рооп, Гагарин, Пушкин, Янов, Кор[нилов], бывшие предводители: С. Б. Мещерский, В. А. Голицын, Сережа⁶, граф В. В. Мусин-Пушкин. Говорили до 11 час[ов] вечера и решили, что необходимо мне лично доложить Государю: 1) о серьезности положения; 2) о необходимости удаления Сухомлинова и Маклакова; 3) о том, что народ смущен близостью к Нему немцев – это единогласно; 4) о созыве Думы – Сережа, Варженевский и Румянцев с некоторыми оговорками. Я говорил и о кн. Щербатове⁷.

Опубликовано об увольнении Маклакова и назначении кн. Н. Б. Щербатова. Тогда я решил еще раз собраться. Собрались уже несколько человек (6-7) и решили, что все остается по-старому, то есть как решили накануне.

Вечером [6-го июня] я выехал в Петроград...

⁵ Юсупов Феликс Феликсович (старший), князь (1856–1928). С 1915 г. главный начальник Московского военного округа и главноначальствующий над Москвой. 19 июня 1915 г. был освобожден от должности главного начальника, а 3 сентября 1915 года – от должности главноначальствующего. – *Ред.*

⁶ Сергей Дмитриевич Самарин. – *Ред.*

⁷ Князь Щербатов Николай Борисович (22 января 1868 – 29 июня 1943) – русский государственный деятель, занимал пост министра внутренних дел (июнь–сентябрь 1915), камергер, действительный статский советник. В 1915 г. – управляющий Министерством внутренних дел и главноначальствующий над Отдельным корпусом жандармов, в Совете министров выступал за сотрудничество с оппозицией. После отставки с поста министра вновь избран членом Государственного совета от полтавского земства. См.: Левенсон М. Л. Государственный совет: портреты и биографии. – Петроград: Тип. Петроградской тюрьмы, 1915.

[К сестрам Софье Дмитриевне и Анне Дмитриевне Самариным⁸] 20 июня 1915 года.

Пишу в вагоне по пути из Барановичей в Москву. Вы, может быть, уже знаете, какое тяжелое бремя неожиданно свалилось на меня: сегодня Государь назначил меня обер-прокурором Синода! Хожу как в чаду, я ли это, со мной ли это случилось!

Вкратце дело было так. 5 и 6 я собрал в Москве совещание предводителей⁹ настоящих и бывших и меня просили ехать в Царское Село, чтобы откровенно сказать о серьёзности минуты, о необходимости уволить Сухомлинова и Маклакова (он был уволен на следующий день), о том, что народ смущен близостью к Царю немцев – Фредерикса и компании ... Министры (Горемыкин, Щербатов, Кривошеин) очень обрадовались моему приезду, так как это совпадало с их желаниями. 10-го я был у Государя и с полной откровенностью высказал ему всё. Он меня благодарил за откровенное и правдивое слово. Тогда же Кривошеин мне сказал: «А Вас необходимо ввести в наш Кабинет». Я его просил оставить об этом всякие поползновения. Но это не помогло. Совет Министров (конечно, без Саблера) единогласно решил, что необходимо освободиться от Саблера, и единогласно высказался за меня и заявил об этом Государю в Ставке 14-го. В ночь на 15-ое я получил телеграммы от Щербатова и от Горемыкина с вызовом в Петроград. Там меня осадили все (Горемыкин, Щербатов, Кривошеин, Мусин-Пушкин) и настаивали на моём согласии. Я категорически отказывался, но Горемыкин мне сказал, что Государь велел мне, во всяком случае, приехать в Ставку.

Вчера вечером я приехал. Гр. Фредерикс, Шереметьев, кн. Орлов мне тут же сказали, что нельзя мне отказываться, что мой отказ это будет победа Распутина, что Государь, по-видимому, во чтобы то ни стало желает, чтобы я согласился. Тяжело мне собирать свои мысли;

⁸ Главные события, описанные в письме, подробно изложены в записи П. Д. Самарина о встрече А. Д. Самарина с императором Николаем II, помещенной в данном сборнике. – *Рег.*

⁹ Предводители дворянства уездов Московской губернии, коей губернским предводителем был А. Д. Самарин. – *Рег.*

ночью я мысленно обращался к Папаше, Вере¹⁰, думал, что бы они сказали. Сегодня утром меня позвали к Государю. Беседа длилась почти час. Я просил Г[осударя] не уводить меня из Москвы, указывал на свою непригодность, а главное с полной откровенностью высказал всё о Распутине и сказал, что не могу мириться с его теперешним положением. В письме трудно подробно передать всё, что было сказано с той и другой стороны. Я думал, что после того, что я сказал, и после моих слов, что можно найти других кандидатов хороших и честных, Государь не будет настаивать, но он сказал, что он всё-таки желает, чтобы я пошел. Дальше возражать было трудно, и я покорился судьбе! Государь три раза меня поцеловал, я у него поцеловал руку и сказал, что я прошу разрешить мне пойти только на время войны и, во-вторых, если совесть моя мне не позволит оставаться из-за Распутина, то есть, если его положение останется без перемен, я немедленно должен буду уйти. Он согласился на то и на другое...

Прошу Вас, дорогие Соня и Аня, помолитесь за меня. Меня глубоко тронул военный протопресвитер Шавельский – он перекрестился, когда узнал, что я согласился, говорил, что он со страхом ждал исхода дела. Сам отслужил для меня в походной церкви молебствие. По всем отзывам и по внешнему виду – это человек выдающийся.

В[еликий] Кн[язь] Н[иколай] Ник[олаевич] меня принял у себя, говорил с полной откровенностью, целовал и сказал, что Вы счастливейший человек в России, через Вас совершилось сверхчудо, Государь сделал то, что теперь может спасти его и Россию. Говоря это, он несколько раз крестился. Из свиты особенно радовался кн. Орлов.

Поймите, что я переживал в это время. Вечером я был у всенощной, а потом на обеде с Госуд[арем] и свитой в палатке. Пишу, только что севши в вагон. Поезд переполнен уезжающими из Варшавы, сидят, стоят в коридорах, на площадках. В Ставке настроение довольно бодрое. Я остаюсь в Москве до 17 июля. Нужно собраться с мыслями и собрать свои пожитки. Не знаю, кого мне

¹⁰ Покойным, давно ушедшим отцу и жене. – *Ред.*

просить идти в товарищи¹¹. Теперешний – друг Распутина и, конечно, ему оставаться при мне нельзя.

Беседу с Госуда[рем] и Н[иколаем] Н[иколаеви]чем не следует рассказывать.

..... —

Петроград. 15 июля 1915 года

[Алекса́ндре Савви́шне Мамо́нтовой¹²]

<...> Сегодня уже 10-ый день моей жизни здесь. За это время был 2 раза у Государя – отношение ко мне лично самое благожелательное: все делается, чтобы показать свое внимание; в частности разрешил, не спрашивая его разрешения, ездить в Москву. Не знаю, так же ли хорошо будет все по отношению к делу. По вопросу о помощнике, <...>, было сказано подождать немного; в четверг 23-го заговорю еще раз. Вероятно, ему тяжело – приходится вести борьбу. Не теряю, впрочем, надежды, что это дело удастся. В Синоде все сошло благополучно. <...>

Время переживаем исключительно тяжелое – военные дела крайне серьезны. В связи с этим в Совете Министров приходится участвовать в разрешении самых острых и важных вопросов. Страшно подумать, что на мою долю выпал такой жребий.

Живу пока в гостинице <...>

А. Самарин

..... —

[Москва] 24 июля 1915.

[Алекса́ндре Савви́шне Мамо́нтовой

от Ф. Д. Самарина]

<...> Об Саше имеем подробные вести через брата Сережу. Он прислал подробный рассказ о всем, что происходило с приезда Саши до 19 июля. Между прочим, он пишет, что Государь разрешил Саше приезжать к детям, когда захочет, без особого разрешения... Сообщу теперь то, что имеет наибольшее значение.

¹¹ Товарищ обер-прокурора Синода – должность заместителя министра по делам Церкви. – *Рег.*

¹² Воспитательница детей А. Д. Самарина, сестра покойной его супруги Веры Саввишны. – *Рег.*

Во-первых, назначение Саши встретило большое сопротивление в Царском Селе¹³.

Во-вторых, назначение Истомина в товарищи обер-прокурора до сих пор под вопросом. По-видимому, наводят справки и совещаются, и советуются. Говорят, однако, что в конце концов желание Саши будет исполнено. Государь к нему очень милостив и проявлял это на всех докладах.

Первое заседание прошло очень гладко. Канцелярия выражала даже удивление, как Саша мог в короткое время ознакомиться с делами. Впрочем, это, конечно, похвала лиц заинтересованных. Думаю, однако, что основание к такой похвале было: Саша, действительно, очень быстро работает и легко разбирается в каждом деле. Надо еще сказать, что Саше пришлось принять деятельное участие в заседании Совета Министров, когда обсуждался вопрос о Польше. По-видимому, ему удалось убедить, что издание манифеста по польскому вопросу было бы не своевременным. Вместо того, сошлись на том, чтобы Горемыкин в речи своей объявил, как предполагается решить судьбу Польши. Это Вы, конечно, знаете из газет.

Квартиру Саша до сих пор не нашел. Он живет в Европейской гостинице, внизу в № 8. Комната Александра¹⁴ в том же коридоре.

Ф[едор] Самарин¹⁵

..... —

[Черновик письма министров Государю
21 августа 1915 года]

Всемиловитвейший Государь!

Не поставьте нам, Государь, в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам: поступить так, как обязывает верноподданнический долг и любовь к Вам и к Родине, и тревожное сознание грозного значения совершающихся событий.

Вчера в заседании Совета Министров под вашим личным председательством мы повергали перед Вами

¹³ Иносказательное выражение о противодействии императрицы Александры Федоровны. — *Рег.*

¹⁴ Слуга Александра Дмитриевича Самарина. — *Рег.*

¹⁵ Старший брат Александра Дмитриевича Самарина. — *Рег.*

единодушную просьбу о том, чтобы Великий князь Николай Николаевич¹⁶ не был отстранен от участия в верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России, Государь! Еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения, по нашему разумению, грозит России, Вам и династии Вашей гибельными последствиями.

На том же заседании воочию сказались коренные разномыслия между нами и Председателем Совета Министров в оценке происходящих внутри страны событий и в образе действий Правительства. Такое положение недопустимо во всякое время, в настоящие же дни – гибельно.

Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине.

Петр Харитонов¹⁷

Алекс. Кривошеин¹⁸

Сергей Сазонов¹⁹

Петр Барк²⁰

Александр Самарин

кн. Всеволод Шаховской²¹

гр. Павел Игнатьев²²

кн. Н. Щербатов²³.

¹⁶ Великий князь Николай Николаевич позже, в январе-феврале 1917 года, нарушил присягу государю, что, по свидетельству В. Н. Воейкова, сильно повлияло на царя и его решение об отречении (см. в кн. Игум. Серафим Кузнецов. «Православный Царь-мученик». Стр. 493–496). Был членом масонского ордена с 1909 г. (там же на стр. 493). Император своей волей вопреки кабинету министров удалил его из Генерального штаба.

¹⁷ Харитонов Пётр Алексеевич (1852–1916) — действительный тайный советник (1913), государственный контролёр (1907–1916). — *Рег.*

¹⁸ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — российский государственный деятель. Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915). — *Рег.*

¹⁹ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 годы, землевладелец Рязанской губернии. — *Рег.*

²⁰ Барк Пётр Львович (Людвигович) (1869–1937) — российский государственный деятель, тайный советник (с 1 января 1915 года), член Государственного совета (с 29 декабря 1915 года), последний министр финансов Российской империи (с 6 мая 1914 по 28 февраля 1917 года). — *Рег.*

²¹ Шаховской Всеволод Николаевич, князь (1874–1954) — российский государственный деятель, министр торговли и промышленности (1915–1917). Действительный статский советник (1912), гофмейстер (1910). — *Рег.*

²² Игнатьев Павел Николаевич, граф (1870–1945) — киевский губернатор (1907–09), министр народного просвещения Российской империи в 1915–1916 гг. — *Рег.*

²³ Щербатов Николай Борисович, князь (22 января 1868 — 29 июня 1943) — министр внутренних дел (июнь–сентябрь 1915), камергер, действительный статский советник.

[Александрѣ Саввишнѣ Мамонтовой]

Петроград, август 1915 г.

В четверг не успел написать. Разговор был. Я высказал все об общем положении, о В[еликом] Кн[язе]²⁴, о гибельности его отстранения, о его популярности, оговорившись, что сам не знаю, на чем она основана.

Особенно я указал на то, что общий голос связывает это решение с именем ненавистного всей России человека²⁵; к тому естественные основания – совпадение его приезда по времени с этим решением и <...> его собственные слова, что «я уговорил Царя батюшку прогнать Николашку». На это Г[осударь] мне сказал: «Последнее совершенно не верно, я проверял это, и это не было сказано. А вообще это мое собственное давнишнее желание с начала войны встать во главе армии, и делить с ней горести, радости. Я считаю, что приезд в армию Царя может вселить бодрость в войска». Я сказал, что вполне это понимаю и разделяю, но не следует при этом устранять В. князя, а можно и самому там быть и оставлять Вел[икого] князя при себе. О влиянии Р[аспутина] я говорил, что все его считают проявлением злой силы, а от участия такого человека не может быть блага, и не может быть на его дела благословения Православной Церкви. В связи с этим я коснулся Еп[ископа] Варнавы, указав, естественно, что если нет влияния Р[аспутина] на дела Церкви, то необходимо немедленно это доказать устранением Варнавы. После долгих настояний было дано нерешительное согласие. Теперь дело за Синодом и за тем, чтобы обосновать его определение. Ведь отчета о ревизии, бывшей в мае, еще не предъявлено. Под конец разговора меня благодарили за откровенность. В тот же день вечером по просьбе министров было в Ц[арском] Селе заседание. Все доказывали опасность отстранения Вел[икого] князя, указывали на крайне серьезное положение внутри страны, на необходимость прислушаться к просьбам страны, в лице М[осковской] Г[ородской] Думы, в которых нужно видеть не желание внести революцию, а, наоборот, установить порядок – ведь в М[осковской] Г[ородской] Думе

²⁴ Великий князь Николай Николаевич Романов. – *Рег.*

²⁵ А. Д. Самарин имеет в виду Г. Распутина. – *Рег.*

много правых и умеренных, а постановление ее было единомышленное. Говорилось прозрачно о полной непригодности Пред. Сов. Министров Горемыкина, который тут же сидел. Желательного результата от этой беседы не получилось, по-видимому. Государь сказал, что он решил ехать в армию завтра, но на короткое время. Эти последние слова еще как будто оставляют небольшую надежду, что он не устраняет В[еликого] князя, о чем он определенно нам не сказал. Сегодня он здесь с Императрицей молился у всех святынь – в часовне <...>, Каз[анском] Соборе и Петропавловском – ясно, перед важным своим шагом.

Посмотрим, что будет. Думаю, что теперь было бы необходимо два решения: не устранять В[еликого] князя и сменить Горемыкина. Это удовлетворило бы многих, и тогда можно было бы распустить Думу. Военные дела как будто указывают на некоторый проблеск в лучшую сторону.

При всех этих условиях приезжать Вам сюда теперь не стоит. Меня Вы почти не будете видеть <...>

Если это состоится после 26-29, прошу тебя, чтобы дети поговели 26-29; это вообще желательно и нужно, чтобы от нас шел пример в этом деле. Если я буду здесь, что почти наверно, буду таки здесь говеть, хотя среди тревог и суеты трудно будет найти полный покой душевный.

О содержании этого письма прошу тебя никому не говорить. Сережа здесь, и я очень этому рад. Переживаем важные исторические минуты, и судьбе захотелось меня поставить в самое пекло жизни. В такое время при сложившихся условиях только молитва может отворотить грозные события.

А.Д.

..... —

*Петроград,
27 августа 1915 г.*

[Александре Саввишне Мамонтовой]

По слухам, 30 приедет Государь и, может быть, будет какой-нибудь ответ на наше коллективное ему заявление, в котором мы, хотя и не просили об отставке, но все же очень ясно говорили, что при Горемыкине <...> мы теряем веру в возможность с пользой служить. Думаю,

что ответа не будет, а, может быть, что-нибудь и скажут. Верится все-таки, что с Горемыкиным расстанутся. Кроме того, в субботу или воскресенье будет распущена Дума; говорят, что могут произойти беспорядки. Поэтому я Вас прошу теперь не приезжать. Если я, вообще, останусь, то Вы могли бы приехать 4-го утром; к тому времени я, вероятно, уже перейду на квартиру. А вы бы помогли мне кое-что купить для хозяйства <...> мебель, посуду и всякую мелочь – иначе Вам нельзя будет у меня жить. <...> Перемена в командовании прошла пока спокойно. Эти дни во всех Церквах идут торжественные службы: народу бывает много; хотелось бы 29-го²⁶ причаститься. <...>. Храни Вас Господь!

А. Сам.

..... —

[Сергею Дмитриевичу Самарину] Петроград,
без даты²⁷

Пишу с Джунковским. Сегодня в 12 ч[асов] я был у Государя. Передо мной был Щербатов; выходя из кабинета, он успел мне сказать, что он уволен, что Государь был с ним крайне любезен, поцеловал его; при этом Щ[ербатов] сказал, что меня наверно ожидает та же участь. Государь встретил и меня с обычной любезностью, спросил, много ли у меня накопилось докладов. А у меня было много докладов: о пожертвованиях из разных Епархий с деньгами (золотом, %-бумагами, бумажками) всего около 30 000 рублей. Всё это шло гладко и любезно. Когда же все кончилось, я сказал, что Свят[ейший] Синод поручил мне представить доклад Синода о Варнаве, и передал ему доклад об увольнении Варнавы, подписанный всеми членами Синода. Он его прочитал и сказал: «Я оставлю его, и подумаю»; я ему передал копию полного определения Синода и с Его разрешения сделал полный доклад о всём деле. Он внимательно слушал, иногда переспрашивал, иногда поддакивал. В конце доклада я сказал, что меня глубоко огорчают доходящие до меня

²⁶ Память Усекновения Главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; накануне дня Перенесения мощей благоверного князя Александра Невского из Владимира в СП-б., состоявшегося в 1724 году. – *Рег.*

²⁷ Вероятно, 25 сентября/ 8 октября 1915 года. – *Рег.*

слухи о том, будто Синод и я, начиная это дело, имели цель повредить Государю. Он, как будто удивленный, сказал «И Вас-то в этом подозревают?» Затем начал разговор о детях, о Двор[янском] пансионе, о Двор[янском] собрании (здании), спросил, участвовал ли я на собрании. Я его спросил, получил ли он телеграмму. Он ответил – да, прекрасно написана; я его спросил, обратил ли он внимание на сущность её содержания; он сказал: «Ещё бы – это совсем не то, что все земские телеграммы». Потом заговорили о Базилевском, [фамилии неразборчиво – С.Ч.], Янове, В. Голицыне, о том, что наш стяг с ним в Ставке. Разговор исключительно любезный; между прочим, спрашивал, оставил ли я должность главноуп[равляющего] по Кр[асному] Кресту. Длилось это без конца, и я начал чувствовать, что он хочет сказать что-то другое, но не решается. В это время вошел Наследник и всё кончилось. Он подал мне руку и сказал: «До свидания». С этим я уехал.

В Совете Министров я сидел рядом с Кривошеиным, рассказал ему всё происшедшее; он как человек опытный сказал, что эта любезность деланная, и наверно последует увольнение. От Государя я вышел в 1 час 5 минут, а в половине пятого, во время заседания Совета Министров Горемыкину подали письмо, по внешнему виду от Государя; он его тотчас же прочёл и положил в карман. В 5 ч[асов] заседание кончилось и Горемыкин мне сказал: «Прошу Вас зайти в мой кабинет – письмо касается Вас». Первая часть письма касалась Щербатова, и он мне её не показал, а дальше было сказано так: «Самарину я не успел (!) сказать, у него был очень большой доклад; прошу Вас дружески передать ему, что я освобождаю от обязанностей обер-прокурора Синода». Горемыкин мне сказал: «Я думаю, Вы должны быть очень рады». Я ему сказал, что в эту минуту я могу глубоко скорбеть, так как моё увольнение знаменует собой полное торжество Распутина, и я боюсь поэтому, что мой уход принесет большой вред Государю. Он прикинулся, что совершенно не знает, в чём дело Варнавы; я ему несколько рассказал. Между прочим, он мне сказал, что моё назначение состоялось по настоянию Вел[икого] князя, и что теперь поэтому меня и увольняют, что дело все в влиянии Императрицы; имел смелость и тут отрицать влияние Распутина на дела государственные,

за исключением церковных, о которых отозвался полным незнанием. О сдаче должности сказал, что сдать я должен по получении Указа, но когда он последует, неизвестно.

Конечно, здесь это скоро стало известным, а завтра я поеду к Митрополиту и сам ему всё расскажу. Горемыкин между прочим сказал: «А я думаю, что Государь утвердит доклад Синода». Это возможно; меня уволили по настоянию Императрицы²⁸, как сторонника Вел[икого] князя²⁹, а чтобы с Синодом не делать конфликта, определение утвердят и дадут Варнаве монастырь. Тогда будет вид, как будто я ушел не из-за Распутина и Варнавы. Если так, это ловкий ход, но я этому был бы рад, так как, всё-таки, из Тобольска Варнаву убрали бы.

Глупо, что сегодня я нанял кухарку, закупил для неё разной посуды ...

Боюсь за Джунковского, говорил по телефону с Кривошеиным; он ожидает, что в понедельник и его постигнет та же участь.

Очень меня заботит судьба Истомина³⁰; он ни за что не хочет оставаться, а между тем, ему необходимо служить, так как у него никаких средств нет. Пишу с Джунковским в Кисловодск и Тифлис Вел[икому] князю; ему там нужны люди, а Истомина можно смело рекомендовать.

²⁸ В связи с отставкой военного министра В. А. Сухомлинова императрица 12 июня 1915 года писала о Николае Николаевиче: «Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился Божьему человеку». (Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996. С. 147). 29 августа императрица писала мужу о А. Д. Самарине: «Мы должны удалить С., и чем скорее, тем лучше, – он ведь не успокоится, пока не втянет меня, нашего Друга и А. (Вырубову – *peg.*) в неприятную историю. Это очень гадко и ужасно непатриотично и узко, но я знала, что так и будет, – потому тебя и просили его назначить, а я писала тебе в таком отчаянии». (См.: «Терновый венец». С. 194–195). «Мне хочется отколотить почти всех министров и поскорее выгнать Щерб. и Сам.», – писала Александра Федоровна в том же письме. («Терновый венец». С. 196). С 22 августа императрица постоянно предлагала назначить министром внутренних дел А. А. Хвостова. После неоднократных призывов сменить ненавистивших ей министров, 7 сентября императрица писала по поводу А. Д. Самарина: «Ты видишь теперь, что он не слушает твоих слов – совсем не работает в Синоде, а только преследует нашего Друга. Это направлено против нас обоих – непростительно, и для теперешнего тяжелого времени даже преступно». (См.: «Терновый венец». С. 215).

²⁹ В это время великий князь Николай Николаевич был снят с должности Верховного главнокомандующего и отправлен командовать Кавказским фронтом. – *Peg.*

³⁰ Истомин Петр Владимирович родился в 1877 в Москве. Участник Русско-японской войны, в 1915 году товарищ обер-прокурора Синода, затем директор канцелярии заместителя Кавказа. – *Peg.*

Страшно подумать, что ожидает Россию в ближайшее время при таком образе действий. На кого будут опираться. По слухам, на место Щербатова будет назначен Алекс[ей] Никол[аевич] Хвостов (член Г[осударственной] Думы)³¹. А кто заменит меня, пока не ясно. <...>

Боюсь, что Базилевский сочтёт нужным отказаться, чтобы освободить место для меня. Но я считаю невозможным делом опять выборы; да <...> и Государь может не согласиться на новые выборы.

Мой друг Фредерикс с <...> проявляет новые знаки благородства; он искренне поздравил Джунковского с избранием.

Во всём этом деле, как оно ни тяжело, совесть моя кажется может быть спокойна, и приходится смириться перед неисповедимыми путями Божиими.

<...>

А. С.

³¹ Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) — русский государственный деятель, губернатор ряда губерний, министр внутренних дел в 1915–1916 годах. Племянник Александра Алексеевича Хвостова, который был назначен министром внутренних дел в 1916 году, через несколько месяцев после отставки А. Н. Хвостова. Смена министра внутренних дел была произведена в рамках масштабной смены министров после снятия великого князя Николая Николаевича с должности Верховного главнокомандующего. Назначению А. Н. Хвостова предшествовала обширная переписка императрицы, настойчиво писавшей Николаю II о необходимости назначения А. Н. Хвостова. (Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.-Л., 1926–1927).

А.Д. САМАРИН

ЗАПИСЬ О ДОКЛАДЕ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА ОБЪЕДИНЕННЫХ ДВОРЯНСКИХ ОБЩЕСТВ¹

Александр Дмитриевич Самарин: В[аше] И[мператорское] В[еличество]! Считаю своим долгом засвидетельствовать перед Вами, что Съезд наш руководствовался исключительно по долгу совести сослужить службу Родине и оградить Престол Вашего Величества. Съезд убежденно высказал это и постановил подчеркнуть исключительную преданность дворянства Самодержавию, необходимость для России, более чем когда-либо, крепкого Монархического начала. И вот в это-то самое время это начало переживает колебания в своих устоях – сила и авторитет Вашей власти падает до того [...], которые указывают на влияние часто скрытых безответственных сил. Это влияние развращающим образом действует, унижает авторитет и ведет к ужасным последствиям.

Император Николай II: Какие влияния, откуда всё это идёт?

¹ Император Николай II принял А.Д. Самарина в Царском Селе 10 января 1917 года, о чем свидетельствует текст его дневника: «10 января [1917 года]. Вторник. Утром принял Белева, Самарина, кн. Шаховского». (Дневники императора Николая II. Ведущий редактор С.М. Луконин. М.: ORBITA, Московский филиал. 1992. С. 736). А.Д. Самарин был с докладом о состоявшемся съезде Объединения дворян России. На съезде он был избран председателем Постоянного Совета объединенных дворянских обществ и, в таком качестве, выступал перед государем. Покинув кабинет, он на случайных листках, имевшихся в портфеле, записал состоявшийся диалог. Запись находится в архиве С.Н. Чернышева. Она выполнена на трёх листах формата А5 с двух сторон карандашом, с множеством сокращений слов, крайне неразборчиво. Местами только обозначена тема, затронутая в разговоре, например, указано, что государь передал некоторые пожелания дворянам, но какие – не записано. Текст А.Д. Самарина был разобран и переписан Е.А. Самариной-Чернышевой, но ей некоторые слова не удалось прочесть. Рукопись Е.А. Самариной-Чернышевой хранится вместе с оригиналом А.Д. Самарина.

А.Д.С.: Вся Россия знает об них и это есть общее глубокое убеждение.

И. Н. П.: Это удивительно, откуда всё это идёт; точно клубок [...] [...] клеветы [...].

А.Д.С.: Ваше Императорское Величество, неужели я должен называть имена тех лиц, которые с негодованием называют всюду, по всей России.

И. Н. П.: Да кто это?

А.Д.С.: Прежде всего это тот человек, которого уже нет в живых.

И. Н. П.: Да ведь его уже нет, что же об нем говорить?

А.Д.С.: Ваше Императорское Величество, его нет, но остались другие лица, может, не менее вредные. К великому соблазну для церковной жизни, я должен назвать митрополита Питирима², кн. Андроникова³, Курлова⁴, Белецкого⁵, Вырубову, еврея Рубина, Ман[асевич]-Ман[уйлова]⁶.

² Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов; 1858–1920) — митрополит Петроградский и Ладужский (23 ноября 1915 года – март 1917 года), член Святейшего синода (с 26 июня 1914 года). В обществе имел репутацию ставленника Григория Распутина, из-за чего был первым смещён с кафедры вскоре после падения монархии, 6 марта 1917 года (по юлианскому календарю). (Шавельский Г. И. Церковные дела. Тобольский скандал. // Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. — Т. I. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. — С. 383–385).

³ Андроников Михаил Михайлович (Андроников; 1875–1919) — русский князь. Андроников пытался использовать Г. Е. Распутина для своих целей. Андроников играл на связях с Распутиным для получения выгод от царя и царицы. Бернард Парес — историк предреволюционной России — называл Андроникова «одной из наиболее зловещих личностей в общественной жизни России». С 1916 года издавал казенно-патриотическую газету «Голос России», которая субсидировалась из секретного фонда МВД. По подозрению в шпионаже в пользу Германии приказом командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С. С. Хабалова от 9 января 1917 года ему запрещено жительство в обеих столицах. По его прибытии в Рязань 13 января полиция установила за ним негласный надзор, но ничего предосудительного за князем обнаружить не сумела. (Pares, Bernard, *The Fall of the Russian Monarchy*, London: Cassell, 1939, pp. 283–284).

⁴ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — русский государственный деятель. В 1916 году в течение двух месяцев находился на должности товарища министра внутренних дел. В том же году предложил Проект спасения России от революции. Основными положениями Проекта были аграрная реформа и предоставление равноправия евреям. — *Peg*.

⁵ Белёцкий Степан Петрович (1873–1918) — российский государственный деятель, сенатор. С сентября 1915 года по февраль 1916 года был товарищем (заместителем) министра внутренних дел. В феврале 1916 года освобожден от должности и назначен иркутским генерал-губернатором. После отказа выехать к месту назначения был уволен. — *Peg*.

⁶ Манасевич-Мануйлов Иван Фёдорович (1869 или 1871–1918) — деятель российских спецслужб, журналист, агент охранного отделения, чиновник особых поручений Департамента полиции, надворный советник. — *Peg*.

Все эти люди своим прикосновением марают подножие В[ашего] престола.

И. Н. II: Я не понимаю в чем тут дело; причем эти все люди.

А. Д. С.: Ваше Императорское Величество, простите мою смелость, голос общий считает, что они имеют влияние через Госуд[арыню] Императрицу.

И. Н. II: 22 года я царствую. Неужели я так ошибаюсь, я понимаю, если бы это был первый год, когда не было опыта.

А. Д. С.: Нестроения внутри страны отражаются на армии, особенно чувствительно сказываются в отрасли экономической жизни; вопросы продовольствия, топлива, транспорта, снабжения предметами первой необходимости стоят очень остро, вызывая постоянную тревогу и естественное недовольство при виде отсутствия разумного интереса со стороны власти. А могут ли власти с пользой работать, когда происходит постоянная смена на всех ступенях до М[инистров] включительно, смена, парализующая всякую работу в Ведомствах и препятствующая всякой согласованности общей работы, а эта согласованность более чем когда-либо необходима. Нужно использовать для работы все силы страны. Вспомните 1-ое заседание Думы после объявления войны. Какой тогда был подъём сил и как было использовано это настроение для блага родины. Стерлись грани между всеми партиями. — Начались наши неудачи, стали выявляться язвы нашей жизни, недостатки снабжения, Сухомлиновская история⁷, измена

⁷ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — русский генерал от кавалерии, военный министр, генерал-адъютант. 11 марта 1909 года Сухомлинов занял пост военного министра. Новый министр был сторонником развития и использования новых видов техники. В его министерстве были созданы автомобильные части, создан Императорский военно-воздушный флот. В полках были созданы пулемётные команды, а в корпусах — авиаотряды. В обстановке войны, когда к весне 1915 обнаружился большой недостаток снарядов и другого военного снаряжения, Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. 12 июня 1915 года под давлением общественного мнения Сухомлинов был царём освобожден от должности военного министра. 8 марта 1916 г. Сухомлинов был уволен с военной службы, в апреле исключен из членов Государственного совета. 21 апреля 1916 года он был арестован и находился в заключении в Петропавловской крепости. Суд проходил с 10 августа по 12 сентября 1917 г. Сухомлинову были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и 20 сентября 1917 приговорён к бессрочной каторге и лишению всех прав состояния. (Сухомлинов В. А. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005, с. 280–282).

Мясоедова⁸ – всё это, конечно, действовало удручающе на страну и понижало дух и энергию. И тем не менее летом 1915 опять-таки общественные группы воодушевились делом снабжения армии. Если не ошибаюсь, Родзянко докладывал В[ашему] И[мператорскому] В[еличеству] о необходимости образовать особое совещание по обороне. [...] В[аше] И[мператорское] В[еличество], Вы сами видели работу Союзов. [...] Распоряжения Мин[истра] внут[ренних] дел Протопопова только без цели раздражают общество и, конечно, понижают бодрость и энергию. Война народная – только общей дружной работой всей страны, власти и народа можно её довести до победного конца. Оговорю, что я говорил это не по поручению съезда, но в уверенности, что громадное большинство самых консервативных групп так думает. Запрещение съездов [объединенного дворянства]. Что они могли сказать после Думы, Г[осударственного] Совета и Двора[?]. Запрещение озлобляет и резолюция может быть стала гораздо резче и оппозиционной Москов[ского] город[ского] выбора. И всё это делает Мин[истр] внут[ренних] дел Протопопов, член Государственной Думы, бывший ½ года [назад] левый октябрист. В[аше] И[мператорское] В[еличество], как Вы можете верить такому человеку, когда он через 6 месяцев делает всё наперекор тому, что говорил в Думе; страна больше вряд ли ему поверит, наверное, и Дума и значит с ним Дума не может работать.

[...]Обращ[аю] внимание на конец резолюции, в общем однородный с Думой и Гос[ударственным] Сов[етом], но особо, на 1-ом месте поставивший заботу о Церкви и ответственность перед Царём.

В[аше] И[мператорское] В[еличество], в 1905 г[оду], когда был разрыв⁹, были партии, были споры при частом разномыслии; теперь нет партий, все сошлись, но не на положительных началах, но на время все

⁸ Мясоедов Сергей Николаевич (31 марта (12 апреля) 1865 – 20 марта (2 апреля) 1915) – полковник Русской армии, повешенный во время Первой мировой войны по ложному обвинению в шпионаже. – *Рег.*

⁹ Имеется в виду несогласие групп («партий») в Московском дворянском собрании по вопросу о целесообразности введения демократических свобод, в связи с чем группа дворян, оказавшихся в меньшинстве, и в их числе А. Д. Самарин, обратилась к императору с письмом, публикуемым в данном сборнике. – *Рег.*

одинаково возмущаются отсутствием власти, подлинной [...]. Председ[атель] С[овета] М[инистров] должен обладать Полнотой власти и объединять общей программой. Он должен представлять В[ашему] И[мператорскому] В[еличеству] кандидатов в министры¹⁰.

В[аше] И[мператорское] В[еличество], до сих пор Вы всемилостиво доверяли Дв[орян]ству. Оно было и, смею заверить, есть опора Престола. Если Дворянство 33 губерний решило в столь трудные минуты сказать такое Слово о положении Страны, то поверьте, Государь, что они уверены в том, что положение дел действительно таково.

В[аше] И[мператорское] В[еличество], вы не можете сами знать, каково общее настроение, а ведь от того, что говорят о власти всюду, от последних хижин до многих дворцов можно прийти в ужас. А разве не ужасно, что последнее убийство, совершенное, по-видимому, лицами высшего круга, вызвало общее ликование и радость в стране и армии¹¹.

В[аше] И[мператорское] В[еличество], чувствую на себе тяжелую ответственность перед Съездом 35¹² дворянских обществ и прошу не поставить мне в вину мои неумелые, но, поверьте, искренние слова. Еще раз заверяю Ваше Величество, что в своём постановлении Съезд руководствовался исключительно желанием блага родине и ограждения Престола.

¹⁰ Как видно из этого абзаца речи А. Д. Самарина перед императором Николаем II, Всероссийский съезд Объединенных дворянских обществ во главе с А. Д. Самариним склонился к необходимости передачи полноты власти Совету министров, оставив за царём, как помазанником Божиим, руководство Церковью и право утверждать состав кабинета министров, то есть встали на позицию Думы, которая вскоре реализовала её в Февральском государственном перевороте. Такая позиция А. Д. Самарина продолжает его выступление с группой министров в 1915 году, когда они просили государя не принимать на себя должность Главковерха, мотивируя это тем, что его место – в Петербурге. На рубеже 1916 и 1917 годов положение в стране было таково, что дворяне и Дума предлагали царю отдать власть Председателю Совета министров, так как царь занят на фронте.

¹¹ А. Д. Самарин явно не разделяет всеобщего взгляда на убийство Распутина как на путь к разрешению государственных проблем; он по-христиански не может оправдать убийство как средство устранения человека, с которым боролся долгие годы и которого пытался отстранить от царской семьи, называвшей его Другом. Так пророк Давид не мог одобрить убийство царя Саула, хотя тот преследовал Давида и пытался неоднократно погубить.

¹² В крайне неразборчиво написанном и частично стертом тексте документа цифра 35 читается однозначно, как и ранее указанная цифра 33 губернии. – *Рег.*

И. Н. П.: Передайте Совету [текст высказывания Государя в записи отсутствует]

А. Д. С.: Простите меня и внимлите мольбе верн[ых]
Вам дв[оря]н.

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО¹ К АЛЕКСАНДРЕ САВВИШНЕ МАМОНТОВОЙ²

Священник П. А. Флоренский – А. С. Мамонтовой

Глубокоуважаемая Александра Саввишна!

Неожиданной и прискорбной была для нас весть о постигшей Вас разлуке с милым Серёжей³. Видно, не на долгое время свои тяжёлые обязанности и сладкие права хотела уступить Вам его мать, и теперь сама будет воспитывать своё дитя. Ведь по издревле идущему в Церкви мнению, младенцы, похищенные смертью, – это не бутонь, сорванные до цветения, а, скорее ростки, пересаженные на лучшую почву. В ином мире они продолжают расти и укрепляться духовно, воспитываемые теми, кому вручает их Воля Призвавшего их. Но кому же вручит она Серёжу, как не матери?

¹ Священник Флоренский Павел Александрович, ученый-энциклопедист, автор многих научных статей, монографий, научных открытий и изобретений. Часто бывал в Абрамцево, служил в усадебном храме Спаса Нерукотворного. Участвовал в интеллектуальной работе «Сергиевского (Самаринского)» кружка, что отражено, в частности, в его портрете на фоне абрамцевского пейзажа (М. В. Нестеров «Философы»). Арестован в 1933 году и расстрелян по приговору тройки НКВД в 1937 году. – *Рег.*

² Публикуемые четыре письма о Павла Флоренского к Александре Саввишне Мамонтовой из Сергиева Посада в Абрамцево без исключения касаются Александра Дмитриевича Самарина. Они в известной мере адресованы и ему, что прямым текстом указано во втором письме, потому мы сочли целесообразным поместить их здесь. Он, несомненно, их читал. Письма написаны в старой орфографии и датированы по юлианскому календарю. В целом переведа тексты в современную орфографию и пунктуацию, мы оставили авторское написание в словах приставкой «без» и слове «мір» и не изменили датировку. Оригиналы писем находятся в архиве С. Н. Чернышева. – *Рег.*

³ 29 января 1913 года в пятилетнем возрасте скончался Сергей – младший сын А. Д. Самарина, воспитанник Александры Саввишны Мамонтовой.

Едва ли Вы помните одну недоговорённую мысль, которую летом обронил Вам по оплошности один из подписавшихся под этим письмом. Тогда было сказано на счёт Серёжи, что он не такой, как его брат и сестра, и что в глазах его, несмотря на фамильное сходство, внешнее, есть особая кротость. Теперь ничто не мешает сказать то, что тогда хотелось сказать прямо: Серёжа был с глазами, – как говорит народ, «не жильца». Это трудно определяемое, но совершенно определённое выражение чего-то неземного. Печать избранничества духовного лежит в этом неестественно кротком взоре. Ребёнок может шалить и резвиться, но всё же чувствуется, что он «не от мира». И если представить себе, что такой ребёнок вырос здесь, то сердце сжимается от предчувствий: как он вынесет зло земли и страдания, с которыми кое-как лишь примиряются люди с более земляной организацией. Взятый отсюда Серёжа попал «к себе». Молитвами его, пусть Господь растворит горечь Ваших слёз той радостью Утешителя, перед которой рушатся и которую затопляют всякие тесноты земной туги и временных страданий.

Священник П. Флоренский.
1913. II. 2
Сергиев Посад.

..... —

Священник П. А. Флоренский – А. С. Мамонтовой

Глубокоуважаемая Александра Саввишна!

Сегодня получил печальное известие о кончине Федора Дмитриевича. Известие это было так неожиданно, что только к вечеру я начал понимать его. Неужели честный⁴ Федор Дмитриевич больше не будет беседовать с нами? Сейчас нет сил ощутить эту потерю, ей всё не верится, всё думается, что в газетное известие вкралась какая-нибудь опечатка. По своему историческому положению он был для нас живой связью с прошлыми по-

⁴ Это слово в контексте письма понимаем как слово церковнославянское с ударением на «ы», как и употребленное ниже слово «лесть», поставленное автором письма в кавычках в силу заимствования его из церковнославянского языка. Подчеркивание авторское, как и в других письмах П. А. Флоренского. – *Рег.*

колениями. По своим личным качествам – живым судом безпристрастной и неподкупной истории. Разумеется, мы слегка бунтовали против него – по глубокому уважению и по любви к нему, в уверенности, что строговатый отец не отнимет у молодости ее законного права переходить черту – и не разлучится с молодёжью. Так всегда и бывало. Федор Дмитриевич снисходительно переносил наш маленький бунт, а мы были спокойны, зная, что если что прошло через суд Федора Дмитриевича, то оно уже бесспорно. В нем нельзя было не видеть редчайшего дара в наши дни – глубокой органической честности, которая не позволит себе ни на йоту лукавить, глубокой, органической сердечности, не допускающей взглядов искоса и игры с важным. Ах, Александра Саввишна, как нужен Федор Дмитриевич!

Нет ничего более далекого от Федора Дмитриевича, как «человек с двоящимися мыслями». Правдивость его мысли и сердца, в которой не было «лести», была живым укором большинству наших современников. Они, б[ыть] м[ожет], и талантливые и более блестящи и интересны, чем Федор Дмитриевич, но все почти с запахом тления, с неправдою, худшею из видов неправд – перед самими собою. И вот, Федор Дмитриевич ушел от нас, не сказав своего последнего слова, не оставив нам своих заветов и наставлений. Какая грусть! Она будет расти ещё, по мере того, как мы будем осознавать невознаградимость этой потери.

Не решаюсь выразить своего соболезнования в двойной потере Александру Дмитриевичу, ибо ему не до того⁵. Но Вас, глубокоуважаемая Александра Саввишна, прошу сделать это, когда сочтёте удобным, от меня. А ещё прошу исходатайствовать пред ним за меня, чтобы мне подарили фотографическую карточку Федора Дмитриевича, или указали, где её можно достать.

Господь да хранит Вас и Ваше семейство!

С всегдашним уважением к Вам

Священник Павел Флоренский.

1916. IX. 24.

Сергиев Посад.

⁵ «Двойная потеря», поскольку одновременно умерли два брата Самарины: 16 октября скончался Петр Дмитриевич, а 23 октября Федор Дмитриевич. Датировка письма сентября, видимо, ошибочна. – *Рег.*

Священник П. А. Флоренский – А. С. Мамонтовой⁶
1917. VII. 30. Сер. Пос.

Глубокоуважаемая Александра Саввишна!

С грустью я получил сегодня после обедни Ваше письмо. Вы пишете о своей апатии, даже о своём равнодушии к тому, над охранением чего стояли столько времени. Если Вы утомлены, если вы расстроены чисто физически, конечно, я понимаю Вас: конечно, слишком много у каждого из «граждан» нашего милого отечества поводов для усталости. Но, конечно, эта усталость пройдёт в своё время.

Однако Ваши слова звучат, кажется, более значительно. Вы, как мне показалось из письма, допускаете в своё сердце равнодушие и более существенное, чем от нервного утомления. Но из-за чего?

Всё то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет своё ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси. Всё то, что Вам дорого в Абрамцеве, воссияет с силой, с какою никогда ещё не сияло, потому что наша интеллигенция всегда была на $\frac{1}{2}$, на $\frac{1}{3}$, на $\frac{1}{4}$ и т. д. нигилистичной, и этот нигилизм надо изжить, как надо болезни пройти через кризис. Я уверен, что худшее ещё впереди, а не позади, что кризис ещё не миновал. Но я верю и в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века. Тогда «Абрамцево» и Ваше Абрамцево будут оценены, тогда будут холить и беречь каждое брёвнышко Аксаковского дома, каждую картину, каждое предание в Абрамцеве, в абрамцевых. И Вы должны заботиться об этом ради будущей России, вопреки всяким возгласам и крикам. А поко-

⁶ А. Д. Самарин был фактически совладельцем имения Абрамцево, поскольку оно Е. Г. Мамонтовой было завещано его детям, участвовал в организации музея и работал в нем с 1922 по 1925 год, и потому текст письма обращен и к нему. Современные сотрудники музея-заповедника Абрамцево видят это письмо как «столпописание», пользуясь вслед за о. Павлом Флоренским словом из церковнославянского языка псалтири, и действуют в духе, завещанном о. Павлом. Опубликовано: Московский вестник. 1990. № 1, с. 264-265. – *Peg*.

сы – Бог с ними. Вы проживёте и без покосов, а Абрамцево с покосами мало связано, по крайней мере в моём сознании. Я понимаю, что человеческую недобросовестность тяжело видеть. Но она была, есть и будет, и пока мы живём в мире, не на небесах, будет бесчестность, грубость, будут разбои и войны, и с ними надо заранее как-то посчитаться в душе своей и раз навсегда как-то перестать их замечать. Иначе, волнуясь за других, мы рискуем утратить из виду собственную свою светлую цель, духовную культуру Родины, рискуем оторваться от живого нерва Руси. А ведь Вы-то, в душе, не сомневаетесь, что дорогое Вам, Ваша теплота к отошедшим отсюда, то благоухание прошлого, которым жила Родина, Ваше чувство связи с историей – что всё это действительно есть, что Вы хранительница чего-то более тонкого и более духовного, чем только покосы, лес и даже дом, что Абрамцево, дорогое Вам, прежде сего есть духовная идея, которая неуничтожима.

Скажу худшее. Если бы Абрамцево уничтожили физически, то и тогда, несмотря на это великое преступление уничтоживших перед Русским народом, если будет жива идея Абрамцева, не всё погибло. Но вот когда Вы внутренне охладаете к аромату истории – это будет совсем худо, и Ваша вина, вина Вас, знавших душу Абрамцева, будет неизмеримо больше вины тех, кто, не зная души его, погубил его тело.

Простите, глубокоуважаемая Александра Саввишна, мои рассуждения, которые невольно вылились у меня в связи с Вашим письмом.

Преданный Вам

священник Павел Флоренский.

..... —

Священник П. А. Флоренский – А. С. Мамонтовой⁷

Глубокоуважаемая Александра Саввишна!

Почти вся Академия распущена, [...], у нас тут такая грязь, интриги и мерзости, что жить невозможно. Стара-

⁷ Письмо без даты, вероятно, 1924–1925 года. Очевидно, из Сергиева Посада в Абрамцево. Передано с оказией или нарочным (Юра). Конверт не сохранился. Письмо на одном листе формата А5 написано с двух сторон черными чернилами стальным пером, было сложено вчетверо. Архив С. Н. Чернышева. – *Рег.*

юсь достать священника, хотя и не служащего. Об успехах или неудачах дам Вам знать на днях. Кое-что Юра Вам расскажет о наших делах. Мне совершенно необходимо связаться с Ал[ександром] Дм[итриевичем], вероятно, сегодня я поеду в Москву, или завтра, хотя только вчера вернулся оттуда. Имейте в виду, что ни писем, ни телеграмм Вл[адимир] Федору посылать сколько-нибудь значительных НЕЛЬЗЯ в виду возможности их задержки и прочтения. По телефону тоже говорить нельзя.

Против Ал[ександра] Дм[итриевича] у нас ведут гадкую агитацию, потому ему надо быть особенно осторожным и вместе решительным. Вы не можете себе представить, глубокоуважаемая Александра Саввишна, сколько грязи обнаружилось.

Желаю хоть Вам иметь от Господа возможность провести это время в мире и тишине! Сейчас надо нам всем особенно тесно сплотиться духовно.

Преданный Вам

Священник Павел Флоренский.

P.S. Итак, относительно священника я сделаю все, что можно будет.

П. Ф.

ПИСЬМА К Е. А. САМАРИНОЙ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ А. Д. САМАРИНА¹

*Священник Павел²
11 февраля 1932 года*

Знайте и верьте, что всё совершается по Промыслу Божию. В порядке вещей, чтобы дети хоронили своих родителей. Дорогой Александр Дмитриевич созрел для небесной жизни, и вот, Господь взял его к себе. Над ним исполнились слова великого наставника, который при рождении младенца сказал: «Дитя, ты родился и плачешь, а окружающие тебя все радуются. Сделай же в жизни твоей так, чтобы, когда будешь оставлять жизнь – радовался, а все окружающие тебя плакали».

Из письма монахини Елизаветы Павловны я вижу, что Александр Дмитриевич, как глубоко верующий человек, радовался, что он переходит от земной жизни в небесную жизнь, что настало время, когда Господь призывает его к Себе. Все окружающие его горько плакали, что лишились такого глубокопочтимаго человека. Признаюсь и я вам, что и я не без слез читал письма о его кончине.

..... —

*Анна Дмитриевна Самарина³
6 февраля 1932 года*

Очень, очень мне горько хоронить последнего брата. Но за него надо благодарить Бога, что кончилась безотрадная жизнь последних лет. Верно, что Господь примет

¹ Личный архив С. Н. Чернышева.

² Фамилия неизвестна, писал из г. Воронежа. – *Ред.*

³ Младшая сестра Александра Дмитриевича. – *Ред.*

его в райские обители, где он будет продолжать просветленным духом славословить его, как славословил его здесь всю жизнь, с раннего детства.

..... —

Мария Николаевна Ермолова⁴

6 февраля 1932 года

Я любила его совсем особенно, и, конечно, никогда не думала пережить его, я, которая помнила его рождение! Я всё время думаю о тебе, моя дорогая Лизочка. Всем нам тяжело ужасно. Каково тебе? Но от всего сердца завидую тебе, что Бог привел тебя провести с ним душа в душу эти последние, самые лучшие, высокие годы его жизни.

..... —

Мария Федоровна Мансурова⁵

6/19 февраля 1932 года

Вот уже 20 дней прошло с тех пор, как наш дядя Саша перешел в другой мир. Не писала тебе, так как всё думала вот-вот увидимся, а больше еще потому, что не находилось у меня таких слов, которыми могла бы прикоснуться к твоей душе в эти дни, значение которых так велико для тебя, для всей твоей жизни. Кроме того, прежде, чем произносить какие-то слова о том, что совершилось, хотелось самой помолчать и затихнуть перед этим событием.

Когда узнала от Юши все подробности о кончине дяди Саши, то перестала ощущать её как несчастье, [но воспринимаю её. — С. Ч.], как событие светлое, полное содержания и плодоносное. Мне хочется для себя побыть у вас, поближе к месту упокоения дорогого дяди Саши. Хочется побыть в тишине, помолиться и, по силе, приобщиться и приникнуть к тому духовному наследию, которое оставлено им всем знавшим его и чтившим его, а больше всех тебе.

Мне кажется, тебе дан был редкий дар — быть настоящей дочерью. Я всегда любовалась этим даром в тебе. Как ни болезненна рана разлуки, радостно за тебя, что тебе

⁴ Тетя Александра Дмитриевича, двоюродная сестра его матери (однофамилица и тезка великой актрисы). — *Рег.*

⁵ Племянница Александра Дмитриевича, вдова священника Сергея Павловича Мансурова. — *Рег.*

дано было до конца послужить твоему отцу самым высоким служением – присутствием и состраданием в час разлучения с телом. В этот час вместе с ним умирала и ты. Как-то, после этого, будешь ты продолжать течение твоей земной жизни? Молитвенно желаю тебе, чтобы Господь Сам помог тебе найти ту невидимую дорожку, на которой в самой скорби приосенит тебя мир глубокий и тишина.

Преподобный Серафим говорил о мире душевном, что он приобретается скорбями.

..... —

Лидия Иосифовна Чернышева⁶

12 февраля 1932 года

Сижу и плачу. Просилась, чтобы меня пустили к тебе – не пускают. Почему же я плачу? Ведь он такой чудный, такой великий духом, что нет сомнения, что уготовано ему место в селениях праведных, что он будет продолжать своё излюбленное дело – воспевать Господа Бога, но только не с грешными людьми, а с исповедниками, преподобными, мучениками, со всеми святыми.

Нет места на нашей злобной земле таким людям! Господь милостив, что берет их к себе, не даёт им томиться страдать. А мы ничтожные, маленькие людишки, плачем о своей беспомощности, оставляемые такими светочами. Будем повторять последние слова дорогого Александра Дмитриевича, которыми он закончил письмо к Нине⁷: «Слава Богу за всё».

Да, моя родная девочка, слава Богу, слава Богу, да будет Его святая воля. Завтра пойду в церковь к обедне. Душою всё время с тобой.

Поклонись земно за меня незабвенному Александру Дмитриевичу.

..... —

⁶ Дочь протоиерея о. Иосифа Ивановича Фуделя, в то время тяжело больная туберкулёзом, от чего вскоре скончалась, первая жена Николая Сергеевича Чернышева. – *Рег.*

⁷ Сестра автора письма Нина Иосифовна, одна из педагогов адресата. – *Рег.*

По Олѣкме⁸

Врезаясь в воду острой грудью,
«Тайга» идёт на всех парах;
Леса, привыкшие к безлюдью,
Молчат на каменных горах.

Леса молчат, и лишь сирена
Звучит в ущелиях пустых;
Но эхо гложет постепенно,
И снова воздух нем и тих.

Прохладной горечью лесною
Наносит к нам на пароход;
Кругом всё дико, лишь порою
В лесу избушка промелькнёт.

И вот встают в душе вопросы:
Кто здесь в глуши нашел приют?
Зачем пришел он под утёсы,
Где только птицы гнезда вьют?

Ответа нет. Молчит песчаник,
Покрытый хмурую тайгой,
И пароход наш, как изгнанник,
Идёт пустынною рекой.

1929.

⁸ Написано А. Д. Самариним в период ссылки в г. Олѣкминск, как письмо к родным на обороте фотографии; ранее не публиковалось. – *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В НАШЕ время одна из задач печатного и другого публицистического выступления перед людьми – создать уважение к иерархии власти, стоящей в настоящее время в России под двуглавым орлом, к власти церковной и власти гражданской. Следует убедить людей в необходимости безусловного подчинения старшему, возродить идею послушания во всех уровнях общественного и семейного бытия. Для современного развития общества и государства, для избежания роковых ошибок исторического прошлого необходимо показать большую ошибку дворянской титулованной и нетитулованной элиты, не признававшей за императором Николаем Александровичем права на единоличное решение, сомневавшейся в правильности его отдельных поступков, а то и всего курса, по которому он вел к процветанию страны.

Царь, помазанник Божий император Николай II принимает решения по наитию Свыше. Сомневаться в его решениях – значило противостоять ангелу, приданному ему при коронации в древнем Успенском соборе Кремля. Однако ошибку человеческого обсуждения, недоверия к его решениям допускали почти все, на кого он опирался, привлекая к служению у трона.

Показателен в этом отношении пример Александра Дмитриевича Самарина, человека, глубоко укорененного в православии, монархиста, человека исключительной для общественного деятеля и политика честности, известного в своё время и уважаемого во многих сословиях, искреннего в общении с людьми разного общественного положения. Все эти замечательные свойства его явлены в текстах, помещенных в книге. Будучи сыном Церкви, храня веру в Бога, исполняя обряды и таинства церкви,

как редко кто в его время массового отхода от православия в высших и других кругах общества, Александр Дмитриевич все же испытывал влияние окружения. Дух не демократии, а аристократии – правления высокопоставленных – был укоренен в нем семейным воспитанием. Он принимал важнейшие жизненные решения после совета с братьями и единомышленниками-аристократами. Он и от царя хотел того же принятия решения по рекомендации министров – новой боярской думы. В думе, еще при святом благоверном князе Дмитриии Донском, сидел его предок. Александр Дмитриевич, как верноподданный, вопреки собственному желанию и желанию семьи, подчинился решению царя назначить его на министерскую должность обер-прокурора Святейшего синода, но в кабинете министров организовал письмо от группы министров с просьбой к государю изменить свое решение об отстранении великого князя Николая Николаевича от должности Верховного главнокомандующего и не принимать на себя обязанностей по командованию действующей армией. В этом предложении А.Д. Самарина и солидарных с ним членов Совета министров была логика, поскольку царю нельзя было оставлять Петроград и перемещаться в полевой штаб. Но воля царя – воля Божия. Последующие события показали, что император был прав. Ему удалось остановить наступление врага летом 1915 года, материально подготовить к 1917 году решительный перевес в вооружении и тем самым приблизить победу в войне, что было сорвано Февральским переворотом генералов-клятвопреступников и развалом империи «господами», что предрекал А.Д. Самарин ещё в 1905 году. В январе 1917 года, во время специальной аудиенции, А.Д. Самарин выступил перед императором от лица всего русского дворянства и предложил перейти к конституционной монархии, солидаризируясь с думцами, которые вскоре захватили власть. Дворянство в лице А.Д. Самарина, выражая верноподданность на словах, по существу отошло от царя. Он оставался один защитником самодержавной формы правления, той формы, которая позволяла государству расти и крепнуть на протяжении тысячелетия, падая и погибая в моменты ослабления центральной власти в период феодальной раздробленности, а также смуты на грани XVI

и XVII веков, и воссоздаваясь после объединения вокруг Москвы при Дмитрии Донском и Михаиле Романове. Своё державное одиночество государь впоследствии выразил в словах: «Кругом измена, и трусость, и обман!», записанных в его дневнике 2 марта 1917 года.

В книге в воспоминаниях дочери дан с необыкновенной теплотой образ Александра Дмитриевича Самарина – крупного общественно-политического деятеля пред-революционной и революционной эпохи, имя которого упоминается во всех монографиях и учебниках по новейшей истории церкви. Воспоминания дочери об отце написаны прекрасным языком. Они в увлекательной форме рисуют жизнь страны от Москвы и Костромы до Якутии, увиденную глазами православного человека. Воспоминания написаны в 1970-х годах, когда в условиях советского режима не было публикаций по темам этой книги, когда А.Д. Самарин, претерпевший тюремные заключения и ссылки, еще не был реабилитирован, и у автора воспоминаний не было возможности работать в архивах. Современная проверка показала, что основные факты жизни А.Д. Самарина, приведенные Е.А. Самариной-Чернышевой по памяти и семейным документам, соответствуют истине. Однако оценка личностей и событий в воспоминаниях дочери местами носит субъективный характер. Это относится, прежде всего, к словам о царе-мученике. В целом субъективное, личностное изложение придаёт тексту воспоминаний теплоту и выражает взгляды 50-летней давности православного, глубоко воцерковленного человека. Наряду с личными воспоминаниями в книге печатаются многочисленные ранее не публиковавшиеся документы и фотографии из семейного архива потомков А.Д. Самарина, а также лучшие из опубликованных ранее фотографий. Из публикуемых документов внимание читателей, вероятно, в первую очередь привлекли почти стенографические подробные записи ряда продолжительных рабочих бесед А.Д. Самарина с императором в 1915 и 1917 годах, а также письма из Петрограда о встречах с монархом. Они показывают стиль работы святого страстотерпца царя Николая II как единоличного правителя империи. Это живой материал для литературного или сценического воплощения образа последнего самодержца.

Послереволюционная деятельность А. Д. Самарина впервые раскрыта по архивным материалам в статьях священника А. В. Мазырина и протоиерея Д. И. Сазонова, выявлено большое значение её для формирования позиции церкви в богоборческом государстве с отказом от какого-либо контакта с обновленцами, с неуклонным следованием по пути исповедничества и мученичества. Эта линия, выработанная в первые месяцы после кончины Святейшего Патриарха Тихона при местоблюстителе священномученика митрополита Петра (Полянского), привела через страдания сонма новомучеников и исповедников к победе Церкви и расцвету её после празднования 1000-летия Крещения Руси, наконец, к объединению с зарубежной ветвью нашей Церкви. Послереволюционная деятельность А. Д. Самарина отличается от предреволюционной большей самостоятельностью. В предреволюционные годы он всегда подчёркивал (см. беседы с государем), что выражает не своё мнение, а мнение общества – дворянства, аристократии, семьи. В послереволюционное время уже не было в живых двух старших братьев, к тому же он осознал свою роль лидера при выборах митрополита Московского, при работе в Поместном соборе. В послереволюционные годы А. Д. Самарин стал действовать от своего разума, которым был наделен от Бога.

Александр Дмитриевич Самарин последние годы жизни провёл в Костроме в ссылке под надзором ОГПУ. Самаринны издавна были связаны с Костромой и Волгой. Один из дальних предков их, боярин Иван Родионович Квашня, командовал Костромским полком на Куликовом поле. Герои обороны Смоленска, разоренные при польском нашествии, братья Самаринны получили в 1612 году вотчины в Костромском уезде вблизи Плёса. Не эти ли связи с Костромой привели Александра Дмитриевича в город предков на последние годы жизни? Когда ему по окончании ссылки в Якутию от ГПУ было дано право выбрать место жительства за вычетом шести крупнейших городов, он выбрал Кострому. Здесь он и упокоился навечно на кладбище, ныне закрытом, превращенном в парк. Место погребения А. Д. Самарина отмечено старыми березами, которые, судя по фотографиям, стояли у свежей могилы в 1932 году и сейчас ещё стоят, охраняя дорогу для многих могилу, над ко-

торой регулярно совершаются панихиды. Попытка прихожан построенной Александром Дмитриевичем церкви в с.Аверкиеве и его внуков перенести прах в Подмоскowie к могиле любимой им жены потерпела неудачу на стадии получения церковного благословения. Видимо, дело в том, что Александр Дмитриевич при жизни был принципиальным противником перезахоронений. Он считал, что погребенное тело соединяется с землей и практикуемое перенесение лишь разобщает останки, ушедшие в землю и доступные для извлечения, а потому не следует тревожить прах усопших. Усопший, но живой, он пожелал остаться в Костроме. Под почвой на месте его погребения дочерью положен камень с надписью: «Александр Дмитриевич САМАРИН 1868–1932». Она надеялась, что когда-нибудь плиту обретут и на месте её водрузят обычный памятник, достойный праведника, который «подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4:7). 29 сентября 2017 года Костромская городская дума приняла решение об установке памятного знака-креста над могилой с надписью: «Александр Дмитриевич Самарин. 1868–1932. Обер-прокурор Святейшего синода. Главноуполномоченный Красного Креста в годы Первой мировой войны. Упокоен на бывшем Александро-Невском кладбище Костромы».

Пусть данная книга так же послужит памятником Александру Дмитриевичу Самарину, а название ее из послания апостола Павла – эпитафией в поддержку римской традиции. С Римом его связывала помолвка с горячо любимой невестой Верой Саввишной Мамонтовой, некогда изображенной В.А. Серовым на портрете «Девочка с персиками». Они чтили Рим как город подвигов апостолов Петра и Павла и первых христиан, место, где сохранились Колизей и катакомбы – памятники жизни и смерти исповедников и мучеников, по пути которых пошел Александр Дмитриевич.

Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего Александра!

Сергей Чернышев

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ДМИТРИЕВИЧЕ САМАРИНЕ

(составлено С. Н. Чернышевым)¹

1868

Родился Александр Дмитриевич Самарин в Москве 30 января в Леонтьевском переулке (ул. Станиславского), в том доме, где теперь музей Константина Сергеевича Станиславского. Родители его – отец Дмитрий Федорович Самарин, младший брат славянофила Юрия Федоровича Самарина, мать – Варвара Петровна Самарина, урожденная Ермолова, дочь героя Отечественной войны 1812 генерала Петра Николаевича Ермолова и воспитанница дяди – героя Отечественной войны 1812 года генерала Алексея Петровича Ермолова. Александр Дмитриевич был средним из семи братьев и сестер. Вскоре после рождения Александра Дмитриевича семья переселилась в собственный дом на Поварской, 38 (дом сломан в 1965 году). В раннем детстве Александр Дмитриевич хорошо овладел французским и немецким языками и проявлял хорошие музыкальные способности. Вместе с братом Петром Дмитриевичем, который был несколько старше и обладал исключительным музыкальным слухом, Александр Дмитриевич увлеклся хоровым пением, главным образом, церковным. В доме на Поварской семья Самариных жила до 1935 года, когда последней из этого дома ушла Анна Дмитриевна Самарина, вынужденная покинуть Москву и жить в Можайске.

¹ Составлено по: рукопись Е. А. Самариной-Чернышевой 1974 года «Даты жизни моего отца Александра Дмитриевича Самарина», дневник Е. Г. и А. С. Мамонтовых за 1903–1932 годы (оба источника находятся в архиве С. Н. Чернышева).

- 1878-1886 Обучался в 5-ой классической гимназии, помещавшейся на углу улиц Поварской и Молчановки. Там же учились и его братья, и все они, начиная со старшего Федора Дмитриевича, кончили гимназию с золотыми медалями. Первые классы, до 4-го включительно, все учились дома и только сдавали экзамены экстерном.
- 1886-1891 Учился в Московском университете. По семейным традициям все Самарины шли на историко-филологический факультет, туда же поступил и Александр Дмитриевич.
- 1891-1892 Окончив университет, Александр Дмитриевич отбывал воинскую повинность как вольноопределяющийся в гренадерской артиллерийской бригаде.
- 1892-1898 Земский начальник Бронницкого уезда Московской губернии.
- 1899-1907 Богородский уездный предводитель дворянства в Московской губернии.
- 1901 Смерть отца Дмитрия Федоровича Самарина 2 декабря.
- 1903 Женитьба на Вере Саввишне Мамонтовой 26 января.
- 1904 Рождение сына Юрия 20 апреля.
- 1905 Рождение дочери Елизаветы 22 августа.
- 1906 Смерть матери Варвары Петровны Самариной.
- 1907 Рождение сына Сергея 28 мая.
- 1907 Смерть жены Веры Саввишны 27 декабря в доме Самариных на Поварской.
- 1908 Переселение 27 сентября с детьми, тещей Елизаветой Григорьевной Мамонтовой и свояченицей Александрой Саввишной Мамонтовой на ул. Спиридоновку, дом 18, который принадлежал Тучковым и позже был куплен Александром Дмитриевичем.

- 1908 Смерть тещи Елизаветы Григорьевны Мамонтовой 28 октября.
- 1908 Александр Дмитриевич избран Московским Губернским предводителем дворянства, переизбирался на эту общественную должность в 1911 и 1914 годах.
- 1913 Скончался младший сын Сергей 29 января.
- 1914-1917 С начала войны в должности главноуправляющего возглавлял работу Красного Креста по приёму и лечению всех раненых.
- 1915 Обер-прокурор Святейшего синода с 5 июля по 25 сентября, уволен ввиду непримиримой позиции, которую он занимал по отношению к Распутину.
- 1916 Смерть двух братьев – Петра Дмитриевича 16 октября и Федора Дмитриевича 23 октября.
- 1916 Участие в Съезде объединенных дворянских обществ. Избрание на должность председателя Постоянного совета объединенных дворянских обществ.
- 1917 Визит 10 января к императору Николаю II с докладом по резолюции Съезда объединенных дворянских обществ. Летом избирался (был одним из двух кандидатов) на Московскую митрополичью кафедру. Осенью тяжелая болезнь и операция аппендицита.
- 1917-1918 Член Священного собора Православной Российской Церкви, товарищ Председателя от мирян.
- 1918 Председатель Совета объединенных приходов г. Москвы, моральной силы, выступившей на защиту Церкви от посягательств большевиков и сохранившей ее от разгрома в 1918–1919 гг. (см. статью прот. Д. Сазонова «Александр Дмитриевич Самарин. История возникновения и деятельности Союза объединенных приходов г. Москвы. К оценке личности» в данном

сборнике). Многократные обыски. Скрывался с июля по сентябрь. Впервые арестован 25 сентября в Брянске. Орловский изолятор. Москва: Лубянка ВЧК, Бутырская тюрьма.

1919 Богослужение в Бутырской тюрьме на Пасху с крестным ходом по всем коридорам тюрьмы. Александр Дмитриевич – регент хора. В этот день, 7 апреля, Александр Дмитриевич освобожден по личному распоряжению Дзержинского. Лето в Абрамцеве, начало музея. Вызов в прокуратуру 15 августа (Успение Пресвятой Богородицы) и второй арест 16 августа (Спаса Нерукотворного, престольный праздник в Абрамцеве) по делу Совета объединенных приходов г. Москвы.

1919-1920 Суд. Первый открытый процесс группы Совета объединенных приходов в малом зале Дворянского собрания. Александр Дмитриевич – центральная фигура процесса. Обвинитель – Н.В. Крыленко. Приговор вынесен 2 января 1920 года (день памяти преподобного Серафима, преставление) – высшая мера наказания с заменой заключением «до окончательной победы мировой революции». Таганская тюрьма вместе с митрополитом Кириллом, архиепископом Федором и другими архиереями, с В.Ф. Джунковским. Работа в кроличьем питомнике.

1921 Таганская тюрьма. Болезнь – воспаление лёгких. Сокращение срока, сначала до 25 лет, затем до 5 лет.

1922-1925 Освобождён в конце марта 1922 года после двух с половиной лет пребывания в Таганской тюрьме. Жизнь в Абрамцеве. Деятельное участие в работе музея: экскурсии, хозяйственная часть, отчётность. Сотрудничество в рамках «Троицкой (Самаринской) группы» с митрополитом Крутицким Петром (Полянским) и архиепископом Феодором (Поздеевским) в формировании непримиримой позиции Церкви по отноше-

нию к обновленцам (см. статью свящ. А. Мазырина «Сергиевская» («Самаринская») церковная группа и Патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) в 1925 г.» в данном сборнике).

-
- 1925 Паломничество в Саров и Дивеево на 19 июля (1 августа) – день памяти преподобного Серафима, прославление и первое обретение мощей (пешком от станции Арзамас).
-
- 1925 Арест (третий) 17 ноября. Лубянка: внутренняя тюрьма, одиночка. Следствие.
-
- 1926 В мае приговор – три года ссылки в Якутию. Отправка этапом 7 июня, под Троицын день, вместе с архиепископом Гурием (Степановым).
-
- 1926-1928 Якутск. Работа совместно с архиепископом Гурием (специалист по восточным языкам) над переводом с немецкого на русский язык научного труда академика О. Н. Бётлингга «О грамматике якутского языка. Грамматика, тексты и словарь» по заданию Академии наук (ак. Марр); немецкие уроки группе врачей. В 1927 году – тяжелая болезнь.
-
- 1928 Завершение работы над книгой О. Н. Бётлингга. Перевод из г. Якутска в г. Олёкминск. Регент и чтец.
-
- 1929 Возвращение из Якутии, проезд 11 июля в Кострому с дочерью. Смерть последнего брата Сергея Дмитриевича 6 августа.
-
- 1929-1932 Жизнь в Костроме. Ежедневное служение в церкви: регент и чтец.
-
- 1932 Кончина 17/30 января 1932 года. Погребение на старом городском Александро-Невском кладбище, которое в 1980 году превращено в парк-мемориал воинов Великой Отечественной войны, расположенный в конце проспекта Мира.

ОБ АВТОРАХ

Жиркова-Астапова Антонина Иосифовна (1918–2001) – дочь протоиерея Иосифа Ивановича Жиркова, последнего настоятеля Спасского собора г. Олекминска, служившего ранее в градомякутской Никольской церкви в 20–30-е годы XX века. Оставила воспоминания о своем отце и А. Д. Самарине.

Самарин Петр Дмитриевич (1861–1916) – брат Александра Дмитриевича Самарина, знаток русского церковного и народного пения, член совета при знаменитом Синодальном хоре в предреволюционные годы.

Самарина-Чернышева Елизавета Александровна (1905–1985) – дочь Александра Дмитриевича и Веры Саввишны (в семье отчество потомков Саввы Ивановича принято писать как «Саввишна», а Саввы Николаевича, для отличия, как «Саввовна») Самариных. Елизавета Александровна в 1926 году последовала за отцом в ссылку в Якутию, затем в Кострому. После смерти Александра Дмитриевича Самарина в 1932 году вернулась в Москву. С 1945 года на службе в Доме-музее В. Д. Поленова в должности хранителя. Написала биографический очерк об отце – Александре Дмитриевиче Самарине и другие мемуарные произведения.

Мазырин Александр Владимирович – священник, клирик Московского храма святителя Николая в Кузнецях, заместитель заведующего научно-исследователь-

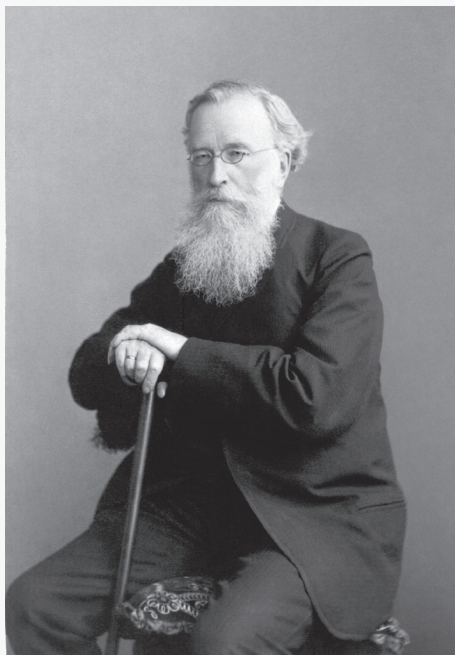
ским отделом Новейшей истории Русской Православной Церкви и профессор кафедры общей и русской церковной истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, доктор церковной истории, кандидат исторических наук.

Сазонов Димитрий Иванович – протоиерей, настоятель Никольской церкви с. Саметь Костромского района Костромской области, кандидат богословия, доктор философских наук, профессор Российской Академии Естествознания, председатель комиссии по канонизации святых Костромской епархии и председатель Костромского церковно-исторического общества.

Таирова Юлия Геннадьевна – теолог, краевед, окончила в 2011 году ПСТГУ, защитила аттестационную работу на тему «Александр Дмитриевич Самарин – подвиг служения Церкви», член инициативной группы по воссозданию в селе Аверкиево Павлово-Посадского района Московской области духовно-просветительского центра А. Д. Самарина.

Чернышев Сергей Николаевич – внук А. Д. Самарина, внук потомственного почетного гражданина Москвы, фабриканта и благотворителя Сергея Ивановича Чернышева, правнук знаменитого промышленника Саввы Ивановича Мамонтова, доктор геолого-минералогических наук, профессор кафедры инженерной геологии и геоэкологии НИУ МГСУ, академик РАЕН, в 1994 году закончил Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне ПСТГУ) по направлению «теология». Автор ряда научных статей, монографий, учебников по геологии в строительстве, а также статей и монографии историко-культурного содержания.

*Дмитрий Федорович
Самарин.
Отец А. Д. Самарина.*

*Варвара Петровна Самарина
(урожденная Ермолова).
Мать А. Д. Самарина.*

*А. Д. Самарин.
1880 г.*

*А. Д. Самарин.
1887 г.*

*А. Д. Самарин
в период прохождения воинской службы
в гренадерской артиллерийской бригаде
после окончания университета.
1891 г.*

А. Д. Самарин – земский начальник.
Фото 1897 или 1896 гг.

Фотография сделана уездным фотографом
городского уездника А. П. Смирновым
в 1896 или 1897 году за время работы и
предоставлено мне в архиве Лес-
ного Начальника производственных
документов в деп. Деловых Бумажек
управления губернии.

А. Самарин

Надпись, сделанная А. Д. Самариным
на обратной стороне размещенной выше фотографии.

*А. Д. Самарин.
1890-е годы.*

*В. М. Васнецов.
Портрет
В. С. Мамонтовой,
1896 г.
Музей Абрамцево.*

*А. Д. Самарин с матерью в Васильевском.
1902 г.*

*А. Д. Самарин и В. С. Мамонтова.
Рим. 1902 г.*

А. Д. и В. С. Самаринь.
1903 г.

*Дети А. Д. и В. С. Самариных
Юрий, Елизавета и младший Сергей.*

*Панихида на могиле Веры Саввиной в Абрамцево.
1908 г.*

*А. Д. Самарин.
1910 г.*

*Дом А. Д. Самарина на ул. Спиридоновке в Москве,
1910 г.*

Сергей Дмитриевич Самарин с племянником Юшей.

*Александра Саввина Мамонтова.
Февраль 1910 года.*

*А. Д. Самарин с сыном Юшей и дочерью Лизой.
1913 г.*

*В столовой абрамцевского дома.
А. Д. Самарин во втором ряду;
в первом ряду (справа налево):
Наталья Васильевна Поленова (дочь художника),
Лиза и Юша Самарины, Александра Саввина Мамонтова, NN;
стоит Дмитрий Васильевич Поленов (сын художника).
1913 г.*

Александр Самарин

1913, 29 июля

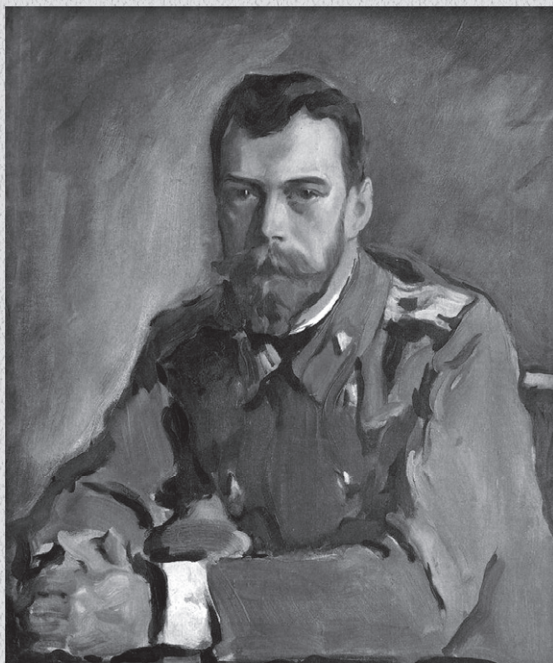
от отца

Татьяна Самарина

А. Д. Самарин.
Фото 1913 года с дарственной надписью дочери.

*Церковь Пресвятой Троицы в с. Аверкиеве
Богородского уезда Московской губернии,
построенная по инициативе
и на средства А. Д. Самарина.
1914 г.*

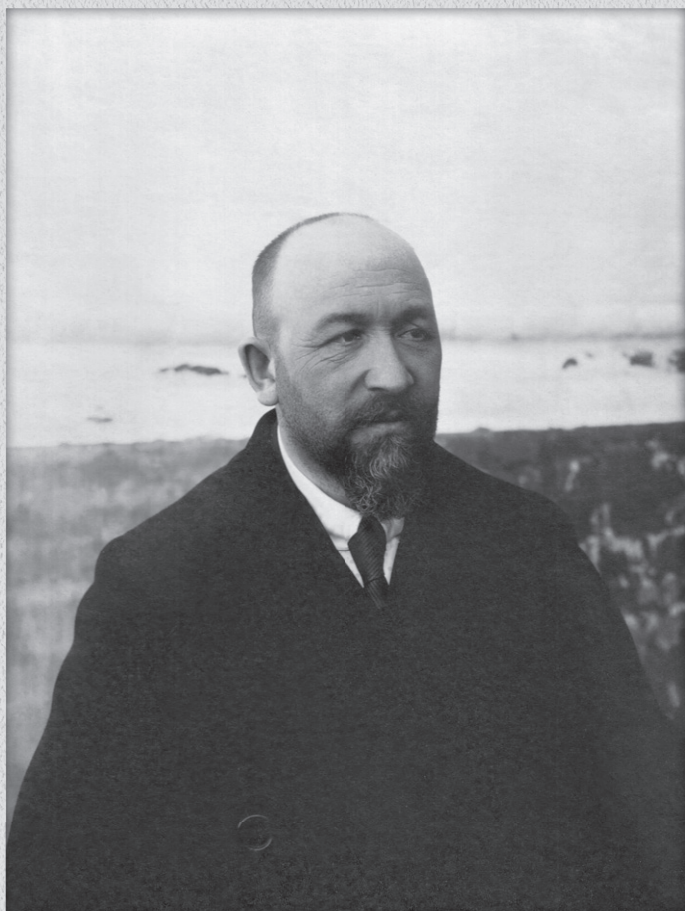

*В. А. Серов. Портрет императора Николая.
1900 г.
Третьяковская галерея.*

Первое заседание Св. Синода въ присутствіи оберъ-прокурора А. Д. Самарина. — Слѣва на право: Тихонъ, арх. Воронежскій, Сергій, арх. Финляндскій, Владиміръ, митр. Петроградскій, оберъ-прокуроръ А. Д. Самаринъ, Агаангелъ, арх. Ярославскій и еп. Иннокентій, предсѣдатель Миссіон. Совѣта при Св. Синодѣ.

*Члены Святейшего синода с обер-прокурором А. Д. Самариным.
Фото из журнала «Русский паломник». 1915 г.*

*А. Д. Самарин.
1915 г.*

Ваше Императорское Высочество

Вчера в заседании Совета Министров по Вашему
 инициативе присутствовали и сформированы были
 Ваши единоличные ~~исполнительные~~ ^{исполнительные} органы, ~~состав~~ ^{состав}
 Д. К. Н. П. и один ~~из~~ ^{из} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 Командования нашей армии. ~~В~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~
~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~
~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~ ~~состав~~
 Но мы объяснили, что Вашим ~~состав~~ ^{состав}
 составом не целесообразно ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 инициативу нашу и, следовательно, Ваш
 Вирно в Вашем России.

Государь, ~~Ваш~~ ~~Ваш~~ ~~Ваш~~ ~~Ваш~~ ~~Ваш~~ ~~Ваш~~
 Ваш Император, ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 Императорский ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 Ваш Императорский ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 Составом ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}

На днях в заседании Совета Министров ~~состав~~ ^{состав}
~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 Председатель ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 одним ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
 составил и в ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}
~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав} ~~состав~~ ^{состав}

Один из черновиков письма к государю от членов правительства,
 написанный А. Д. Самариним в июле-августе 1915 г.
 Архив С. Н. Чернышева.

1

Милый Сергей
Пишу из Дурново. Вечером
в 10. и один у Голубова. Студен-
та Иван Шербатов; выходи
из кабинета и не забудь мне
спросить, что он чувствует, что
Голубов один с ним крайне
неверен, почитай его; и не
отом Ш. спроси, что он
поварно о Голубове та же факт.
Голубов выиграл мне ^в добрых
словесных, спроси, много ли
напоишь у меня дождя.

Письмо А. Д. Самарина брату С. Д. Самарину
об отставке с должности обер-прокурора
Святейшего синода.
Архив С. Н. Чернышева.

Поиски переписанных мной суда, на-
чавшись для описи домов и обсто-
ятельное время сидели в Ста-
рорусской тюрьме -
Могли еще добавили, что описи
много, что ты видишь в доме
суда много восприняли все
процесс, отпустили описи и со-
было со следствием много, как
можно описи значительные для
всех практических людей, знаю,
что урядом переписаны эти дни
о. Анне. Мерев. В том же доме
суда С. Н. Мансуров был у о. Ф. Ме-
тева, от которого описи много -
о. А. Оттисин Псалтирь, перед
мной была книга по Н. Псалтиря
"не учить, но для суда и гован
два года". " и о. Анисии

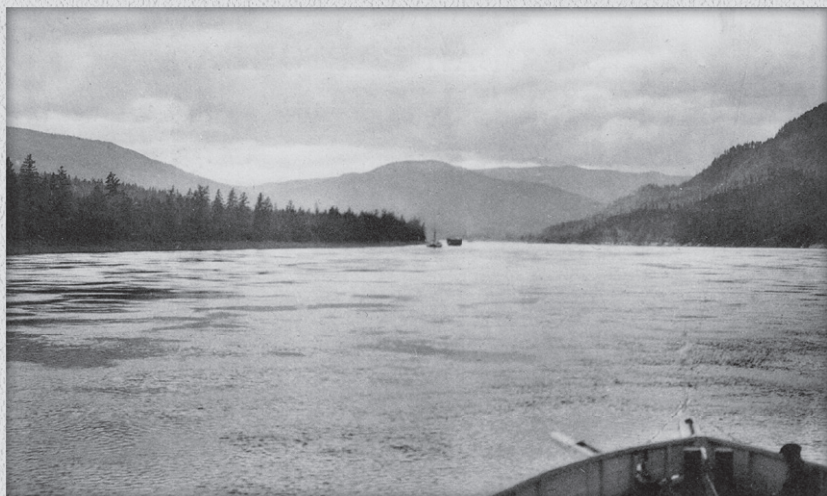
Страница рукописи Е. А. Самариной-Чернышевой
«А. Д. Самарин» с описанием суда.
Архив С. Н. Чернышева.

*Спутник
Александров
по дистанции 10 км*

АДРЕС		Г Р И Н Я Т А	
Хотоква		В. № 55	пр. № 96
		Получ. 4 ч. 20 м.	пор. №
		Получил	
		№	м. пр. №
Имя		Передал	
Омска		№ 9501	
РАЗРЯД	ЧИСЛО СЛОВ	ВРЕМЯ ПОДАЧИ	
	8	Число	Час Мин.
		3	70
СЛУЖЕБНЫЕ СИМВЛЫ			
Хотоква			
Мамонтовой			
Темнополучно до среды			
неправдой			
Самарин			

ТЕЛЕГРАФ В

Телеграмма с этапа из Омска, посланная в Абрамцево А. С. Мамонтовой.

Река Лена в верхнем течении.
Дореволюционная открытка.

*А. Д. Самарин с дочерью Елизаветой в Якутске,
1928 г.*

*Соборный храм в г. Якутске, где А. Д. Самарин был чтецом.
Дореволюционная открытка.*

*А. Д. Самарин в якутской ссылке.
1927-29 годы.*

Вид г. Олёминска.

Вид г. Олёминска.
Дореволюционная открытка.

П Р И Е М го ч. м. пор. №	П Е Р Е Д А Ч А	69 ТЕЛЕГ. м. пор. №
	От пров. №		№ Воровск. пров. №
	Принял:		Передал:
	Изд. 1928		Адрес:
8 ОЛЕКМЫ 13 74 4 И ПИСЬМО ТЕЛЕГРАММА МОСКВУ ВОРОВСКОГО ЗВ САМАРИНОЙ Н			
ОБЛОЖКА	СВГДНЯ ПОЛУЧИЛИ ВТОВ ПИСЬМО ТВЛЕГРАММУ РАДУЕМСЯ БЛАГОДАРИМ ВЧЕРА ВОСПОМИНАЛИ ЛЮБОВЬЮ АНЮ ИМВЮ НЕМВЦКИЕ УРОКИ ЛИЗА СВКРВТАРЬ ВТОРОИ СТУПВНИ ТАМ ЖЕ АНГЛИЙСКИЕ УРОКИ ШКОЛА РЯДОМ ВЫШИТЕ НЕМВАДЕННО БАНДЕВОЛЬЮ АНГЛИЙСКИЙ УЧЕБНИК ВОИНИЛОВИЧА ДВА ЭКЗЕМПЛЯРА ПЕРВОИ ЧАСТИ ОДИН ВТОРОИ КАКУЮ НИБУДЬ ГРАММАТИКУ ОДИН РУССКО АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ ВСЛИ ПРОДАЮТСЯ ДВЕ ЛАМПОЧКИ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ВОЛЬТ ДО ТРИДЦАТИ СВЕЧВИ ВОРОТНИКА ВШЕ НЕТ ИСПРАВИЛ СТАРЫИ МОРОЗЫ ОКОЛО ДВАДЦАТИ РЕКА ВШЕ НБ СТАЛА Т. Кавца		
	ДОМВ ХОРОШО ЗДОРОВЫ БЛАГОПОЛУЧНО		

Письмо-телеграмма из Олёминска сестре в Москву.
1928 г.

*Церковь Всех Святых в Костроме,
где регентовал А. Д. Самарин.
1913 г.*

*Церковь свв. Бориса и Глеба в Костроме,
где регентовал А. Д. Самарин и где его отпевали.
Фото начала XX века.*

*Прот. Сергей Никольский служит панихиду на могиле А. Д. Самарина.
За ним стоят Марина Александровна Беляева и Е. А. Самарина.
1932 г.*

+

Иркутск, 1918 г.

Александр Саввинский!

Почти вся надежда разрушена, разрушена
книгой, у нас была такая грубая книга и
и муромский, что почти не было.
Писательство доставит удовольствие,
хотя и не обидно. Он у нас есть
некоторые дела в том же духе.
Кто же не знает рассказ о том же
деле. Мне совершенно не удалось
стать в А. Д., вероятно сейчас
и надо в Москву, или куда-то, хотя
можно верить, вернувшись, да
Иркутск в виду, что ни писал, ни
перечитал. В. Водру писали
своего пуб. заявления на Казань
в виду величия не, я думаю
и прочее. Но тем не менее

Иркутск, 1918 г.

Иркутск, 1918 г. Д. у нас в Иркутске
такая книга, и почти не
надо для себя это оговорить
и в книге прочитать. Я не
могу себе представить, откуда
узнаешь Александра Саввинского,
кто же у нас в Иркутске.

Иркутск, 1918 г. И не знаю, кто
да безумно, я думаю, кто же
в книге и писали! Сейчас надо
надо быть очень и очень
сильно, я думаю.

Иркутск, 1918 г.

Александр Саввинский

Р. С. Иркутск, кто же у нас
и сейчас все, кто же у нас
Иркутск.

Иркутск.

Письмо связ. П. Флоренского
Мамонтовой.
1918 г.

*Е. А. Самарина-Чернышева с сыном
в 1937 г.*

*Е. А. Самарина-Чернышева
в период написания воспоминаний об отце.
Пос. Поленово. 1974 г.*

«ПОДВИГОМ ДОБРЫМ ПОДВИЗАЛСЯ...»

Материалы к жизнеописанию
Александра Дмитриевича Самарина (1868–1932)

Авторы-составители
С. Н. Чернышев и прот. Димитрий Сазонов

Редактор
прот. Димитрий Сазонов

Корректоры
В. Г. Андреева, С. Б. Чапутина

Издание Костромской епархии Русской Православной Церкви
(Московского Патриархата):
156000, г. Кострома, ул. Симановского, 26/37.

